Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Фейзрахманова Екатерина Ринатовна

ПРИОБРЕТЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ НА ОСНОВАНИИ СДЕЛОК С АКЦИЯМИ (ДОЛЯМИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ) ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент,
Лаптев Василий Андреевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ 19

§ 1. Понятие корпоративного контроля: основные теоретические подходы 19

§ 2. Основания возникновения корпоративного контроля в хозяйственных обществах 36

§ 3. Последствия установления корпоративного контроля в хозяйственных обществах 48

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК ПО ПРИОБРЕТЕНИЮ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ 79

§ 1. Приобретение корпоративного контроля на основании сделок по отчуждению акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ 79

§ 2. Приобретение корпоративного контроля на основании сделок, не предполагающих отчуждение акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ 113

ГЛАВА 3. ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ АКЦИОНЕРОВ (УЧАСТНИКОВ) И ЛИЦ, ПРИОБРЕТАЮЩИХ КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ 134

§ 1. Отдельные средства защиты прав и законных интересов сторон сделки по приобретению корпоративного контроля 134

§ 2. Защита прав акционеров (участников) при совершении сделок по приобретению корпоративного контроля 146

§ 3. Восстановление корпоративного контроля 163

§ 4. Защита прав и законных интересов миноритарных акционеров (участников) при смене корпоративного контроля 178

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 194

БИБЛИОГРАФИЯ 200

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена совокупностью экономических, правовых и социально-политических факторов, определяющих развитие современного корпоративного права. Современная рыночная экономика характеризуется тем, что основным актором в экономических взаимоотношениях выступают корпоративные юридические лица. Стремительное развитие рыночных отношений приводит к усложнению связей между участниками хозяйственной деятельности, созданию предпринимательских объединений и многоуровневых холдинговых структур, возникновению новых договорных конструкций, направленных на осуществление совместной деятельности, а также позволяющих сторонам оказывать влияние на действия друг друга, что, безусловно, оказывает влияние на развитие системы корпоративного управления. В связи с этим особое значение приобретает исследование корпоративного контроля как явления, непосредственно связанного с осуществлением управления в хозяйственных обществах, посредством использования как юридических, так и иных способов воздействия на принятие решений. Сложно отрицать, что в настоящее время категория «корпоративный контроль» представляет собой одну из наиболее значимых проблематик в науке корпоративного права, а также является предметом исследования в рамках других наук, в частности экономических.

Правовая регламентация совершения сделок с акциями (долями в уставном капитале) корпораций различается в различных правопорядках, во многих вопросах кардинально отличается от российского законодательства, в связи с чем особый интерес представляет исследование зарубежного нормативного правового базиса и правоприменительной практики в целях выявления наиболее эффективных механизмов правового регулирования. Также необходимо обратиться к разработкам отечественной и зарубежной доктрины, посвященной исследованию проблематики корпоративного контроля, оснований его возникновения, вопросов правовой регламентации сделок с акциями (долями в уставном капитале) корпоративных юридических лиц, защиты прав и законных

интересов участников корпоративных отношений, а также лиц, являющихся сторонами таких сделок, поскольку многие вопросы остаются дискуссионными.

Усложнение взаимоотношений между субъектами гражданского оборота приводит к появлению новых оснований возникновения корпоративного контроля в хозяйственных обществах, в частности, на это влияет развитие договорных конструкций, связанных с распоряжением акциями и долями в уставных капиталах. Также важно учитывать, что влияние на формирование воли корпорации может оказываться вследствие фактических обстоятельств, не облеченных в юридическую обязанность следовать указаниям лица, обладающего контролем. Увеличение количества оснований возникновения корпоративного контроля приводит к расширению перечня лиц, которые могут быть признаны контролирующими, что влечет применение к ним последствий установления корпоративного контроля, в том числе положений об ответственности контролирующих лиц.

Растущее число слияний и поглощений порождает необходимость правовой регламентации процесса приобретения контроля с учетом интересов как участников корпораций, так и других заинтересованных сторон. Кроме того, в текущей экономической и геополитической ситуации возникает проблема участия иностранных инвесторов в российских юридических лицах. В связи с этим необходимо сфокусироваться на наиболее распространенных и рискованных инструментах перераспределения корпоративного контроля.

Многие вопросы приобретения корпоративного контроля на основании сделок, не предполагающих переход прав на акции (долю в уставном капитале), представляют интерес для исследования, поскольку при совершении таких сделок может возникнуть нетипичная для корпоративного права ситуация, где происходит разделение права на акцию (долю в уставном капитале) и прав из акции (доли в уставном капитале). Анализ действующей правоприменительной практики свидетельствует о том, что нарушение обязательств по сделкам, на основании которых происходит переход корпоративного контроля, посягающее на права и законные интересы стороны сделки, происходит достаточно часто. В связи с этим

важно обеспечить эффективную и реальную защиту нарушенных или оспариваемых прав участников хозяйственных обществ и лиц, приобретающих корпоративный контроль. Кроме того, проблематика утраты корпоративного контроля ввиду неправомерных действий третьих лиц не теряет своей актуальности. Восстановление корпоративного контроля занимает особое место в системе способов защиты прав участников корпораций и является предметом множества доктринальных правовых исследований последнего десятилетия, однако остается ряд неразрешенных вопросов.

Особое внимание обращает на себя проблематика защиты прав и законных интересов миноритарных участников хозяйственных обществ при смене корпоративного контроля, поскольку на практике их интересы часто игнорируются. Регулирование сделок с крупными пакетами акций публичных компаний находится на стадии реформирования, однако на данный момент многие проблемы защиты прав и законных интересов миноритарных участников корпораций так и остаются не решенными на законодательном уровне.

В этой связи на законодательном уровне требуется разработка и закрепление эффективной системы механизмов защиты прав и законных интересов всех заинтересованных в сделке, направленной на переход корпоративного контроля, лиц.

Степень научной разработанности темы. Общетеоретическую основу исследования составили классические труды дореволюционных и советских цивилистов, заложивших основы учения о юридических лицах и сделках, среди которых следует выделить работы М. М. Агаркова, Ю. С. Гамбарова, В. П. Грибанова, О. С. Иоффе, О. А. Красавчикова, В. В. Лаптева, И. А. Покровского, Г. Ф. Шершеневича.

Вопросы правового регулирования деятельности корпораций, структуры корпоративных правоотношений, корпоративного управления, правового положения участников хозяйственных обществ, в том числе привлечения к ответственности, а также специфика договорных механизмов в корпоративном праве получили фундаментальное развитие в работах современных ученых:

В. К. Андреева, В. А. Белова, В. В. Витрянского, А. В. Габова, О. В. Гутникова, В. В. Долинской, А. В. Ефимова, М. В. Илюшиной, А. Г. Карапетова, Н. В. Козловой, А. А. Кузнецова, В. А. Лаптева, Д. В. Ломакина, О. А. Макаровой, А. А. Маковской, А. Е. Молотникова, С. В. Сарбаша, С. А. Синицына, Д. И. Степанова, Е. А. Суханова, И. С. Шиткиной.

В настоящее время существует немало научных исследований, посвященных отдельным проблемам корпоративного контроля. Так, например, учеными-юристами исследовались понятие корпоративного контроля[1], проблемы правового регулирования отношений корпоративного контроля в холдингах[2], правовые последствия возникновения корпоративного контроля[3], проблемы восстановления корпоративного контроля в хозяйственном обществе[4]. Однако за последнее десятилетие учеными не проводилось комплексное исследование проблем приобретения корпоративного контроля на основании сделок с акциями (долями в уставных капиталах) хозяйственных обществ.

Таким образом, по мнению автора, исследование вопросов, связанных с приобретением корпоративного контроля на основании сделок с акциями (долями в уставных капиталах) хозяйственных обществ, в условиях недостаточной разработанности в современных условиях подтверждает значимость и актуальность настоящего диссертационного исследования.

Объект диссертационного исследования – правовые отношения, связанные с приобретением корпоративного контроля в результате совершения сделок с акциями (долями в уставных капиталах) хозяйственных обществ.

Предмет исследования включает**:**

- положения правовой доктрины по проблематике настоящего исследования, т.е. теоретическая составляющая;

---

[1] См.: *Оборов А. С.* Понятие, содержание и правовое обеспечение корпоративного контроля в коммерческих корпорациях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024; *Зотова Е. В.* Сохранение корпоративного контроля в акционерном обществе в праве Германии и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

[2] См.: *Гурьянов А. В*. Правовое регулирование отношений корпоративного контроля и управления в холдингах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

[3] См.: *Шиткин А. О.* Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

[4] См.: *Назимов И. А.* Восстановление положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.

- нормативно-правовое регулирование указанной сферы общественных отношений, т.е. нормативная составляющая;

- разъяснения и выводы судебной практики, т.е. правоприменительная составляющая.

Цели и задачи исследования. ***Целью*** исследования является формирование целостной системы знаний о правовом регулировании приобретения корпоративного контроля посредством совершения сделок с акциями (долями в уставных капиталах) хозяйственных обществ, включающей исследование понятия корпоративного контроля как самостоятельного объекта сделки, выделение и анализ отдельных оснований его возникновения, а также вопросов защиты прав и законных интересов акционеров (участников) хозяйственного общества и приобретателей корпоративного контроля.

Во исполнение цели сформулированы следующие ***задачи*** диссертационного исследования:

1) рассмотрение существующих подходов к определению корпоративного контроля, выявление особенностей данного понятия, а также проведение разграничения со смежными категориями;

2) систематизация оснований возникновения корпоративного контроля в хозяйственных обществах, а также определение места сделок с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственных обществ в системе оснований возникновения корпоративного контроля;

3) выявление последствий установления корпоративного контроля в хозяйственных обществах;

4) рассмотрение отдельных видов сделок по отчуждению акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ и выявление проблем правового регулирования;

5) установление особенностей приобретения корпоративного контроля на основании сделок, не предполагающих отчуждение акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ;

6) выявление особенностей защиты прав и законных интересов сторон сделки

по приобретению корпоративного контроля;

7) изучение отдельных способов защиты прав акционеров (участников) при совершении сделок по приобретению корпоративного контроля, в частности, особенностей восстановления корпоративного контроля как способа защиты прав;

8) определение проблем применения отдельных средств защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров (участников) при смене корпоративного контроля.

Методология и методы диссертационного исследования представлены общими методами (анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, аналогия), частно-научными методами (системный и структурно-функциональный методы), а также специально-юридическими методами (сравнительно-правовой и формально-юридический, а также метод толкования права).

Специально-юридические методы использовались автором при:

- выявлении сходства и различий правового регулирования момента перехода прав на долю в уставном капитале (акции) хозяйственного общества, исследовании особенностей залога корпоративных прав в России и зарубежных странах (сравнительно-правовой метод);

- исследовании различных понятий, определении их признаков, а также при формулировании авторских дефиниций различных понятий (формально-юридический метод);

- изучении и анализе норм корпоративного законодательства (метод толкования права).

Теоретическую основу настоящего диссертационного исследования составляют научные работы ведущих российских и зарубежных ученых в области гражданского, корпоративного права и иных отраслей права: Р. С. Бевзенко, В. А. Белова, Д. О. Бирюкова, А. В. Габова, Е. В. Глухова, А. В. Гурьянова, О. В. Гутникова, Д. И. Дедова, В. В. Долинской, А. В. Ефимова, М. В. Илюшиной, А. Г. Карапетова, Н. В. Козловой, А. А. Кузнецова, В. А. Лаптева, Д. В. Ломакина, О. А. Макаровой, А. А. Маковской, С. Д. Могилевского, С. А. Синицына, Д. И. Степанова, С. Ю. Филипповой, А.О. Шиткина, И. С. Шиткиной,

David C. Bayne, Adolf A. Berle, Henry G. Manne, Gardiner C. Means и др.

Нормативно-правовую основу настоящей диссертации составляют совокупность положений Конституции РФ и российских нормативных правовых актов: федеральные законы, акты Президента РФ и Правительства РФ, подзаконные акты органов публичной власти, в том числе национальные документы стратегического планирования, а также международные акты и нормативные правовые акты зарубежных государств.

Эмпирическая база исследования включает в себя отечественную и зарубежную правоприменительную практику, в том числе практику арбитражных судов, постановления Конституционного Суда РФ, постановления пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, а также статистические данные.

Научная новизна обусловлена темой, постановкой проблемы, методологией исследования и заключается в выработке целостного научного представления об особенностях корпоративного контроля как самостоятельного объекта сделок с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственных обществ, обладающего самостоятельной экономической (имущественной) ценностью.

В рамках настоящего исследования впервые проведен комплексный анализ системы сделок с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственных обществ, на основании которых происходит смена корпоративного контроля; определено место сделок с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственных обществ в системе оснований возникновения корпоративного контроля; обоснована двойственная природа опционного соглашения как основания приобретения корпоративного контроля и как правового средства защиты прав и законных интересов; установлено, что корпоративный контроль может являться самостоятельным предметом залога; определены правовые средства защиты прав и законных интересов приобретателей корпоративного контроля; предложено авторское понимание восстановления корпоративного контроля как способа защиты прав.

На защиту выносятся следующие положения и выводы:

1. Автором выявлено, что корпоративный контроль является сложной экономико-правовой категорией, рассмотрение которой возможно не только через призму прав и обязанностей, вытекающих из владения акциями (долями в уставном капитале) корпорации. Доказано, что в гражданском обороте объектом сделок с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственных обществ могут являться не только непосредственно акции (доли в уставном капитале), но и корпоративный контроль. Предметом сделки с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственного общества, опосредующей передачу корпоративного контроля, являются согласованные действия сторон сделки, юридическим результатом которых выступает смена лица, обладающего корпоративным контролем (в том числе, в отрыве от перехода прав на акции или долю в уставном капитале). Объектом в данном случае являются не только акции (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, но и корпоративный контроль.

Самостоятельный характер корпоративного контроля как объекта сделки обосновывается, во-первых, его индивидуальной экономической (имущественной) ценностью (отличной от стоимости акций (долей в уставном капитале) хозяйственного общества); во-вторых, намерениями сторон по передаче и приобретению именно корпоративного контроля, как возможности определять решения и деятельность конкретного хозяйственного общества, руководствуясь своими интересами.

2. Разграничивая понятия корпоративного контроля и корпоративного управления, автор доказал, что корпоративный контроль предполагает возможность формировать волю корпорации, и тем самым определять ее деятельность в интересах лица, обладающего данным контролем, в то время как корпоративное управление представляет собой систему взаимоотношений, определяющих организационную структуру органов корпорации, механизмы управления компанией, в том числе взаимодействие участников, органов корпорации и иных заинтересованных лиц между собой.

Корпоративный контроль приобретает материально-правовое воплощение в рамках корпоративного управления, реализуемого в процессе принятия органом подконтрольного общества управленческого решения или совершения иного действия во исполнение обязательных указаний лица, обладающего корпоративным контролем.

3. В целях определения норм права, регулирующих рассматриваемую сферу общественных отношений, выделены следующие группы оснований возникновения корпоративного контроля:

1) приобретение права участия в хозяйственном обществе, в том числе:

- приобретение права прямого участия в обществе, включающее в себя первоначальное получение права участия в обществе при его учреждении либо в результате реорганизации, а также производное приобретение права участия в обществе на основании возмездных (безвозмездных) сделок с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственных обществ, направленных на смену участника корпорации (купля-продажа, опционное соглашение, дарение, мена, принятие наследства, раздел общего имущества супругов и соглашение об отступном);

- приобретение права косвенного участия в хозяйственном обществе, осуществляемое посредством установления цепочки владения акциями (долями в уставных капиталах) одной или нескольких промежуточных компаний, получения акций (долей в уставном капитале) холдинговой компании или посредством передачи акций (долей в уставных капиталах) хозяйственного общества в состав общего имущества закрытого паевого инвестиционного фонда (далее – ЗПИФ);

2) заключение сделок, не предполагающих отчуждение акций (доли в уставном капитале) хозяйственных обществ (например, залог акций либо доли в уставном капитале, доверительное управление акциями либо долями в уставных капиталах, опционное соглашение, корпоративный и квазикорпоративный договор, кредитный договор и др.);

3) возникновение в силу фактических обстоятельств, позволяющих определять волю хозяйственного общества, в том числе посредством дачи указаний лицу, уполномоченному выступать от имени корпорации в силу закона или

учредительного документа, и членам коллегиальных органов корпорации. В таком случае у контролирующего лица отсутствуют формальные правовые основания для определения действий подконтрольного лица, но есть опосредованная возможность оказывать влияние на процесс управления корпоративной организацией, обусловленная структурой связей между контролирующим лицом и контролируемым обществом, а также характером их взаимодействия.

4. Автором выявлено, что передача акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ в состав общего имущества ЗПИФ представляет собой сделку, направленную на приобретение косвенного участия в хозяйственном обществе. Так, основанием возникновения корпоративного контроля выступает договорная конструкция, предполагающая прекращение права собственности на акции (долю в уставном капитале) посредством передачи в общее имущество и получение инвестиционного пая, удостоверяющего права на часть общего имущества ЗПИФ, а также доверительное управление таким имуществом.

Рассматриваемая структура управления общим имуществом ЗПИФ аналогична системе органов корпорации и позволяет лицу, передавшему акции (доли в уставном капитале) в состав общего имущества ЗПИФ, сохранить корпоративный контроль, поскольку такое лицо также сохраняет за собой возможность определять решения подконтрольного общества. Таким образом, пайщик ЗПИФ признается косвенным контролирующим лицом хозяйственного общества, акции (доли в уставном капитале) которого переданы в состав общего имущества ЗПИФ. Действия по передаче акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ в состав общего имущества ЗПИФ порождают образование холдинга, как организационной структуры, позволяющей осуществлять контроль над совокупностью юридических лиц.

5. Автором обоснована двойственная природа опционного соглашения как основания приобретения корпоративного контроля и как правового средства защиты прав и законных интересов. Опционное соглашение как основание возникновения корпоративного контроля предложено рассматривать, во-первых, как сделку, направленную на приобретение прямого права участия в

хозяйственном обществе, во-вторых, как сделку, не предполагающую отчуждение акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, но содержащую условия, приводящие к возникновению на стороне управомоченного лица (держателя опциона) корпоративного контроля, позволяющего определять деятельность корпорации до перехода ему права на акции (долю в уставном капитале).

Диссертантом установлено, что опционное соглашение, содержащее юридическую конструкцию обязательства в форме обратного опциона, является также и правовым средством защиты интересов лица, стремящегося сохранить или вернуть корпоративный контроль, в том числе в случае вынужденной продажи акций (долей в уставном капитале), предоставляющих правообладателю корпоративный контроль.

6. Автором также установлен двойственный характер перехода корпоративного контроля пережившему супругу, выраженный, во-первых, в приобретении корпоративного контроля в результате совершения односторонней сделки – посмертного раздела общего имущества супругов в порядке, установленном семейным законодательством (наделение пережившего супруга корпоративными правами, в том числе корпоративным контролем, осуществляется в порядке, аналогичном разделу общего имущества супругов (п. 2 ст. 21 Закона об ООО)); во-вторых, в приобретении корпоративного контроля в результате совершения односторонней сделки по принятию наследства.

7. Установлено, что корпоративный контроль может фактически являться самостоятельным предметом залога. Формально-юридический подход о том, что предметом залога выступают исключительно акции (доли в уставном капитале) хозяйственных обществ, не в полной мере охватывает экономическую сущность и функциональное назначение залога акций (долей в уставном капитале), в рамках которого в силу договора либо закона происходит перераспределение корпоративного контроля. Первоначальный материально-правовой интерес залогодержателя акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, заключающийся в обеспечении основного обязательства за счет реализации

предмета залога, в рамках гражданского оборота трансформируется в установление корпоративного контроля над обществом, акции (доли в уставном капитале) которого закладываются. Таким образом обязательственные правоотношения преобразуются в обязательственно-корпоративные правоотношения.

Доказано, что модель «автоматического» перехода корпоративного контроля, предусмотренная гражданским законодательством в отношении обществ с ограниченной ответственностью (если иное не предусмотрено договором), обусловливает возможность залогодержателя влиять на определение рыночной стоимости предмета залога, в частности, в случаях утраты либо обесценивания предмета залога несмотря на общее правило об обязанности залогодержателя по обеспечению сохранности заложенного имущества.

8. Диссертантом подтвержден выдвинутый им тезис о том, что включение в договор купли-продажи акций (долей в уставном капитале) хозяйственных обществ заверений о финансовом, имущественном и обязательственном положении хозяйственного общества является эффективным средством защиты прав и законных интересов приобретателя. Вместе с тем в случае непредставления продавцом заверений в отношении характеристик хозяйственного общества приобретатель фактически лишается защиты, если цена договора будет завышена в сравнении с ее рыночной стоимостью. В целях обеспечения защиты прав и законных интересов приобретателя акций (доли в уставном капитале) в случае непредставления продавцом заверений в отношении характеристик хозяйственного общества аргументирована целесообразность распространения правил о качестве товара (ст. 469-477 ГК РФ) на договор купли-продажи акций (долей в уставных капиталах) при условии доказанности отсутствия у приобретателя возможности получить достаточную объективную информацию об имущественном и финансовом состоянии хозяйственного общества, акции (доли в уставных капиталах) которого приобретены. Таким образом, приобретателю будет предоставлен минимальный объем гарантий защиты прав и законных интересов в случае невозможности получения объективной информации об имущественном и

финансовом состоянии хозяйственного общества, в том числе возможность требовать соразмерного уменьшения цены договора или его расторжения.

9. Обосновано, что восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав по своей правовой природе является специальным случаем поименованного в ст. 12 ГК РФ общего способа защиты права – восстановления положения, существовавшего до нарушения, являющегося одновременно комплексным способом защиты прав.

Выделены следующие характеризующие признаки восстановления корпоративного контроля как способа защиты прав: 1) требование о восстановлении корпоративного контроля может быть заявлено не только участником хозяйственного общества, но и иными лицами (например, супругом, в том числе бывшим); 2) невозможность применения в отрыве от иных способов защиты права, поименованных в ст. 12 ГК РФ, и комплексный характер, заключающийся в применении в рамках иска о восстановлении корпоративного контроля в различных комбинациях таких общих способов защиты права, как оспаривание сделок, решений общего собрания общества и др.; 3) возможность применения восстановления корпоративного контроля как способа защиты права исключительно в случаях, когда защита прав не может быть обеспечена иными способами.

Предложения по совершенствованию российского законодательства.

1. В российском правовом регулировании передачи в залог доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью баланс интересов залогодателя и залогодержателя нарушен в пользу последнего, поскольку предоставленный ему комплекс корпоративных прав несоразмерен обеспечительному интересу, в связи с чем диссертант пришел к выводу о необходимости изменения модели автоматического перехода корпоративного контроля, предусмотренной в ст. 358.15 ГК РФ, на модель, предусмотренную для акционерных обществ, что будет соответствовать существу общества с ограниченной ответственностью как «объединения лиц» (закрытой корпорации, персональный состав которой важен для ее участников (intuitas personae)).

Внесение подобных изменений необходимо в целях защиты залогодателя от недобросовестных действий залогодержателя, поскольку действующая редакция ст. 358.15 ГК РФ по умолчанию позволяет полностью отстранить залогодателя от осуществления корпоративных прав, в том числе права на получение информации о деятельности общества.

2. По результатам анализа судебной практики автором сделан вывод о том, что существующее регулирование отношений, связанных с доверительным управлением долями в уставном капитале хозяйственных обществ, не является совершенным. Так, в действующем регулировании отсутствуют положения о том, что доверительный управляющий может осуществлять корпоративные права, вытекающие из переданных в доверительное управление долей в уставном капитале, в связи с чем данный вопрос каждый раз решается судами посредством толкования существующих норм, причем в некоторых случаях толкование может быть различным. В свою очередь, в отношении доверительного управления акциями действует положение Закона о рынке ценных бумаг, согласно которому доверительный управляющий ценными бумагами осуществляет права, закрепленные данными ценными бумагами (ч. 11 ст. 5).

Во избежание неопределенности правового регулирования в части возможности осуществления доверительным управляющим долей в уставном капитале корпоративных прав предлагается закрепить в гл. 53 ГК РФ положение о том, что по общему правилу доверительный управляющий осуществляет корпоративные права, вытекающие из переданных в доверительное управление долей в уставном капитале, если в договоре доверительного управления не установлено иное. Закрепление на законодательном уровне указанных положений позволит обеспечить единый подход к регулированию данных отношений.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается во внесении научного вклада в развитие науки предпринимательского и корпоративного права в области исследования корпоративного контроля как объекта сделок с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственных обществ.

Выводы настоящего исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении настоящей проблематики.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в возможности использования сделанных в нем выводов и предложений при подготовке научных монографий по вопросам корпоративного права, в законодательной и правоприменительной деятельности при совершенствовании механизмов защиты прав и законных интересов акционеров (участников) и приобретателей при совершении сделок с акциями (долями в уставном капитале), направленных на перераспределение корпоративного контроля.

Кроме того, положения настоящего исследования могут быть использованы при преподавании курсов «Гражданское право», «Предпринимательское право», «Корпоративное право» и др.

Достоверность и апробация результатов исследования.

Достоверность полученных научных результатов обеспечивается использованием существующих в доктрине подходов по вопросам изучаемой проблематики и современных методов исследования. Итоговые результаты работы, изложенные в заключении, соотносятся с целью и задачами, сформулированными автором исследования. Научные положения и выводы, сформулированные в диссертации, подкреплены сложившейся судебной практикой, раскрытой в рамках настоящего исследования.

Настоящая диссертация подготовлена, обсуждена и одобрена на кафедре предпринимательского и корпоративного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Отдельные результаты диссертационного исследования были опубликованы автором в виде статей в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, и иных научных изданиях, а также использованы при проведении практических занятий в

рамках педагогической практики.

Кроме того, результаты исследования излагались на различных научных мероприятиях: Международная научно-практическая конференция «Правовой суверенитет в сфере экономики и предпринимательства» (24 ноября 2022 г., Юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова); V Международная научно-практическая конференция «Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях» («Лаптевские чтения-2023») (27 апреля 2023 г., Институт государства и права Российской академии наук); Секция «Корпоративное право современной России: эффективность регулирования и применения» в рамках Международной научно-практической конференции «Право и бизнес: Предпринимательское право и его роль в социально-экономическом развитии России» (6–8 июня 2024 г., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)); VII Всероссийская научно-практическая конференция «Лаптевские чтения» на тему: «Право и реальный сектор экономики» (25 апреля 2025 г., Институт государства и права Российской академии наук).

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования и включает в себя введение, основную часть (три главы, включающие в себя девять параграфов), заключение и библиографию.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

§ 1. Понятие корпоративного контроля: основные теоретические подходы

Одной из основных характеристик рыночной экономики является преобладающее участие корпораций в экономических отношениях. Активное развитие рыночных отношений способствует усложнению системы корпоративного управления, нацеленной на соблюдение баланса интересов различных субъектов отношений.

Особое внимание привлекает категория «корпоративный контроль». В настоящее время в правовой науке не выработана единая дефиниция рассматриваемого феномена, однако фактически термин широко используется. Необходимость глубокого теоретического осмысления понятия корпоративного контроля продиктована фундаментальным сдвигом в парадигме корпоративного права: переходом от формально-юридического критерия (владение долей в уставном капитале) к функциональному (реальная способность определять волю юридического лица). В условиях усложнения экономических связей корпоративный контроль перестает быть статичным состоянием, связанным с титулом собственности, и трансформируется в динамический процесс реализации власти. Отсутствие в доктрине и законодательстве единого, научно обоснованного определения контроля создает пробелы в правоприменении, позволяя бенефициарам уклоняться от ответственности и обходить механизмы защиты прав миноритариев. Следовательно, систематизация теоретических подходов к феномену контроля является необходимым базисом для совершенствования институтов корпоративной ответственности и регулирования рынка M&A.

Исследование понятия корпоративного контроля стоит начать с рассмотрения категории «контроль». Термин «контроль» используется в различных значениях в зависимости о того, к каким общественным отношениям он применяется. Поскольку понятие контроля является предметом разноотраслевых

юридических исследований, выработка универсального определения не представляется возможной.

В первую очередь, термин «контроль» ассоциируется с публичными отраслями права, где контроль предполагает осуществление субъектом, наделенным властными полномочиями, наблюдения за подконтрольным лицом в целях проверки соблюдения тех или иных требований законодательства. Таким образом, контроль публично-правовых отношений представляет собой механизм реализации контрольно-надзорных властных полномочий в отношении деятельности подконтрольного субъекта.

В публично-правовых отношениях форма и способы осуществления контроля четко регламентированы нормативными правовыми актами, а целью контроля является выявление нарушений требований законодательства для дальнейшего их устранения. Таким образом, в данном случае контроль направлен на охрану общественных интересов. Можно констатировать, что контроль в публично-правовой сфере представляет собой институциализированную форму реализации государственной власти. Его конститутивными признаками являются: 1) вертикальность отношений (неравенство субъектов, основанное на административном подчинении); 2) императивный инструментарий (возможность применения мер государственного принуждения (санкций) за нарушение предписаний) 3) публичная цель (направленность на обеспечение законности и защиту общественных интересов).

В свою очередь, контроль в частноправовых отношениях обладает определенными особенностями, отличающимися от публично-правового контроля. Основным отличием является то, что в частноправовых отношениях контроль не может быть обязательным или принудительным. Контроль в данных отношениях реализуется в интересах контролирующего и подконтрольного лица как проявление баланса интересов субъектов гражданского права, а также саморегулирующей сущности гражданско-правового контроля. Также отличительной особенностью гражданско-правового контроля является отсутствие

строгой регламентации. Контролирующее лицо самостоятельно выбирает способы, средства и порядок проведения контроля.

Таким образом, можно согласиться с утверждением, согласно которому контроль в частноправовых отношениях следует рассматривать с точки зрения права, а не обязанности контролирующего лица[5]. Контроль в данном случае направлен на коррекцию деятельности подконтрольного субъекта, которая должна соответствовать определенным контролирующим лицом правилам и запретам.

С. Д. Могилевский, рассматривая понятие контроля в контексте прав участника хозяйственного общества, отмечает, что под контролем в континентальной системе права традиционно понимают различные действия субъектов по проверке деятельности подконтрольных объектов[6]. То есть контроль предполагает наблюдение или надзор за деятельностью подконтрольного субъекта, при этом подконтрольный субъект не теряет своей самостоятельности. Так, автор отмечает, что контроль за деятельностью хозяйственного общества осуществляется посредством реализации права участника общества на информацию и доступ к документам общества, проведения ревизионной комиссией проверки финансово-хозяйственной деятельности общества и др.

Однако важно отметить, что понятия «контроль за деятельностью корпорации» и «корпоративный контроль» не тождественны. Стоит согласиться с мнением А. А. Глушецкого, который утверждает, что корпоративный контроль представляет собой не надсмотр или надзор над корпорацией, а экономическую власть, которую лицо получает по отношению к конкретному корпоративному образованию и (или) его органам[7]. Корпоративный контроль направлен на формирование воли корпорации, а контроль за деятельностью корпорации – на проверку действий подконтрольного лица.

Изначально понятие «корпоративный контроль» разрабатывалось не как юридическая категория, а исследовалось в рамках управленческих и

---

[5] См.: *Тужилова-Орданская Е. М.* Корпоративный контроль: основные теоретические подходы // Гражданское право. 2022. № 5. С. 19–25.

[6] См.: *Могилевский С. Д.* Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. С. 89.

[7] См.: *Глушецкий А. А*. Коммерческие корпорации: виды и организационное устройство. М.: Статут, 2023.

экономических наук. Корпоративный контроль представляет собой сложное понятие, применяемое в различных научных областях, ввиду этого его целесообразнее рассматривать комплексно, учитывая результаты исследований других наук. Таким образом, наиболее эффективные механизмы правового регулирования могут быть разработаны лишь при условии всестороннего исследования экономической основы и юридической формы отношений корпоративного контроля, что предполагает комбинированное использование методологии юридических и экономических наук.

Корпоративный контроль в самом общем виде представляет собой контроль над корпорацией, выраженный в возможности оказывать влияние на принятие стратегических решений, формирование органов управления, назначение руководства корпорации, принятие наиболее важных управленческих решений[8]. Таким образом, в широком смысле корпоративный контроль – это совокупность экономических и юридических прав, позволяющих лицу влиять на принятие финансовых и операционных решений.

А. Берле отмечал, что концепция корпоративного контроля является одной из определяющих для современного корпоративного права[9]. Сложно отрицать, что тезис, высказанный в 1958 году, не только сохраняет свою научную значимость, но и приобретает особую остроту в контексте современных экономических и правовых реалий.

Активно научный интерес к феномену корпоративного контроля начал проявляться в США в 60-е гг. XX в. Всплеск научного интереса к феномену корпоративного контроля в США в 1960-е годы не был случайным явлением, а стал реакцией академического сообщества на структурные изменения в экономике. Появление рынка враждебных поглощений и публикация программной работы Г. Манна[10] заставили переосмыслить корпоративный контроль не как статический

---

[8] См.: *Беляков В. Г.* Корпоративный контроль участников общества с ограниченной ответственностью: экономико-правовой подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2014. № 1. С. 57–80.

[9] См.: *Berle A. A. Jr.* “Control” in corporate law // Columbia Law Review. 1958. Vol. 58. P. 1212–1215.

[10] *Manne H. G.* Mergers and the Market for Corporate Control // Journal of Political Economy. 1965. Vol. 73. №. 2. P. 110–120.

атрибут права собственности, а как динамический актив, обращающийся на специальном рынке. Последствием этого теоретического сдвига стало формирование современного права слияний и поглощений (M&A), кроме того, именно дискуссии 1960-х годов заложили фундамент для экономического анализа права.

А. Берле и Г. Минз указывали на фундаментальный сдвиг в экономической природе корпорации: происходит отделение функции владения (ownership) от функции контроля (control)[11]. Если в 1930-е годы разделение собственности и контроля воспринималось как неразрешимая проблема, ведущая к диктатуре менеджмента, то после 1960-х оно стало рассматриваться как эффективная модель специализации: инвесторы поставляют капитал и несут риски, а профессиональные управленцы или активные мажоритарии поставляют компетенции. В этой парадигме свободный оборот корпоративного контроля (возможность его покупки и продажи) стал восприниматься как необходимое условие для притока инвестиций.

Одна из первых дефиниций понятия корпоративного контроля была предложена Д. Бэйном. Так, автор определил корпоративный контроль как положение, занимаемое акционером в отношении общества, и вытекающие из этого правомочия[12]. Автор рассматривает корпоративный контроль как влияние на деятельность корпорации посредством осуществления корпоративных правомочий, следующих из права на акции (долю) в уставном капитале корпорации. Можно предположить, что согласно концепции Д. Бэйна, природа корпоративного контроля раскрывается через категорию правоотношения, поскольку автор к элементам корпоративного контроля автор отнес собственно элементы корпоративного правоотношения (субъект, объект и содержание), а также свойства (наличие доверительных обязанностей и корреспондирующих с ними правомочий акционера) и обстоятельства, в связи с которыми корпоративный

---

[11] *Berle A. A., Means. G. C.* The Modern Corporation and Private Property. The Macmillan Company. 1932. P. 119–125.

[12] См.: *Bayne D. C.* A Philosophy of Corporate Control // University of Pennsylvania Law Review. 1963. Vol. 112. No. 1. P. 32–35, 37–38; *Idem*. The Definition of Corporate Control // Saint Louis University Law Journal. 1965. Vol. 9. No. 1. P. 448, 452–454.

контроль возникает как явление (необходимость управления корпорацией, принятия соответствующих решений)[13].

В российской доктрине существует аналогичный подход к определению корпоративного контроля. Так, Д. В. Ломакин, считает, что правомочия, составляющие корпоративный контроль, возникают у лица в связи с отношениями членства в хозяйственном обществе[14]. Автор полагает, что корпоративный контроль является частным видом отношений членства, в которых акционер реализует свои полномочия, соответствующие определенной доле участия в уставном капитале корпорации, в целях решающего влияния на волеобразование корпорации. С концепцией корпоративного контроля как корпоративных отношений также соглашается В. А. Русанова[15].

Так, авторы определяют корпоративный контроль как корпоративные правоотношения, характеризующиеся влиянием участника (акционера) на формирование воли корпорации посредством осуществления им корпоративных правомочий. Вместе с тем указанная позиция представляется неполной, поскольку не учитывает, что на процесс волеобразования корпорации могут оказывать влияние не только ее участники, но и иные лица.

Понятие корпоративного контроля также было исследовано Г. Манном, который полагал, что основным его содержанием является право назначения менеджеров корпорации[16]. А. Берле утверждал, что лицо, приобретающее акции, главным образом приобретает не ценные бумаги, а правомочия, следующие из ценных бумаг[17]. Основным приобретаемым правомочием автор выделил право избирать совет директоров компании. Таким образом, оба автора концентрируются на возможности избрания и назначения лиц, ответственных за управление корпорацией. Однако корпоративный контроль не ограничивается правом

---

[13] См.: *Bayne D. C.* The Definition of Corporate Control. P. 447–448.

[14] См.: *Ломакин Д. В*. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С. 153.

[15] См.: *Русанова В. А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 187.

[16] См.: *Manne H. G.* Mergers and the Market for Corporate Control // The Journal of Political Economy. 1965. Vol. 73. No. 2. P. 110–120.

[17] См.: *Berle A. A., Means G. C.* The Modern Corporation and Private Property. The Macmillan Company. 1932. P. 243.

избрания и назначения лиц, ответственных за управление корпорацией, а предполагает также возможность оказывать влияние на иные аспекты деятельности корпорации (например, корпоративное одобрение сделок, определение основных направлений деятельности корпорации и т.д.).

В российской правовой доктрине корпоративный контроль понимают как правомочие по принятию управленческих решений в обществе[18], как возможность влиять на волеобразование юридического лица[19], а также навязывать свою волю корпорации, ее участникам, извлекать дополнительные имущественные блага из подобного положения внутри корпоративного образования[20]. На основании приведенных мнений можно сделать вывод, что корпоративный контроль реализуется посредством принятия решений органами управления юридического лица.

В научной литературе также встречается позиция, в соответствии с которой корпоративный контроль рассматривается в двух аспектах[21]:

1) возможность принимать решения, обязательные для корпорации, возникшая в результате реализации корпоративных прав;

2) возможность блокировать принятие таких решений.

Однако представляется спорным рассмотрение возможности блокировать принятие решений корпорацией как проявление корпоративного контроля (негативный контроль), поскольку корпоративный контроль предполагает, что лицо, им обладающее, определяет деятельность хозяйственного общества, а не блокирует действия других участников общества. Когда контролирующее лицо определяет деятельность хозяйственного общества, орган управления принимает решение, соответствующее интересу такого лица. Возможность блокировать принятие решения органом управления предполагает невозможность принятия

---

[18] См.: *Сарбаш С.В.* Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 70–79.

[19] См.: *Глушецкий А. А.* Ответственность за неиспользование обязанности направить публичную оферту о приобретении ценных бумаг акционерного общества // Хозяйство и право. 2009. № 6. С. 73. *Долинская В. В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография. М., 2006. С. 591–592.

[20] См.: *Степанов Д. И.* Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 167–171.

[21] См.: *Назимов И. А.* Восстановления положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. С. 15.

решения без учета интереса лица, обладающего долей участия, достаточной для блокирования решения. Такая ситуация может возникнуть, если для принятия решения общим собранием требуется единогласное голосование или квалифицированное большинство голосов (например, по вопросам утверждения устава, назначения единоличного исполнительного органа, одобрения экстраординарной сделки и др.). Так, лицо, обладающее долей участия, достаточной для блокирования решения, может не допустить принятие решения, противоречащего его интересам, и тем самым повлиять на деятельность корпорации.

Проанализированные точки зрения основаны на том, что корпоративный контроль представляет собой возможность участвовать в формировании воли корпорации посредством реализации корпоративных прав, возникающих у участника вследствие обладания доли участия (акций) определенного размера.

Корпоративный контроль заключается в обладании совокупностью правомочий, которые позволяют определять политику и стратегию компании. К основным правомочиям относится:

- право голоса на общих собраниях акционеров (влияет на ключевые решения, такие как избрание совета директоров, утверждение финансовой отчетности, распределение дивидендов, выпуск новых акций и изменение устава компании);

- право назначения и увольнения руководства (контролирующий акционер может влиять на назначение топ-менеджмента компании);

- право на доступ к информации (контролирующие акционеры обладают расширенным доступом к внутренней информации компании, что позволяет им лучше оценивать стратегические перспективы)[22].

Таким образом, можно констатировать, что основные подходы к дефиниции корпоративного контроля базируются на том, что акции как корпоративные ценные бумаги предоставляют их владельцу комплекс управленческих и имущественных

[22] См.: *Фейзрахманова Е. Р.* Понятие корпоративного контроля: основные теоретические подходы // Юрист. 2025. № 1. С. 15–20.

прав, связанных с членством в акционерном обществе. Данное утверждение основывается на «Учении о ценных бумагах» М. М. Агаркова, в котором он выделил «право на ценную бумагу» и «право из ценной бумаги»[23].

Высший Арбитражный Суд РФ подтвердил изложенную позицию, указав на то, что «корпоративные права не могут существовать в отрыве от права на долю в уставном капитале или акции»[24]. Указанную позицию в дальнейшем продолжил Верховный Суд РФ в определении от 7 апреля 2017 г. № 309-ЭС14-923[25], в котором отметил, что содержание корпоративного контроля составляет не только право на долю в целом, но и иные непосредственно связанные с ним права (например, право избирать органы управления). Таким образом, можно заметить, что корпоративных контроль, исходя из позиции Верховного Суда РФ, включает в себя как «право на долю», так и «права из доли».

Однако изложенные выше позиции о сущности корпоративного контроля не учитывают фактический контроль над корпорацией. В современной доктрине и судебной практике все чаще признается, что возможность определять действия юридического лица может проистекать не только из корпоративного титула (права участия), но и из экономической зависимости, родственных связей или авторитета конкретного лица.

По мнению И. С. Шиткиной, сущность фактического контроля состоит в наличии неформализованного (не основанного на формально-юридических основаниях) «господства» одного лица над другим, в способности контролирующего лица определять решения подконтрольного лица[26]. В результате экономического контроля может устанавливаться фактическое владение имуществом и извлечение из такого владения преимуществ и выгод. Следовательно, определение контроля должно основываться на функциональном критерии – реальной способности субъекта детерминировать волю организации,

---

[23] См.: *Агарков М. М.* Учение о ценных бумагах. М., 1927. С. 4.

[24] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2006 г. № 12591/05 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 августа 2024 г.).

[25] Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 31 января 2025 г.).

[26] См.: *Шиткина И. С.* Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114–133.

независимо от формальных оснований такой способности. В рамках исследования управления юридическими лицами А. В. Ефимов отмечает, что «важны не корпоративные правоотношения как таковые, а именно действия лиц, которые фактически участвуют в управлении юридическим лицом, ведь правовые последствия, обусловленные их действиями, возникают независимо от того, участвуют они в корпоративных правоотношениях или нет»[27]. Нельзя не согласиться с выводом автора о значимости фактического участия в формировании воли корпорации, поскольку в условиях усложнения корпоративных структур зачастую фактическое участие в управлении превалирует над формально-юридическим статусом.

Таким образом, приравнивать корпоративный контроль к пассивному обладанию акциями и долями в уставном капитале некорректно, поскольку целью подобного контроля является оказание влияния на формирование воли корпорации посредством реализации корпоративных прав. Приобретение корпоративного контроля осуществляется по иным основаниям помимо приобретения преобладающей доли участия в корпорации. К таким основаниям относятся сделки (договор залога акций (долей в уставных капиталах), договор доверительного управления, корпоративный договор и др.), фактическая возможность оказывать влияние[28].

Из изложенного следует, что корпоративный контроль представляет собой совокупность экономических, юридических и фактических возможностей, реализуя которые лицо влияет на деятельность корпорации, предопределяет решения, принимаемые корпорацией, т.е. формирует волю корпорации.

Представляется интересным предложенное А. А. Глушецким разделение корпоративного контроля на два вида: прямой корпоративный контроль и косвенный корпоративный контроль. Прямой корпоративный контроль выражается в доле голосующих акций конкретного акционера в общем количестве размещенных голосующих акций эмитента или в размере доли участника в

---

[27] *Ефимов А. В.* Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц : монография. М., 2024. С. 218.

[28] Подробнее см. гл. 2.

уставном капитале, в то время как косвенный корпоративный контроль выражается в совокупном количестве голосующих акций и совокупном размере долей группы взаимосвязанных лиц[29]. Так, основным критерием для выделения видов корпоративного контроля в рамках данной классификации является размер доли, принадлежащей конкретному участнику корпорации (акционеру). Однако данная классификация представляется неполной, поскольку в ней учитывается только юридическая возможность влиять на деятельность корпорации посредством реализации права на участие в управлении.

В рамках исследования феномена корпоративного контроля необходимо произвести его сопоставление с категорией корпоративного управления, поскольку указанные понятия являются тесно взаимосвязанными. В науке корпоративного права корпоративное управление понимают как систему и компетенцию органов, создаваемых в корпорации[30], как процесс регламентации основных направлений деятельности корпорации[31], как систему организационных и имущественных отношений[32], как функцию органа управления корпорации[33]. На наш взгляд, рассмотрение корпоративного управления исключительно как системы организационных и имущественных отношений некорректно, поскольку корпоративное управление реализуется в рамках уже существующих отношений между участниками общества и не ограничивается ими. В первую очередь, корпоративное управление – это процесс, направленный на определение основных целей общества[34], обеспечение контроля за деятельностью общества, участниками которого выступают органы управления общества, участники (акционеры) и иные лица. В Принципах корпоративного управления ОЭСР (OECD Principles of Corporate Governance) корпоративное управление определяется как система взаимоотношений, складывающихся между органами корпорации, ее членами,

---

[29] См.: *Глушецкий А. А*. Коммерческие корпорации: виды и организационное устройство.

[30] См.: *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 203.

[31] См.: *Ломакин Д. В.* Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 186.

[32] См.: *Долинская В. В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. С. 420–421.

[33] См.: *Харитонова Ю. С.* Корпоративное управление и дуализм права // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2014. № 2. С. 54–59.

[34] См.: Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2019. С. 519. (автор главы – *Шиткина И. С.*)

участниками корпорации и другими заинтересованными лицами, а также как инструмент, с помощью которого определяются основные цели корпорации и обеспечивается контроль за ее деятельностью со стороны ее участников и иных заинтересованных лиц[35]. Аналогичное определение корпоративного управления нашло свое отражение в Кодексе корпоративного управления[36], что указывает на влияние Принципов ОЭСР на разработку принципов и рекомендаций по организации корпоративного управления в российских юридических лицах.

Представляется интересной позиция О. А. Макаровой, которая определяет корпоративное управление как «взаимодействие между основными группами интересов (акционерами, коллегиальным органом, исполнительным органом), а также заинтересованными лицами (наемными работниками, контрагентами, населением, государственными и местными органами власти и т.д.)»[37]. Можно заметить, что автор придерживается стейкхолдерского подхода[38], расширяющего традиционные парадигмы корпоративного управления за счет интеграции интересов различных заинтересованных лиц в процессе принятия решений. Так, основатель стейкхолдерской теории Р. Э. Фримен подчеркивает, что корпорации не должны ограничиваться максимизацией ценностей для акционеров, они обязаны учитывать влияние своей деятельности на широкий спектр субъектов, потенциально затронутых ею. Автор утверждает, что долгосрочная экономическая эффективность невозможна без достижения динамического баланса между разнонаправленными интересами всех групп влияния[39]. Значение стейкхолдерского подхода заключается в его способности трансформировать корпоративное управление в инструмент для достижения не только экономических, но и социальных и экологических целей. В современной

---

[35] Принципы корпоративного управления в ОЭСР. М., 2000. // OECD. URL: https://www.oecd.org/corporate/ca/corporategovernanceprinciples/32159669.pdf (дата обращения: 27 июня 2025 г.).

[36] Письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

[37] *Макарова О. А.* Акционерные общества с государственным участием. Проблемы корпоративного управления: монография. М.: Юрайт, 2022. С. 64.

[38] Подробнее о стейкхолдерской концепции см.: *Ефимов А. В.* Стейкхолдерская концепция управления юридическим лицом // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 129−136.

[39] Подробнее см.: *Freeman R. E.* Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston : Pitman Publishing, 1984; Stakeholder Theory: The State of the Art / R. E. Freeman [et al.]. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

юриспруденции и экономике стейкхолдерская теория служит фундаментом для развития принципов ESG (Environmental, Social, and Governance).

Таким образом, можно сделать вывод, что корпоративное управление является многоаспектным понятием, включающим в себя одновременно несколько элементов: систему органов управления корпорацией, взаимоотношений органов управления между собой; взаимодействие органов управления с заинтересованными лицами (стейкхолдерами); определение основных целей, выработки и реализации механизмов управления деятельностью корпорации; контроль за деятельностью корпорации, мониторинга, оценки и корректировки управленческих процессов.

Корпоративный контроль, в свою очередь, предполагает возможность формирования воли корпорации. Реализация корпоративного контроля происходит посредством принятия органом подконтрольного общества управленческого решения или совершения действия во исполнение обязательных указаний лица, обладающего корпоративным контролем. Так, например, лицо, владеющее контрольным пакетом, реализует свой интерес, голосуя на заседании общего собрания участников (акционеров) общества, что впоследствии является основанием для избрания единоличным исполнительным органом общества лица, кандидатуру которого выдвинул такой участник общества.

А. А. Валеева отмечает, что понятия корпоративного контроля и корпоративного управления соотносятся как общее и частное[40]. Однако, с нашей точки зрения, корпоративное управление не включает в себя корпоративный контроль, рассматриваемые категории качественно отличаются. Корпоративный контроль предполагает зависимость подконтрольного общества от интересов лица, обладающего контролем, т.е. это возможность такого лица подчинить деятельность корпорации своим интересам. Корпоративное управление, в свою очередь, включает организационную структуру корпорации, механизмы управления компанией и контроль за деятельностью корпорации. Корпоративное управление

[40] См.: *Валеева А. А*. К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // Юрист. 2015. № 14. С. 39–46.

преследует цель повышения эффективности компании, гармонизации интересов всех заинтересованных сторон, а также соблюдения хозяйственным обществом нормативных требований.

Таким образом, можно сделать вывод, что корпоративный контроль приобретает материально-правовую форму в рамках корпоративного управления, но не является его составляющей. Иными словами, соотношение этих категорий можно охарактеризовать через философскую диалектику формы и содержания. Корпоративный контроль выступает как экономический базис и волевое содержание власти в корпорации, в то время как корпоративное управление представляет собой совокупность правовых и организационных механизмов (инструментарий), посредством которых этот контроль реализуется вовне. Следовательно, отождествление данных понятий, по нашему мнению, является методологической ошибкой.

В правовой доктрине корпоративный контроль понимается не только через призму правомочий участника корпорации, но и как самостоятельный актив, имущество, принадлежащее участнику.

Используя методологию экономического анализа права, Г. Манн выдвинул гипотезу о том, что корпоративный контроль может являться самостоятельным имущественным активом. Ценность этого актива обусловлена возможностью его обладателя обеспечить принятие ключевых управленческих решений в его интересах. Г. Манн настаивал на существовании рынка корпоративного контроля, в рамках которого такой актив получает оценку, аргументируя свой тезис тем, что лицо, приобретая акции той или иной компании, готово платить именно за возможность оказывать влияние на деятельность корпорации[41].

В продолжение изложенной теории Д. И. Степанов отмечает, что реальная стоимость акций, входящих в крупный/контрольный пакет, превышает стоимость таких же акций, входящих в миноритарные пакеты. Автор приходит выводу, что сама по себе возможность осуществлять экономическую власть в отношении корпорации (имея в виду исключительно корпоративный контроль, полученный в

[41] См.: *Manne H. G.* Mergers and the market for Corporate Control. P. 112.

силу владения акциями) обладает имущественной ценностью[42]. Аналогичной точки зрения о самостоятельной имущественной ценности корпоративного контроля придерживаются О. С. Ерахтина и А. Д. Широкова, утверждая, что привлекательность компании с точки зрения наличия ликвидного имущества, прочных позиций на рынке всегда корреспондирует с повышенными рисками утраты корпоративного контроля над ней[43]. Так, приобретение корпоративного контроля является сложным процессом, который может включать различные правовые и экономические механизмы.

Однако В. А. Русанова придерживается противоположной позиции. Автор опровергает довод об отдельной имущественной ценности корпоративного контроля, аргументируя это тем, что корпоративный контроль не может существовать и отчуждаться отдельно от акций соответствующего акционерного общества[44]. Тезис о самостоятельной имущественной ценности корпоративного контроля также опровергает Е. К. Зотова, аргументируя свое мнение тем, что в российском правовом ландшафте корпоративные правомочия облечены в форму акций (долей в уставных капиталах) и неотделимы от них, в связи с чем правомочия, вытекающие из обладания долями (акциями), не могут признаваться отдельным имуществом[45]. С предложенной позицией не представляется возможным согласиться, поскольку степень корпоративного контроля может не зависеть от размера доли участия в корпорации (например, в случае если корпоративным договором предусмотрено распределение голосов, непропорциональное размеру доли в уставном капитале).

С нашей точки зрения, корпоративный контроль возможно рассматривать как имущественный актив, поскольку приобретение контрольных пакетов акций (долей в уставных капиталах) направлено на получение возможности управлять активами бизнеса, доля участия в котором приобретается, а не на реализацию

---

[42] См.: *Степанов Д. И.* Феномен корпоративного контроля. С. 157–158.

[43] См.: *Широкова А. Д., Ерахтина О. С.* Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2015. № 11. С. 80–87.

[44] См.: *Русанова В. А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук.

[45] См.: *Зотова Е. В.* Сохранение корпоративного контроля в акционерном обществе в праве Германии и России: дис. ... канд. юрид. наук. С. 45.

корпоративных прав, пропорционально приобретенной доле участия. Важно оговориться, что корпоративный контроль приобретается не только посредством приобретения контрольного пакета, но и на других основаниях, в том числе посредством использования различных договорных конструкций, которые будут проанализированы далее.

Стоимость акций (долей в уставных капиталах) напрямую зависит от возможности оказывать влияние на деятельность корпорации, что подтверждает самостоятельную имущественную ценность корпоративного контроля. С экономической точки зрения стоимость мажоритарного пакета акций (доли в уставном капитале) складывается не только из пропорциональной доли в чистых активах общества, но и из так называемой «премии за контроль». Премия за контроль является экономическим доказательством того, что корпоративный контроль выступает самостоятельным имущественным благом, отделимым от номинальной стоимости акций (долей в уставных капиталах).

Из вышеизложенного следует, что корпоративный контроль обладает самостоятельной имущественной ценностью. Помимо этого, самостоятельная имущественная ценность корпоративного контроля подтверждается тем, что намерения сторон направлены не просто на передачу акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, а на перераспределение корпоративного контроля как возможности определять волю корпорации. Соответственно в гражданском обороте корпоративный контроль выступает как самостоятельный объект сделки. Так, предметом сделки с акциями (долями в уставных капиталах) хозяйственного общества, опосредующей передачу корпоративного контроля, являются согласованные действия сторон, юридическим результатом которых выступает смена лица, обладающего корпоративным контролем, а объектом в данном случае является не только акции (доля в уставном капитале) хозяйственного общества, но и корпоративный контроль как имущественный актив.

По результатам проведенного анализа подходов к определению корпоративного контроля можно сделать следующие выводы.

Автором сделан вывод, что в правовой доктрине отсутствует универсальная дефиниция термина «корпоративный контроль», существуют различные позиции относительно того, что представляет данный феномен.

Понятия «контроль за деятельностью корпорации» и «корпоративный контроль» не тождественны. Отмечено, что контроль за деятельностью корпорации направлен на коррекцию деятельности подконтрольного субъекта, в то время как корпоративный контроль представляет собой влияние на формирование воли корпорации.

Основные теоретические подходы к пониманию сущности корпоративного контроля базируются на том, что акции (доли в уставных капиталах) предоставляют их владельцу комплекс управленческих и имущественных прав, связанных с членством в корпорации. Вместе с тем, по мнению автора, корпоративный контроль является сложной экономико-правовой категорией, рассмотрение которой исключительно через призму прав и обязанностей, следующих из владения акциями (долей в уставном капитале) корпорации, представляется усеченным. Так, в рассмотренных подходах не учитываются иные основания (например, договор, фактическое влияние и др.) приобретения корпоративного контроля помимо обладания контрольным пакетом акций.

Диссертантом установлено, что понятия «корпоративный контроль» и «корпоративное управление» качественно отличаются. Корпоративный контроль приобретает материально-правовое воплощение в рамках корпоративного управления, но не является его составляющей.

Корпоративный контроль может рассматриваться как имущественный актив, поскольку цель приобретателя заключается в обладании экономической властью, позволяющей оказывать влияние на формирование воли корпорации или управления ее активами в своих интересах. При этом размер приобретаемой доли участия в корпорации напрямую влияет на ценообразование. Премия за контроль является экономическим доказательством того, что корпоративный контроль

выступает самостоятельным имущественным благом, отделимым от номинальной стоимости акций (долей в уставном капитале).

Автором сделан вывод о том, что корпоративный контроль как имущественный актив наравне с акциями (долями в уставных капиталах) хозяйственных обществ является объектом сделок с акциями (долями в уставных капиталах), а также обосновывается самостоятельный характер корпоративного контроля как объекта сделки, обусловленный, во-первых, индивидуальной экономической (имущественной) ценностью; во-вторых, намерениями сторон по передаче и приобретению соответственно корпоративного контроля как возможности определять решения и деятельность конкретного хозяйственного общества, руководствуясь своими интересами.

§ 2. Основания возникновения корпоративного контроля в хозяйственных обществах

Лицо, обладающее корпоративным контролем, влияет на стратегию управления компанией, определяет ключевые решения в хозяйственном обществе. Традиционный подход, связывающий контроль исключительно с владением контрольным пакетом акций (долей в уставном капитале), перестает отвечать потребностям современного экономического оборота. Исследование оснований возникновения корпоративного контроля помогает установить правовую определенность в вопросах управления обществом, защиты прав и законных интересов акционеров (участников) общества и иных заинтересованных лиц, привлечения контролирующих лиц к ответственности, что способствует формированию правовой модели, в которой объем фактической власти лица, обладающего контролем, строго коррелирует с объемом его ответственности, что обеспечивает стабильность гражданского оборота и баланс интересов всех стейкхолдеров.

Основание возникновения корпоративного контроля предопределяет круг контролирующих лиц, деятельность корпорации, являющуюся объектом контроля, а также содержание самого контроля, т.е. экономические, юридические и

фактические возможности определять волеизъявление общества. Этот факт обусловливает необходимость исследования юридических и фактических оснований возникновения корпоративного контроля, а также их систематизации. Научный интерес представляет переход от статической модели корпоративного контроля (как состояния) к динамической (как процесса приобретения).

В научной литературе приобретение (отчуждение) корпоративного контроля предлагается понимать в широком и узком смыслах. В широком смысле под приобретением корпоративного контроля понимается совокупность способов, направленных на установление корпоративного контроля, к которым относятся сделки и иные юридические действия. А в узком смысле приобретение корпоративного контроля отождествляется со сделками с долями в уставном капитале (акциями) хозяйственного общества[46].

Однако указанная точка зрения представляется спорной ввиду следующего. Отождествление приобретения и отчуждения корпоративного контроля исключительно со сделками, направленными на смену владельца акций (доли в уставном капитале) в уставном капитале хозяйственного общества, представляется ограниченным, поскольку, как было обосновано ранее в настоящем исследовании, корпоративный контроль некорректно приравнивать исключительно к праву участия в корпоративном юридическом лице. Возможность влиять на деятельность корпорации возникает не только посредством реализации права на участие в управлении корпорацией (независимо от реализации прав участником единолично или совместно с другими участниками), но и на основании сделок, не предполагающих изменение личного состава участников корпорации (например, залог корпоративных прав), а также фактических обстоятельств, создающих отношения контроля, не облеченные в правовую форму. Предложенное узкое определение базируется на том, что приобретение права участия в хозяйственном обществе (как прямое, так и косвенное) является наиболее распространенным и значимым для рыночных отношений основанием приобретения корпоративного

[46] См.: *Оборов А. С.* Понятие, содержание и правовое обеспечение корпоративного контроля в коммерческих корпорациях: дис. ... канд. юрид. наук. С. 121.

контроля. В то же время предложенное более широкое определение приобретения корпоративного контроля также игнорирует установление контроля на основании фактических обстоятельств, свидетельствующих о возможности оказывать влияние на волеизъявление хозяйственного общества.

Полагаем, что основания возникновения корпоративного контроля следует рассматривать комплексно в целях выработки их системы. Предложенное деление не является полноценной классификацией оснований возникновения корпоративного контроля, но очевидно применимо в рамках рассмотрения обладания долей участия в уставном капитале как одного из оснований возникновения корпоративного контроля.

Среди оснований установления корпоративного контроля в первую очередь необходимо выделить участие в хозяйственном обществе (владение акциями (долей в уставном капитале)). Способ предполагает прямое или косвенное участие в корпорации, реализацию всего комплекса корпоративных прав. По общему правилу, корпоративный контроль пропорционален доле участия лица в уставном капитале. Таким образом, существенным критерием для установления корпоративного контроля является обладание преобладающим большинством голосов на общем собрании участников. В этой связи категория «преобладающее большинство» требует более детального рассмотрения.

Так, И. С. Шиткина придерживается позиции, согласно которой преобладающая доля участия представляет собой долю участия, которая позволяет владельцу доли определять решения этого общества[47]. Однако на практике помимо качественного критерия также применяется количественный критерий для определения преобладающего участия, например, для целей одобрения сделок с заинтересованностью контролирующим обществом лицом признается участник, обладающий более 50% голосов на общем собрании участников (п. 1 ст. 32, п. 1 ст. 45 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[48] (далее – Закон об ООО) п. 1 ст. 81

[47] См.: Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. – Москва : Статут, 2018. (автор главы V — *И. С. Шиткина*).

[48] СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[49] (далее – Закон об АО)).

Необходимо отметить, что возможность определять решения на общем собрании обусловлена прежде всего структурой уставного капитала хозяйственного общества, а также сложившейся практикой голосования. Преобладающей долей участия может быть доля менее 50%. Так, результат голосования на общем собрании подсчитывается в зависимости от общего числа присутствующих участников общества, обладающих правом голоса, следовательно, для принятия решения достаточно обладать меньшей долей участия, чем 50%.

Кроме того, преобладающей долей признают долю, позволяющую путем голосования блокировать решения других участников. Так, например, законодательство о противодействии легализации неправомерных доходов преобладающее участие определяется как «более 25 процентов в капитале»[50]. Однако право вето может возникнуть у участника общества, обладающего долей менее 25%, если уставом общества предусмотрено единогласное решение вопросов компетенции общего собрания.

Вместе с тем представляется, что обладание блокирующим пакетом акций (долей в уставном капитале) или правом вето не предоставляет контроль его владельцу, поскольку не позволяет ему определять деятельность общества, руководствуясь собственными интересами, но в то же время в отдельных случаях позволяет влиять на волеобразование корпорации.

Таким образом, под преобладающей долей участия понимается доля, предоставляющая ее владельцу возможность влиять на принятие решений общим собранием. Однако при определении преобладающей доли участия необходимо учитывать возможность распоряжаться голосами непропорционально долям участия (например, в случае внесения в корпоративный договор условий о

[49] СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

[50] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ст. 3) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

непропорциональном распредели голосов), а также и сложившуюся практику участия в общем собрании конкретного общества.

Стоит обратить внимание, что не только обладание преобладающей долей может свидетельствовать о возникновении корпоративного контроля. Так, Верховный Суд РФ отметил, что отсутствие у лица преобладающей доли участия (более 50%) не препятствует установлению корпоративного контроля на основании иных фактических обстоятельств, свидетельствующих о возможности оказывать влияние на волеобразование корпорации[51].

Приобретение права участия в хозяйственном обществе осуществляется двумя способами:

- первоначальное приобретение предполагает, что участник является первым обладателем доли;

- производное приобретение подразумевает переход прав на долю (акции) новому участнику на основании волеизъявления предыдущего участника общества[52].

При первоначальном приобретении формирование корпоративного контроля происходит при учреждении хозяйственного общества либо в результате реорганизации. К первоначальным основаниям приобретения корпоративного контроля относятся составление учредительных документов, которые предполагают установление корпоративного контроля.

При производном способе корпоративный контроль возникает на основании сделок или иных оснований, связанных с вступлением в корпоративные отношения новых лиц (новые участники). Отличительным признаком производных способов приобретения корпоративного контроля является включение в состав участников (акционеров) хозяйственных обществ новых лиц. М. Н. Илюшина характеризует

---

[51] См. п. 13 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

[52] См.: *Филиппова С. Ю.* Договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2016. № 2. С. 23; *Вайпан В. А.* Возможность возникновения права на долю в уставном капитале общества при отсутствии правоустанавливающих документов: пределы судебного усмотрения // Вестник арбитражной практики. 2017. № 3. С. 3–15; *Филиппова С. Ю.* Изменение состава участников корпорации: тенденции и актуальные проблемы законодательства и практики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 2. С. 46–54.

систему оснований перехода прав на долю как незакрытую систему, находящуюся на этапе квалификации отдельных оснований и восполнения новыми элементами[53]. Динамичность этой системы обусловлена не только эволюцией правовых норм, но и адаптацией к изменяющимся социально-экономическим условиям. В первую очередь среди таких сделок можно выделить сделки, направленные на приобретение акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ (купля-продажа, опцион на приобретение акций (долей в уставных капиталах), мена, дарение, принятие наследства, раздел имущества супругов[54])[55]. Так, переход корпоративного контроля осуществляется как на основании возмездных сделок по приобретению акций (долей в уставных капиталах), так и безвозмездных.

Производные сделки, направленные на установление корпоративного контроля посредством приобретения права участия в корпорации, можно классифицировать следующим образом:

- прямое приобретение акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества;
- приобретение права косвенного участия в хозяйственном обществе, осуществляемое посредством установления цепочки владения акциями (долями в уставных капиталах) одной или нескольких промежуточных компаний, а также акций (долей в уставном капитале) холдинговой компании (косвенное приобретение права участия);
- приобретение акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества в рамках увеличения уставного капитала[56].

Таким образом, можно заметить, что законодательством предусмотрен достаточно широкий перечень механизмов приобретения доли участия в

---

[53] Подробнее см.: *Илюшина М. Н.* Переход прав на долю в ООО: современное состояние системы оснований и опосредующих механизмов // Предпринимательское право. 2023. № 4. С. 23–28.

[54] Согласно действующей судебной практике раздел имущества супругов рассматривается как распорядительная сделка. См.: определение Верховного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021, постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 июля 2024 г. № Ф05-12994/2024 по делу № А40-153877/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 31 января 2025 г.).

[55] Подробнее см. § 1 гл. 2.

[56] См.: *Фейзрахманова Е. Р.* Основания возникновения корпоративного контроля в хозяйственных обществах: теоретические и практические аспекты // Хозяйство и право. 2025. № 8. С. 111–122.

корпорации, включающий в себя различные виды сделок с акциями (долями в уставных капиталах).

Важно отметить, что в настоящее время приобретение косвенного права участия возможно посредством использования правовой конструкции закрытого паевого инвестиционного фонда (ЗПИФ), поскольку действующее российское законодательство допускает формирование системы структуры управления имуществом ЗПИФ, во многом аналогичной системе управления в холдинговой организации[57].

Далее предлагается рассмотреть в качестве оснований возникновения корпоративного контроля сделки, не предполагающие отчуждение акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ. Однако для признания подобных сделок основанием возникновения корпоративного контроля необходимо наличие дополнительных обстоятельств[58]. К таким обстоятельствам можно отнести закрепление в договоре права контрагента, аналогичные корпоративным правам участника общества, обладающего преобладающим числом голосов (например, право назначать единоличный исполнительный орган юридического лица и др.). В данном случае приобретение корпоративного контроля не является основной целью сделки, намерения сторон направлены на надлежащее исполнение обязательства, предусмотренного договором. Так, банк, закрепляя в кредитном соглашении ковенанты, направленные на ограничение корпоративных прав (например, ограничение выплаты дивидендов, запрет реорганизации или ликвидации заемщика, согласование с банком отчуждения имущественных активов (сделки, требующие одобрения органом управления общества), преследует цель своевременного возврата кредита.

Кроме того, корпоративный контроль может возникнуть вследствие заключения договора залога акций (доли в уставном капитале), договора доверительного управления, кредитного договора, договора коммерческой

---

[57] Подробнее см. § 1 гл. 2.

[58] См.: *Шиткин А. О.* Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения: дис. ... канд. юрид. наук. С. 35–36.

концессии, корпоративного договора, соглашения между участниками хозяйственного общества и третьими лицами (квазикорпоративный договор)[59].

В целях обеспечения участников корпорации основного обязательства может быть заключен договор залога акций (доли в уставном капитале). В силу диспозитивного характера нормы п. 2 ст. 358.15 ГК РФ допускается осуществление корпоративных прав залогодержателем доли в уставном капитале, если иное не указано в соглашении сторон. Вместе с тем в акционерных обществах, по общему правилу, корпоративные права осуществляет залогодатель. Таким образом, можно заметить, что посредством заключения договора залога акций (доли в уставном капитале) кредитор может участвовать в управлении делами корпорации посредством наделения соответствующими корпоративными правами. Соответственно, при залоге акций (доли в уставном капитале) может возникнуть ситуация, при которой залогодержатель наравне с корпоративными правами приобретет и корпоративный контроль. Например, в рамках спора об оспаривании сделки с заинтересованностью судом было констатировано, что залогодержатель 100% долей в уставном капитале обладает правом осуществлять все права участников общества, в том числе по управлению делами общества[60].

В рамках договора доверительного управления акциями (долей в уставном капитале) доверительный управляющий вправе осуществлять любые права собственника имущества, переданного ему в управление. Учитывая, что вытекающие из доли участия в корпорации права (имущественные и корпоративные) реализуются в совокупности, доверительный управляющий на период действия доверительного управления наделяется правами участника корпорации и, соответственно, может оказывать влияние на принятие тех или иных решений в корпорации. В отличие от договора залога доверительный управляющий, реализуя корпоративные права, действует в интересах выгодоприобретателей (участников общества), в то время как залогодержатель действует в своих собственных интересах.

---

[59] Подробнее см. § 2 гл. 2.

[60] См.: определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. № 309-ЭС17-5399 по делу № А07-21705/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 31 января 2025 г.).

В отличие от договоров залога и доверительного управления корпоративный договор характеризуется тем, что направлен в первую очередь на приобретение корпоративного контроля. Основными целями заключения корпоративного договора является, во-первых, консолидированное и согласованное осуществление участниками корпоративных прав (например, голосование определенным образом на общем собрании участников общества и другие действия по управлению обществом)[61], во-вторых, установление определенных правил поведения, направленных на предупреждение возникновения конфликтных ситуаций, в-третьих, закрепление механизмов защиты прав акционеров (участников)[62].

Консолидированное и согласованное осуществление корпоративных прав сторонами корпоративного договора влечет за собой перераспределение корпоративного контроля в корпорации. Так, посредством консолидированного и согласованного осуществления корпоративных прав создается эффект «консолидированной доли участия в обществе», позволяющий, например, формировать органы управления, принимать решения о внесении изменений в устав, о реорганизации и др.

Также при заключении корпоративного договора один участник может приобрести корпоративный контроль, если в договоре будет закреплена обязанность других участников общества осуществлять свои корпоративные права в соответствии с указаниями контролирующего участника общества.

Помимо заключения корпоративного договора в законодательстве предусмотрена возможность заключения между участниками хозяйственного общества и кредиторами общества или иными третьими лицами договора об осуществлении участниками хозяйственного общества своих корпоративных прав определенным образом в целях обеспечения охраняемого законом интереса

---

[61] В науке корпоративного права корпоративный договор относят к категории нормодоговора, поскольку в его предмет входят вопросы реализации корпоративных прав. Подробнее см: *Лаптев В. А.* Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // Предпринимательское право. 2016. № 1. С. 23–31; *Андреев В. К.* Природа корпоративного соглашения // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2014. № 2. С. 2–6.

[62] См.: *Оборов А. С.* Понятие, содержание и правовое обеспечение корпоративного контроля в коммерческих корпорациях: дис. ... канд. юрид. наук. С. 125. *Фейзрахманова Д. Р.* Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 12–15.

третьих лиц, являющихся сторонами такого договора. Таким образом, можно заметить, что кредиторы и иные третьи лица могут обладать корпоративным контролем, поскольку оказывают влияние на принятие участниками хозяйственного общества решений по вопросам, связанным с управлением делами хозяйственного общества, посредством закрепления в договоре интересов таких лиц. В науке подобный договор именуют квазикорпоративным договором, что обусловлено тем, что к данному договору применяются правила о корпоративном договоре[63].

Стоит согласиться с позицией А. В. Гурьянова, согласно которой контролирующие в силу договора лица должны нести обязанность действовать добросовестно и разумно[64]. Кроме того, представляется целесообразным в случае нарушения указанной обязанности привлекать указанных лиц к ответственности. В противном случае может произойти ситуация, при которой ответственными будут признаваться лица, формально обладающие контролем, но передавшие его в силу договора другой стороне. Таким образом, нарушается принцип виновной ответственности за совершенные правонарушения.

Помимо юридических фактов основанием корпоративного контроля могут быть фактические обстоятельства. В данном случае лицо оказывает влияние на волеизъявление корпорации посредством осуществления фактических действий, определенных структурой связей между контролирующим лицом и контролируемым обществом и характером их взаимодействия. Правовое отношение между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией отсутствует, корпоративный контроль осуществляется посредством фактических действий.

При рассмотрении фактических обстоятельств как основания установления корпоративного контроля следует обратиться к судебной практике.

---

[63] Подробнее см.: *Арнаутов Д. Р.* Формы участия кредитора в корпоративном управлении корпорацией-должником // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 81–120; *Бирюков Д. О.* Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства // Хозяйство и право. 2015. № 5. С. 28–44.

[64] См.: *Гурьянов А.В.* Правовое регулирование отношений корпоративного контроля и управления в холдингах: дис. ... канд. юрид. наук. С. 82.

Так, например, в рамках спора о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности судами был установлен фактический контроль со стороны одного из ответчиков на основании совокупности обстоятельств. Такими обстоятельствами являлись: наличие брачных отношений с родной сестрой учредителя должника, фактическое руководство деятельностью должника, которое выражалось в том, что данное лицо давало указания относительно распоряжения денежными средствами, в отношениях с работниками представлялось руководителем, занимало кабинет руководителя. При указанных обстоятельствах, а также, учитывая, что должником в пользу такого лица совершались сделки, впоследствии признанные недействительными, поскольку были совершены в ущерб интересам кредиторов, суды пришли к выводу о наличии оснований для привлечения указанного лица наряду с другими контролирующими лицами к субсидиарной ответственности по обязательствам должника за совершение сделок, причинивших ущерб имущественным правам кредиторов (пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[65] (далее – Закон о банкротстве))[66].

В рамках другого спора суд, установив обстоятельства, свидетельствующие о наличии фактического контроля, привлек к субсидиарной ответственности за совершение действий, которые привели к банкротству, наравне с участником общества и его генеральным директором юриста общества. Так, судами было установлено, что юрист общества обладал статусом контролирующего лица, поскольку в силу родственных связей с участником и брачных связей с генеральным директором данное лицо также могло участвовать в принятии управленческих решений в обществе[67].

Стоит отметить, обширная судебная практика о привлечении к ответственности фактически контролирующих лиц при отсутствии признаков несостоятельности в настоящее время не сформировалась. Этот факт обусловлен

---

[65] СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[66] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 июля 2023 г. № Ф09-4552/21 по делу № А50-16046/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 31 января 2025 г.).

[67] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 октября 2023 г. № Ф09-4328/22 по делу № А76-33985/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 31 января 2025 г.).

исключительной природой ответственности фактически контролирующих лиц, сложностью в доказывании обстоятельств возникновения контроля.

Таким образом, по результатам проведенного анализа предлагается выделить следующие *группы оснований возникновения корпоративного контроля*:

1) приобретение права участия в хозяйственном обществе:

- приобретение права прямого участия в обществе, включающее в себя первоначальное получение права участия в обществе при его учреждении либо в результате реорганизации, а также производное приобретение права участия в обществе на основании возмездных (безвозмездных) сделок с акциями (долями в уставном капитале) хозяйственных обществ, направленных на смену участника корпорации (купля-продажа, дарение, мена, принятие наследства, раздел общего имущества супругов и соглашение об отступном);

- приобретение права косвенного участия в хозяйственном обществе, осуществляемое посредством установления цепочки владения долями в уставных капиталах (акциями) одной или нескольких промежуточных компаний, получения доли (акций) в уставном капитале холдинговой компании или посредством передачи долей в уставных капиталах (акций) хозяйственного общества в состав общего имущества закрытого паевого инвестиционного фонда (ЗПИФ);

2) заключение сделок, не предполагающих отчуждение акций (доли в уставном капитале) хозяйственных обществ (например, залог акций либо доли в уставном капитале, доверительное управление акциями либо долями в уставных капиталах, корпоративный и квазикорпоративный договор, кредитный договор и др.);

3) возникновение в силу фактических обстоятельств, позволяющих определять волю хозяйственного общества, в том числе посредством дачи указаний лицу, уполномоченному выступать от имени корпорации в силу закона или учредительного документа, и членам коллегиальных органов корпорации. В таком случае у контролирующего лица отсутствуют формальные правовые основания для определения действий подконтрольного лица, но есть опосредованная

возможность оказывать влияние на процесс управления корпоративной организацией, обусловленная структурой связей между контролирующим лицом и контролируемым обществом, а также характером их взаимодействия.

Предложенная система оснований возникновения корпоративного контроля, по мнению автора, свидетельствует о том, что корпоративный контроль является специфическим и самостоятельным объектом сделки, правовая природа которого не исчерпывается фактом участия в хозяйственном обществе.

§ 3. Последствия установления корпоративного контроля в хозяйственных обществах

При наделении лица возможностью оказывать влияние на формирование воли хозяйственного общества необходимо также гарантировать соблюдение интересов кредиторов, акционеров (участников) дочерних хозяйственных обществ как наиболее слабых участников имущественного оборота. Таким образом, последствием установления корпоративного контроля является установление специальных требований, направленных на защиту интересов данных лиц. Далее предлагается проанализировать возможные последствия установления корпоративного контроля как в отношениях между участниками (внутренние последствия), так и в отношениях с третьими лицами (внешние последствия).

Установление корпоративного контроля в хозяйственном обществе может спровоцировать возникновение ***конфликта интересов*** между контролирующим лицом и участниками подконтрольного общества. Участники гражданско-правовых отношений удовлетворяют свой интерес путем осуществления ими субъективных гражданских прав, которые выступают как средство удовлетворения интереса[68]. Однако нередко возникает ситуация, при которой интересы нескольких участников не совпадают и различаются, а иногда вовсе противоречат друг другу.

[68] См.: *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Издательство: Изд-во Ленингр. ун-та., 1949. С. 54.

Такое несовпадение (различие) и противоречие может привести к возникновению конфликта интересов.

В научной литературе отмечается, что «конфликт корпоративных интересов имманентен корпоративным правоотношениям, в рамках которых реализуются противоречивые потребности отдельных субъектов»[69]. Действительно, конфликт корпоративных интересов не может возникать вне рамок корпоративных отношений. Как было отмечено ранее, корпоративные интересы участника реализуются посредством осуществления им корпоративных прав.

В ситуации, когда над обществом устанавливается корпоративный контроль, вероятность возникновения конфликта интересов существенно возрастает. Это объясняется тем, что лицо, обладающее контролем, может определять решения общества, обладая большинством голосов, назначать руководящий менеджмент, тем самым преследовать свой собственный интерес, игнорируя интересы других участников[70]. В такой ситуации миноритарный участник утрачивает возможность участвовать в управлении делами корпорации посредством голосования на общем собрании участников хозяйственного общества и, как следствие, возможность удовлетворить собственные интересы. Однако наличие в обществе контролирующего акционера само по себе не предполагает возникновения конфликта интересов между ними[71].

При осуществлении контролирующим лицом закрепленных в законодательстве корпоративных прав миноритарный участник утрачивает возможность посредством реализации таких же прав удовлетворить свой собственный интерес (если он отличается от интереса контролирующего лица), поскольку при проведении общего собрания участников хозяйственного общества его голос не будет иметь никакого значения.

В данном контексте необходимо обратиться к позиции Конституционного Суда РФ, в которой был зафиксирован приоритет интересов контролирующих

---

[69] *Ломакин Д. В.* Корпоративный интерес и осуществление права на участие в управлении хозяйственным обществом // Хозяйство и право. 2014. № 4. С. 12.

[70] См.: *O'Neal F. H.* Oppression of Minority Shareholders: Protecting Minority Rights // Cleveland State Law Review. 1987. Vol. 35. Iss. 1. P. 125.

[71] См.: *Дедов Д. И.* Конфликт интересов. М.: Издательство: Волтерс Клувер, 2004. С. 117.

лиц[72]. В определении было отмечено, что федеральный законодатель обеспечивает права миноритарных акционеров, исключая при этом возможность злоупотребления ими своими правами. Так, в случае, когда есть контролирующее лицо, большинство управленческих прав не может быть реализовано миноритариями в своих интересах, голосование миноритарного участника на общем собрании в такой ситуации не влияет на формирование воли общества. Можно констатировать, что в практике Конституционного Суда РФ устоялся подход о приоритете интересов мажоритария в случае конкуренции интересов мажоритарного и миноритарного участников общества.

Конфликт интересов представляет собой ситуацию онтологического противоречия между фидуциарными обязанностями контролирующего лица (действовать в интересах корпорации) и его частными имущественными интересами. Как справедливо отмечает С. А. Синицын, в условиях конфликта интересы участников и самой корпорации могут расходиться. При этом фундаментальная задача правового регулирования заключается именно в поиске баланса и гармонизации этих разнонаправленных интересов[73].

Таким образом, потенциальная возможность возникновения конфликта интересов, перерастающего в корпоративный конфликт, при установлении или переходе корпоративного контроля требует закрепления механизмов, направленных на защиту прав и законных интересов миноритарных участников хозяйственных обществ, которые далее будут рассмотрены в рамках настоящего исследования[74].

Следующим последствием установления корпоративного контроля в отношении хозяйственного общества является ***необходимость соблюдения правил одобрения сделок, в отношении которых имеется заинтересованность*** (ст. 45 Закона об ООО, ст. 81 Закона об АО). Обладание корпоративным контролем

---

[72] См.: определение Конституционного Суда РФ от 02 ноября 2011 г. № 1486-О-О по жалобе гражданина Саттарова Шавката на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 81 и пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01 марта 2025 г.).

[73] См.: *Синицын С. А.* Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы : монография. М.: Инфотропик Медиа, 2023. С. 128.

[74] Подробнее см. § 4 гл. 3.

может провоцировать лицо на использование его в личных целях, в том числе посредством заключения контролируемым обществом сделок с аффилированными лицами.

Целью установления специальных правил совершения сделок, в отношении которых имеется заинтересованность, является исключение возможности получения отдельными лицами (участниками) выгоды и преимуществ при одновременном нарушении законных интересов других лиц (участников), самого хозяйственного общества и третьих лиц.

Для целей квалификации сделок с заинтересованностью законодатель сформулировал критерии контролирующего лица[75]. Важно обратить внимание на использованный термин «распоряжается», который предполагает более широкий круг оснований приобретения корпоративного контроля помимо владения долей участия в размере более 50%. Так, заинтересованным признается лицо, которое вправе распоряжаться долей участия в размере более 50% на основании договора залога или доверительного управления. Например, доли общества «А» переданы в состав общего имущества ЗПИФ, при этом общество «А» владеет долей в уставном капитале общества «Б» в размере 80%. Общество «Б» заключает договор поручительства в целях обеспечения исполнения своим дочерним обществом «В» обязательств по кредитному договору. В данном случае заинтересованным лицом будет контролирующее лицо ЗПИФ, поскольку именно оно обладает правом косвенно распоряжаться более 50% долей стороны сделки – общества «Б», а также является косвенно контролирующим лицом выгодоприобретателя по сделке – общества «В».

При одобрении сделок, в отношении которых имеется заинтересованность, заинтересованные участники не принимают участия в голосовании на общем собрании участников хозяйственного общества, решение об одобрении сделки принимается на основании голосов незаинтересованных акционеров (участников).

---

[75] Так, контролирующим лицом признается лицо, которое прямо или косвенно (через подконтрольных лиц) вправе распоряжаться более 50% голосов на общем собрании акционеров (участников) или назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50% состава коллегиального органа управления подконтрольной организации.

То есть специальные правила о совершении сделок, в отношении которых имеется заинтересованность, по сути, представляют собой исключение из общего правила о принятии решений общим собранием участников хозяйственного общества, а также в определенных ситуациях фактически нивелируют наличие в хозяйственном обществе корпоративного контроля, поскольку окончательное решение может приниматься лицами, не обладающими корпоративным контролем.

В научной литературе отмечается, что специальные правила о совершении сделок, в отношении которых имеется заинтересованность, также являются одним из способов разрешения конфликта интересов[76]. С данной позицией сложно не согласиться, поскольку посредством лишения заинтересованного лица возможности голосовать за совершение сделки на условиях, выгодных ему или контрагенту по сделке, в ущерб интересам других лиц обеспечивается соблюдение и защита интересов других лиц, не заинтересованных в совершении такой сделки.

Одним из важнейших последствий установления корпоративного контроля является возможность ***привлечения контролирующего лица к ответственности***. В науке немало исследований посвящено вопросам юридической ответственности. В большинстве исследований отмечается, что сущностью юридической ответственности является возможность наступления санкционированных государством неблагоприятных имущественных или неимущественных последствий за нарушение действующих норм права и неисполнение (ненадлежащие исполнение) юридических обязанностей[77].

Гражданско-правовая ответственность традиционно носит имущественный характер, т.е. направлена на восстановление имущественной сферы потерпевшего, а не наказание виновного[78]. Восстановление имущественной сферы потерпевшего осуществляется в первую очередь посредством возмещения убытков (ст. 15 ГК

---

[76] См.: *Дедов Д. И.* Проблемы эффективности института сделок с заинтересованностью // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 9. Ст. 11.

[77] См.: *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды: в 4 т. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 203; *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. Вып. 2. С. 104.

[78] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1997. С. 493 (автор соотв. главы – *В. В. Витрянский*).

РФ)[79]. Универсальность возмещения убытков как меры ответственности заключается в том, что восстановление имущественной сферы потерпевшей стороны осуществляется посредством использования денежных средств, являющихся всеобщим эквивалентом любых материальных благ. Однако помимо возмещения убытков в гражданском праве в рамках привлечения к ответственности могут использоваться иные виды санкций (например, неустойка и иные виды компенсаций). Особенностью мер гражданско-правовой ответственности является то, что они, с одной стороны, порождают возникновение негативных последствий у правонарушителя, а с другой стороны, восстанавливают положение потерпевшего[80].

В зависимости от характера противоправного поведения гражданско-правовая ответственность разделяется на договорную и деликтную. Помимо данных разновидностей гражданско-правовой ответственности в доктрине также предлагается отдельно выделять корпоративную ответственность[81], применяемую в сфере корпоративных правоотношений, которые по своей правовой природе являются относительными, поскольку возникают между определенным кругом участников корпорации, членами органов управления корпорации и самой корпорацией. В качестве отдельной особенности корпоративной ответственности можно выделить то, что ее основания могут быть установлены в корпоративном законодательстве, учредительных документах корпорации, а также в корпоративном договоре. В доктрине корпоративную ответственность также именуют имущественной ответственностью в сфере корпоративных отношений[82].

В действующем гражданском законодательстве закреплены правила, являющиеся проявлением принципа ограниченной ответственности (п. 2 ст. 56, п. 1

---

[79] См.: *Садиков О. Н.* Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009; *Кривцов А. С.* Общее учение об убытках (часть первая) // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 157–203; *Он же.* Общее учение об убытках (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2015. № 6. С. 139–184; *Он же.* Общее учение об убытках (часть третья) // Вестник гражданского права. 2016. № 1. С. 175–221.

[80] См.: *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды: в 4 т. Т. I. С. 203.

[81] Подробнее см.: *Гутников О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019.

[82] См.: Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 2. С. 698 (автор главы – *И. С. Шиткина*).

ст. 87, п. 1 ст. 96 ГК РФ). Еще Г. Ф. Шершеневич отмечал, что ограниченная ответственность участников является одним из отличительных признаков акционерных обществ. Участники общества посредством внесения вклада в определенном размере ограничивают пределы своего риска, в том числе размер потенциальных имущественных потерь. Таким образом, это является главным отличием акционерных обществ от полных товариществ и товариществ на вере, в которых участники несут полную или смешанную ответственность по долгам товарищества[83].

Представляется, что принцип ограниченной ответственности прямо вытекает из факта признания корпорации самостоятельным субъектом права[84]. Однако на практике со стороны контролирующих лиц могут возникать злоупотребления указанным принципом, например, когда хозяйственное общество используется контролирующим лицом как инструмент для реализации собственных интересов без учета интересов общества. Во избежание подобных злоупотреблений из принципа ограниченной ответственностью устанавливаются соответствующие исключения. В доктрине корпоративного права подобные исключения из общего правила именуются «снятием корпоративной вуали» («снятием корпоративных покровов»). Исключения из общего принципа ограниченной ответственности могут быть предусмотрены как в самом законодательстве (например, п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, а также положения гл. III.2 Закона о банкротстве), так и применяться судами самостоятельно при установлении в действиях участников признаков недобросовестности[85]. Однако применение доктрины «снятия корпоративной вуали» не должно быть повсеместным, поскольку, как отмечал Д. В. Ломакин, является исключением из общего правила о самостоятельности и независимости юридического лица[86].

---

[83] См.: *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. СПб.: Издание Бр. Башмаковых, 1908. Т. 1. С. 386.

[84] См.: *Ломакин Д. В.* Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М.: Статут, 2005. С. 67.

[85] См.: *Thompson R. B.* Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study // Cornell Law Review. 1990–1991. Vol. 76. P. 1036.

[86] См.: *Ломакин Д. В.* Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012 № 9. С. 32.

Впервые доктрина «снятия корпоративной вуали» была применена английскими судами после рассмотрения в 1897 г. знаменитого дела Salomon v. Salomon & Co. Ltd, в рамках которого была констатирована независимость корпорации как юридического лица. В связи с ростом числа злоупотреблений со стороны участников общества при рассмотрении споров о привлечении участников к ответственности по обязательствам корпорации английскими судами был выработан прецедент, устанавливающий принцип исключения, направленный на защиту прав кредиторов[87]. Применение исключений из общего принципа самостоятельной ответственности обосновывалось судами тем, что корпорация использовалась с намерениями, не соответствующими целям создания корпорации и установления принципа самостоятельной ответственности. В связи с тем что сохранение действия принципа самостоятельной ответственности могло повлечь антиправовые и несправедливые последствия, суды применяли доктрину снятия корпоративной вуали[88].

В странах континентального права применяются аналоги «снятия корпоративной вуали», к которым относятся случаи распространения ответственности по долгам юридического лица на иных субъектов («пронизывающая ответственность») и случаи причисления знаний, качеств и действий юридического лица иным субъектам («пронизывающее вменение»)[89]. Так, основаниями применения «пронизывающей ответственности» могут являться: недостаточная капитализация общества (когда участники нарушают обязанность

---

[87] См.: *Гутников О. В.* Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 51–52; *Лаптев В. А.* Рецессия правовой конструкции «ограниченная ответственность» членов коммерческих корпораций // Государство и право. 2020 № 9 С. 66; *Агашева И. П., Бекирова Э. П.* Доктрина «снятия корпоративной вуали»: сущность и практическое применение в условиях экономической и правовой систем в Российской Федерации // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 2(16). С. 4.

[88] См.: Laya v. Erin Homes Inc. // URL: https://law.justia.com/cases/west-virginia/supreme-court/1986/16965-5.html (дата обращения: 10 февраля 2025 г.).

[89] См.: *Егоров А. В., Усачева К. А.* Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 31–73; Beck'scher Online-Kommentar BGB / H. G. Bamberger, H. Roth (Hgs.). 29 Edition. Rn. 17–24; Beck‘scher Online-Kommentar GmbHG / H. Ziemons, C. Jaeger (Hgs.). 16 Edition // Beck-online. Die Datebank. URL: http://beck-online.beck.de/default.aspx?vpath=bibdata%2fkomm%2fBeckOK_GmbHG_16%2fcont%2fBeckOK. GmbHG.htm (дата обращения: 15 января 2025 г.); Heinz V., Hartung W. Die englische Limited. 3 Aufl. Baden-Baden, 2011 Rn. 58 // Beck-online. URL: http:// beck-online.beck.de/?opusTitle=Heinz/Hartung&vpath=bibdata/komm/HeinzLimitedHdb_3/ cont/HeinzLimitedHdb.htm (дата обращения: 15 января 2025 г.).

по обеспечению общества необходимым для обеспечения деятельности капиталом); совершение участниками общества действий по распоряжению имущества общества, повлекших банкротство общества; установление злоупотребления правом со стороны контролирующего лица; смешение имущества общества и его участника, в результате которого невозможно определить капитал, за счет которого общество будет нести ответственность по собственным обязательствам[90]. Если в английском праве «снятие корпоративной вуали» применяется преимущественно судами в определенных случаях, то в немецком праве установлены отдельные основания для применения положений о «пронизывающей ответственности».

В российской научной литературе отмечается, что концепция «снятия корпоративной вуали» предполагает «возможность вовлечения участников юридического лица в правоотношения, сложившиеся между компанией и третьими лицами»[91]. Как было отмечено ранее, в российском законодательстве установлены отдельные исключения из общего принципа самостоятельной ответственности хозяйственных обществ. Однако указанные исключения подлежат применению судами в определенных случаях и при установлении соответствующих обстоятельств.

В качестве исключений из принципа самостоятельной ответственности по российскому праву можно выделить следующие:

- солидарная ответственность основного общества по сделкам дочернего общества, заключенным последним во исполнение указания или с согласия основного общества (абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ);

- субсидиарная ответственность основного общества при признании дочернего общества несостоятельным (банкротом) по его вине (абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ);

---

[90] Подробнее см. *Егоров А. В., Усачева К. А.* Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. С. 44–51.

[91] *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 120–144.

- субсидиарная ответственность контролировавших хозяйственное общество лиц в рамках дела о признании хозяйственного общества несостоятельным (банкротом);

- ответственность контролировавших хозяйственное общество лиц за причиненные ему убытки, в том числе при признании хозяйственного общества несостоятельным (банкротом).

Солидарная ответственность основного общества по сделкам дочернего общества, заключенным последним во исполнение указания или с согласия основного общества

Условиями привлечения основного общества к ответственности по данному основанию являются (абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ):

1) дача указания основным обществом на совершение сделки и совершение дочерним обществом сделки во исполнение такого указания[92];

2) наличие согласия основного общества на совершение дочерним обществом сделки и совершение дочерним обществом сделки во исполнение такого согласия. Легальное определение согласия на совершение сделки в законодательстве также отсутствует. Однако в абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ предусмотрено уточнение, что согласием на совершение сделки в контексте привлечения к ответственности не является, во-первых, голосование основного общества по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, во-вторых, одобрение сделки органом управления основного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и/или основного общества. Представляется, что фактически подобное уточнение приводит к невозможности привлечения основного общества к ответственности по данному основанию, поскольку в корпоративной практике согласие на совершение сделки, как правило, совершается в форме голосования по вопросу ее одобрения или одобрения органом управления основного общества.

---

[92] Необходимо отметить, что в законодательстве не закреплено определение понятия «указание на совершение сделки». В доктрине под указанием предлагается понимать «право волеизъявляющего органа основного общества давать волеизъявляющему органу дочернего общества распоряжения о совершении сделки на определенных условиях». См.: *Шиткина И. С.* О проблеме обязательных указаний основного общества дочернему // Хозяйство и право. 2006. № 7. С. 44–47.

Субсидиарная ответственность контролировавших хозяйственное общество лиц в рамках дела о признании хозяйственного общества несостоятельным (банкротом)

Как неоднократно отмечал Верховный Суд РФ, привлечение к субсидиарной ответственности является экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, а также исключительной мерой, используемой конкурсным управляющим в целях пополнения конкурсной массы, когда иные способы исчерпаны.

В Законе о банкротстве предусмотрены следующие основания привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности:

- за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11 Закона о банкротстве)[93];

- за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) (ст. 61.12 Закона о банкротстве).

В соответствии с положениями ст. 61.11 Закона о банкротстве лица, обладающие корпоративным контролем, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности не по всем основаниям, закрепленным в данной статье. Так, в указанной статье закреплены отдельные основания для привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника единоличного исполнительного органа должника. Учитывая, что единоличный исполнительный орган не относится к лицам, обладающим корпоративным контролем, специальные основания для привлечения такого лица к субсидиарной ответственности не являются предметом настоящего исследования.

---

[93] Под действиями (бездействием) контролирующего лица, приведшими к невозможности погашения требований кредиторов, следует понимать такие действия (бездействие), которые явились необходимой причиной банкротства должника, т.е. те, без которых объективное банкротство не наступило бы (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (п. 16) // Российская газета. 2017. № 297). К неправомерным действиям (бездействию) контролирующих лиц можно отнести принятие деловых решений при нарушении принципов добросовестности и разумности (например, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с лицом, неспособным исполнить обязательство, и т.д.), дача указаний на совершение заведомо убыточных сделок, создание системы управления должником, направленной на извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам, и т.д.

Лица, обладающие корпоративным контролем, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов при совершении ими следующих действий (бездействия):

- совершение (одобрение) сделок, причинивших существенный вред имущественным правам кредиторов (совершение сделок по указанию такого лица);

- совершение после наступления признаков объективного банкротства действий (бездействия), существенно ухудшивших финансовое положение должника. Возможность привлечения лица, обладающего корпоративным контролем, к ответственности по данному основанию обусловлена тем, что именно из-за его действий (бездействия) окончательно утрачена возможность восстановления платежеспособности должника и, как следствие, возможность полного погашения требований кредиторов.

В предмет доказывания по таким спорам входят следующие обстоятельства:

1) вина, в противном случае суд откажет в привлечении к ответственности;

2) факт причинения существенного вреда кредиторам вменяемой сделкой (сделками). Доказывания лишь факта убыточности сделки для привлечения к ответственности на основании ст. 61.11 Закона о банкротстве недостаточно. К сделкам, причинившим существенный вред кредиторам, относятся значимые для должника (применительно к масштабам деятельности) и одновременно существенно убыточные сделки. К значимым для должника сделкам можно отнести крупные сделки (ст. 78 Закона об АО, ст. 46 Закона об ООО), а к существенно убыточным – нерыночные сделки, а также рыночные сделки, в результате совершения которых должник утратил возможность продолжать осуществлять одно или несколько направлений хозяйственной деятельности, приносивших ему ранее весомый доход;

3) осведомленность привлекаемого к ответственности лица о причинении вменяемой сделкой существенного вреда кредиторам;

4) выход за пределы обычного делового риска и направленность действий (бездействия) привлекаемого к ответственности лица на нарушение прав и законных интересов кредиторов. Необходимо заметить, что само по себе одобрение

участником должника соответствующей сделки на общем собрании участников не является достаточным основанием для вывода о недобросовестности или неразумности и, как следствие, для привлечения их к ответственности[94].

Также в Законе о банкротстве установлена возможность привлечения лиц, обладающих корпоративным контролем, к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) (ст. 61.12 Закона о банкротстве)[95]. По общему правилу с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) в арбитражный суд должен обращаться руководитель должника в определенных законом случаях (п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве) и соответственно при неисполнении указанной обязанности в первую очередь к ответственности по данному основанию будет привлекаться руководитель должника. Однако в Законе о банкротстве предусмотрена дополнительная гарантия защиты прав кредиторов в виде возможности привлечения к ответственности по данному основанию наравне с руководителем должника иных контролирующих лиц (например, участников (акционеров) хозяйственного общества).

Субсидиарная ответственность основного общества в случае, когда дочернее общество признано несостоятельным (банкротом) по его вине (абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ)

В судебной практике отмечается, что привлечение основного общества к субсидиарной ответственности по обязательствам дочернего общества как контролирующего лица осуществляется в соответствии с правилами,

---

[94] См.: определение Верховного Суда РФ от 05 октября 2023 г. № 305-ЭС20-8363(8-12) по делу № А40-206341/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 03 февраля 2025 г.).

[95] Условиями привлечения лица, обладающего корпоративным контролем, к субсидиарной ответственности по данному основанию в совокупности являются:

- привлекаемое к ответственности лицо являлось контролирующим;
- осведомленность о нахождении должника в таком состоянии, при котором на стороне его руководителя, ликвидационной комиссии возникла обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве, и о невыполнении ими данной обязанности;
- наличие у лица полномочий по созыву собрания коллегиального органа должника, к компетенции которого отнесено принятие решения о ликвидации, или полномочий по самостоятельному принятию соответствующего решения;
- несовершение надлежащим образом действий, направленных на созыв собрания коллегиального органа управления для решения вопроса об обращении в суд с заявлением о банкротстве или на принятие такого решения.

установленными в специальном законодательстве о банкротстве[96]. Таким образом, можно прийти к выводу, что абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ является общей нормой по отношению к ст. 61.11 Закона о банкротстве. По мнению О. В. Гутникова, «положения п. 2 ст. 67.3 ГК РФ являются избыточными, поскольку привлечение к ответственности контролирующих лиц целесообразно осуществлять в рамках процедур, которые предусмотрены Законом о банкротстве»[97]. С учетом того, что основное общество по смыслу Закона о банкротстве является контролирующим лицом, представляется, что данная норма ГК РФ является избыточной, поскольку не устанавливает никаких особенностей привлечения таких лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве.

Ответственность контролировавших хозяйственное общество лиц за причиненные ему убытки, в том числе в рамках дела о признании хозяйственного общества несостоятельным (банкротом)

По общему правилу к ответственности за причиненные хозяйственному обществу убытки привлекаются единоличный исполнительный орган, члены коллегиальных органов управления, управляющие организации и управляющий. Вместе с тем в исключительных случаях участники хозяйственного общества и иные контролирующие лица, в том числе лица, имеющие фактическую возможность определять действия хозяйственного общества, могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности за причиненные обществу убытки[98]. Вопросы привлечения лиц, имеющих фактическую возможность определять действия хозяйственного общества, урегулированы в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ.

По своей правовой природе данная ответственность является гражданско-правовой и при ее применении необходимо доказать наличие всех элементов гражданского правонарушения: вреда, противоправности поведения причинителя

---

[96] См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 сентября 2020 г. № Ф09-5695/20 по делу № А60-28984/2019, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18 сентября 2020 г. № Ф03-3743/2020 по делу № А73-10895/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 03 февраля 2025 г.).

[97] *Гутников О. В.* Юридическая ответственность в корпоративных отношениях. С. 60.

[98] См.: определение Верховного Суда РФ от 23 января 2023 г. № 305-ЭС21-18249(2,3) по делу № А40-303933/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 03 февраля 2025 г.).

вреда, вины и причинно-следственной связи между причинителем вреда и наступившим вредом. При привлечении лиц, имеющих фактическую возможность определять действия хозяйственного общества, к ответственности необходимо доказать как общие условия для привлечения к ответственности, так и специальные (дополнительные), к которым относятся, во-первых, наличие статуса контролирующего лица, во-вторых, выход вменяемых правонарушений за пределы обычного предпринимательского риска. Таким образом, можно заметить, что в законодательстве предусмотрены объективные и субъективные условия привлечения к гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков.

В доктрине отсутствует единство мнений относительно соотношения вины, недобросовестности и неразумности как условий для привлечения лица к ответственности. Одни ученые отождествляют вину с неразумным и недобросовестным поведением[99]. Другие же правоведы признают вину, недобросовестность и неразумность отдельными условиями привлечения к ответственности, которые должны исследоваться и устанавливаться судами последовательно[100]. Так, суды сначала исследуют обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности и неразумности действий привлекаемого к ответственности лица, и лишь после этого переходят к установлению вины такого лица. Второй подход, на наш взгляд, представляется наиболее предпочтительным, поскольку неразумность действий привлекаемого к ответственности лица не всегда свидетельствует о наличии вины в его действиях.

При рассмотрении споров о привлечении лиц, имеющих фактическую возможность определять действия хозяйственного общества, к ответственности в форме возмещения убытков суды, как правило, руководствуются разъяснениями высшей судебной инстанции, выработанными при разрешении споров о

---

[99] См.: Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / отв. ред. А. В. Габов, О. В. Гутников, С. А. Синицын. Т. 1: Общие положения о юридических лицах. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 296. (автор главы – *Гутников О. В.*).

[100] См.: *Маковская А. А.* Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: сб. статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 352; *Цепов Г. В.* Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. 2015. № 12. С. 159–178.

привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в рамках дел о банкротстве. Однако в науке распространение данных разъяснений на корпоративную практику привлечения к ответственности критикуется. Недопустимость применения указанных разъяснений при привлечении лиц к ответственности по корпоративным основаниям заключается в том, что в законодательстве о банкротстве понятие контролирующего лица существенно шире, чем в корпоративном законодательстве, а также в том, что нормы Закона о банкротстве являются специальными по отношению к общегражданским и не могут применяться в корпоративной практике[101].

Учитывая, что в настоящее время отсутствуют какие-либо специальные разъяснения, касающиеся вопросов привлечения к ответственности лиц, имеющих фактическую возможность определять действия хозяйственного общества, по корпоративным основаниям, представляется целесообразным в целях обеспечения единообразия судебной практики использовать подходы, выработанные высшей судебной инстанцией по вопросам привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности[102]. Кроме того, существуют не только разъяснения высшей судебной инстанции по вопросам привлечения к субсидиарной ответственности, но по вопросам взыскания убытков с контролирующих лиц при банкротстве должника, что в судебной практике приравнивается к корпоративным основаниям привлечения к ответственности контролирующих лиц[103].

Следующим последствием установления корпоративного контроля является ***необходимость соблюдения установленных в законодательстве антимонопольных ограничений***.

В антимонопольном законодательстве под контролем понимается возможность физического или юридического лица прямо или косвенно (через одно

---

[101] См.: *Шиткина И. С.* Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114–133.

[102] См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 апреля 2019 г. № Ф05-371/2019 по делу № А46-9620/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 03 февраля 2025 г.).

[103] См.: п. 68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

или несколько юридических лиц) определять решения, принимаемые другим юридическим лицом, посредством одного или нескольких следующих действий:

- распоряжение более чем 50% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный (складочный) капитал юридического лица;

- осуществление функций исполнительного органа юридического лица (п. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции).

Последствием установления такого контроля является неприменение положений о запрете ограничивающих конкуренцию соглашений (ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции)[104]) и согласованных действий (ст. 11.1 Закона о защите конкуренции). Также указанные положения не применяются в случае, если хозяйствующие субъекты находятся под контролем одного лица.

Таким образом, данные запреты не распространяются как на контролирующих лиц, так и на подконтрольных лиц.

Помимо этого, в антимонопольном законодательстве используется понятие группы лиц. Так, группой лиц признается совокупность юридических и физических лиц, которые в результате определенных способов экономического контроля и влияния друг на друга рассматриваются как единый субъект рынка[105]. В Законе о защите конкуренции закреплены определенные критерии для признания совокупности юридических и физических лиц группой лиц. Перечень таких критериев является закрытым. Критерии установления группы лиц могут быть как связанными с наличием корпоративного контроля[106], так и не связанными с наличием корпоративного контроля[107].

---

[104] СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3434.

[105] Подробнее см.: *Ткачев А., Богомолов Ю.* Понятие «группа лиц» // Журнал для акционеров. 2000. № 4. С. 24; *Паращук С. А.* Конкурентное право. М.: Городец, 2002. С. 44; *Жариков А. А*. Правовое регулирование группы лиц в условиях цифровой экономики // Юрист. 2021. № 7. С. 67–73.

[106] Например, право распоряжаться более 50% голосующих акций (долей участия) в уставном капитале, право давать обязательные указания на основании учредительных документов или заключенного договора, назначение (избрание) единоличного исполнительного органа по предложению другого лица, избрание более чем 50% количественного состава коллегиального исполнительного органа и (или) совета директоров по предложению другого лица.

[107] Например, совпадение количественного состава коллегиального исполнительного органа и (или) совета директоров более чем на 50%, наличие родственных отношений, вхождение в группу лиц с одним и тем же лицом

Таким образом, можно заметить, что преимущественно основанием для установления группы лиц является наличие корпоративного контроля. В науке также группу лиц признают сугубо корпоративно-правовой категорией, объясняя это тем, что практически каждой группе лиц свойственны все признаки наличия контроля одного или нескольких лиц над другим или несколькими лицами, а также тем, что объективные критерии формирования группы лиц основаны исключительно на корпоративных признаках участия и управления коммерческими организациями[108].

Основной целью выявления и установления группы лиц является защита конкуренции на товарном рынке, которая осуществляется посредством применения предусмотренных в законодательстве мер воздействия в отношении реальных носителей экономической власти. Таким образом, к лицам, входящим в группу лиц, могут применяться определенные меры воздействия. Возможность применения данных мер не зависит от основания, в соответствии с которым лицо признано входящим в группу лиц (например, наличие корпоративного контроля или иные основания).

Среди последствий установления группы лиц можно выделить следующие. Во-первых, меры воздействия могут применяться не в отношении одного участника, допустившего нарушения, но и других участников группы, если антимонопольный орган сочтет, что другие участники группы способны обеспечить устранение нарушения. Данный подход подтверждается действующей судебной практикой[109]. Однако здесь необходимо оговориться, что субъектом ответственности за несоблюдение норм антимонопольного законодательства

по основаниям п. 1–7 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции, наличие права распоряжаться более 50% голосующих акций (долей участия) в уставном капитале совместно с другими лицами, образующими группу лиц, по основаниям п. 1–8 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции.

[108] См.: *Егорова М. А.* Категория «контроль юридического лица» как основной критерий формирования группы лиц // Конкурентное право. 2014. № 1. С. 8–13.

[109] См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 марта 1998 г. № 32 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 5, п. 7 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» (п. 7) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

остаются участник (участники) группы лиц, а не группа в целом[110]. Но необходимо отметить, что степень ответственности участников группы не должна быть равной, она будет варьироваться в зависимости от вины отдельных участников группы.

Во-вторых, учитывая, что в Законе о защите конкуренции закреплена концепция совместного доминирования, то факт участия в группе лиц может привести к признанию участника группы лицом, занимающим доминирующее положение на рынке, в то время как такое лицо может иметь на рынке лишь незначительную долю. В этой связи на такого участника будут распространяться запреты, установленные в ст. 10 Закона о защите конкуренции[111].

В-третьих, участники группы лиц могут согласовывать действия внутри такой группы, и это не будет признаваться экономической координацией, в отношении осуществления которой в антимонопольном законодательстве установлен запрет. То есть на участников группы лиц не распространяется запрет на координацию экономической деятельности внутри группы. Это объясняется тем, что целью создания группы лиц является повышение экономической эффективности посредством координации действий ее участников. Также заметим, что подобная координация не приводит к негативным последствиям для товарного рынка.

В-четвертых, в антимонопольном законодательстве предусмотрены специальные правила по контролю за экономической концентрацией в отношении группы лиц. Под экономической концентрацией понимаются сделки и иные действия, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции (п. 21 ст. 4 Закона о защите конкуренции).

С точки зрения ***налогового права*** установление корпоративного контроля может привести к следующим последствиям. Например, при установлении корпоративного контроля в налоговых правоотношениях может появиться новый

---

[110] См.: *Паншенский И.* Определение группы лиц по Закону о защите конкуренции // Корпоративный юрист. 2007. № 7. С. 38-42.

[111] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 июля 2015 г. № Ф05-7908/2015 по делу № А40-140220/14 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 03 августа 2025 г.).

субъект – контролируемые иностранные компании[112] (ст. 25.13 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ))[113] или взаимозависимые лица (ст. 105.1 НК РФ).

Контролирующими лицами для иностранной компании выступают физические или юридические лица, являющиеся налоговыми резидентами РФ, и:

- имеющие долю прямого или косвенного участия в иностранной организации установленного размера (25% или 10%, если доля участия всех лиц, признаваемых налоговыми резидентами РФ, в этой организации составляет более 50%)[114] или являющиеся учредителями иностранной организации без образования юридического лица[115];

- осуществляющие контроль над иностранной организацией и иностранной организацией без образования юридического лица (в настоящем случае под контролем понимается оказание или возможность оказания влияния на решения, принимаемые контролируемой организацией в отношении распределения полученной организацией прибыли (дохода) после налогообложения).

Правовыми последствиями установления контроля в отношении иностранной компании является, во-первых, необходимость уведомления налогоплательщиком – контролирующим лицом налогового органа о контролируемых иностранных организациях, контролирующими лицами которых он является, во-вторых, возникновение у контролирующего лица обязанности по уплате налога с прибыли контролируемой иностранной организации. Вместе с тем контролирующим лицом может быть заявлено право на освобождение от налогообложения прибыли контролируемой иностранной компании по основаниям, закрепленным в ст. 25.13 НК РФ. В случае если контролирующим

---

[112] Под контролируемыми иностранными компаниями понимаются: организация, не признаваемая налоговым резидентом РФ, контролирующим лицом которой являются организация и (или) физическое лицо, признаваемые налоговыми резидентами РФ, или иностранная структура без образования юридического лица, контролирующим лицом которой являются организация и (или) физическое лицо, признаваемые налоговыми резидентами РФ.

[113] СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[114] В п. 4 ст. 25.13 НК РФ предусмотрены случаи, когда лицо не признается контролирующим лицом иностранной организации.

[115] При условии, если такое лицо имеет право или сохраняет за собой право (п. 10 ст. 25.13 НК РФ):

- получать (требовать получения) прямо или косвенно прибыль (доход) этой структуры полностью или частично, или

- распоряжаться прибылью (доходом) этой структуры или ее частью, или

- право на имущество, переданное этой структуре.

лицом не заявлено право на освобождение от налогообложения прибыли контролируемой иностранной компании, то такое лицо обязано подтверждать размер прибыли иностранной компании путем представления в налоговый орган соответствующих документов (финансовой отчетности и аудиторского заключения). Важно отметить, что контролирующие лица иностранных компаний являются субъектами ответственности за неуплату налога с прибыли контролируемой иностранной компании (ст. 129.5 НК РФ), за непредставление уведомления о контролируемой иностранной компании (п. 1 ст. 129.6 НК РФ), за непредставление финансовой отчетности и аудиторского заключения (п. 1.1 ст. 126 НК РФ).

Таким образом, главным последствием установления контроля в отношении контролируемой иностранной компании является обязанность контролирующих в предусмотренных законом случаях уплачивать налог на прибыль контролируемой иностранной организации.

В налоговом законодательстве также предусмотрено понятие *взаимозависимых лиц.* Под взаимозависимыми лицами понимаются физические и (или) юридические лица, отношения между которыми могут оказывать влияние на условия и (или) результаты сделок, совершаемых этими лицами, и (или) экономические результаты деятельности этих лиц или деятельности представляемых ими лиц, указанные в настоящем пункте лица признаются взаимозависимыми для целей налогообложения (п. 1 ст. 105.1 НК РФ). При определении взаимной зависимости учитывается влияние, оказываемое в силу участия в уставном капитале другой организации, положений заключенных между такими организациями соглашений или иных обстоятельств, позволяющих одному лицу определять решения других лиц. Такое влияние может оказываться как непосредственно и самостоятельно одним лицом, так и совместно с его взаимозависимыми лицами.

В п. 2 ст. 105.1 НК РФ закреплены отдельные основания для признания лиц взаимозависимыми. Основания взаимозависимости можно разделить на две

группы: участие в капитале[116] и влияние на органы управления[117] – для юридических лиц; должностное подчинение (пп. 10 п. 2. ст. 105.1) оснований для установления взаимозависимости, закрепленный в п. 2 ст. 105.1 НК РФ, не является исчерпывающим. Помимо этого в законодательстве предусмотрены отдельные случаи, когда взаимозависимость для целей налогообложения будет отсутствовать: 1) если влияние на условия, результаты сделок или экономические результаты связано с преимущественным положением на рынке или иными подобными обстоятельствами; 2) в случае лишь одного факта прямого и (или) косвенного участия РФ, субъектов РФ или муниципальных образований, федеральной территории «Сириус» в организациях (но в таком случае взаимозависимость может быть установлена на основании решения суда или самими субъектами).

Основной целью признания лиц взаимозависимыми с точки зрения налогового права является необходимость обеспечения налогового контроля цен по сделкам между взаимозависимыми лицами, которые, могут устанавливать особые условия сотрудничества[118]. В соответствии с п. 1 ст. 105.14 НК РФ сделки между взаимозависимыми лицами являются контролируемыми. Однако не все

---

[116] Признаются взаимозависимыми по основанию участия в капитале следующие лица:

- организации, если одна из них прямо и (или) косвенно участвует в другой организации и доля такого участия составляет более 25% (пп. 1 п. 2. ст. 105.1 НК РФ);

- физическое лицо и организация, если такое лицо прямо и (или) косвенно участвует в организации и доля участия составляет более 25% (пп. 2 п. 2. ст. 105.1 НК РФ);

- организации, если одно и то же лицо прямо и (или) косвенно участвует в этих организациях и доля такого участия в каждой организации составляет более 25% (пп. 3 п. 2. ст. 105.1 НК РФ);

- организации и (или) физические лица, если доля прямого участия каждого предыдущего лица в каждой последующей организации составляет более 50% (пп. 9 п. 2. ст. 105.1 НК РФ).

[117] Признаются взаимозависимыми по основанию влияния на органы управления:

- организация и лицо (в том числе физическое лицо совместно с его взаимозависимыми лицами), имеющее полномочия по назначению (избранию) единоличного исполнительного органа этой организации или по назначению (избранию) не менее 50% состава коллегиального исполнительного органа или совета директоров (наблюдательного совета) этой организации (пп. 4 п. 2. ст. 105.1 НК РФ);

- организации, единоличные исполнительные органы которых либо не менее 50% состава коллегиального исполнительного органа или совета директоров (наблюдательного совета) которых назначены или избраны по решению одного и того же лица (физического лица совместно с его взаимозависимыми лицами) (пп. 5 п. 2. ст. 105.1 НК РФ);

- организации, в которых более 50% состава коллегиального исполнительного органа или совета директоров (наблюдательного совета) составляют одни и те же физические лица совместно с взаимозависимыми лицами (пп. 6 п. 2. ст. 105.1 НК РФ);

- организация и лицо, осуществляющее полномочия ее единоличного исполнительного органа (пп. 7);

- организации, в которых полномочия единоличного исполнительного органа осуществляет одно и то же лицо (пп. 8 п. 2. ст. 105.1 НК РФ).

[118] Подробнее см.: *Терехова В. А.* Об отдельных изменениях в законодательных актах Российской Федерации и их взаимосвязь с финансовыми показателями // Все для бухгалтера. 2011. № 12. С. 12–14.

сделки между взаимозависимыми лицами признаются в целях налогообложения контролируемыми, а лишь отдельные сделки:

- в области внешней торговли товарами мировой биржевой торговли (пп. 2 п. 1 ст. 105.14 НК РФ)[119];

- с резидентами юрисдикций, предоставляющих льготный налоговый режим (офшорные зоны) (пп. 3 п. 1 ст. 105.14 НК РФ);

- по реализации (перепродаже) товаров (выполнение работ, оказание услуг) с участием иных лиц, не являющихся взаимозависимыми (пп. 1 п. 1 ст. 105.14 НК РФ)[120].

В п. 2 ст. 105.14 НК РФ предусмотрены отдельные условия для признания сделок между взаимозависимыми лицами, местом регистрации, либо местом жительства, либо местом налогового резидентства всех сторон и выгодоприобретателей по которой является Российская Федерация, контролируемыми, а в п. 4 ст. 105.14 НК РФ – сделки, которые вне зависимости от того, удовлетворяют ли сделки условиям, предусмотренным п. 1–3 ст. 105.14 НК РФ, не признаются контролируемыми.

Если условия для признания сделки контролируемой соблюдены, то налогоплательщик обязан уведомить налоговый орган о совершенных налогоплательщиками контролируемых сделках и предоставить по требованию налогового органа документацию относительно конкретной сделки (группы сделок) (ст. 105.15 и 105.16 НК РФ), а также запросить у взаимозависимых лиц информацию о коммерческих и финансовых условиях сделок (сведения о цепочке создания стоимости) и отразить ее в уведомлении. Направление в адрес налогового органа уведомления является основанием для проведения проверки полноты исчисления и уплаты налогов. Подобная проверка может быть проведена также на основании извещения территориального налогового органа по факту выявления

---

[119] Признаются контролируемыми, если сумма доходов по таким сделкам между указанными лицами за соответствующий календарный год превышает 1 миллиард рублей (абз. 2 п. 3 ст. 105.14 НК РФ), а также если предметом таких сделок являются товары, входящие в состав одной или нескольких из следующих товарных групп (п. 5 ст. 105.14 НК РФ): 1) нефть и товары, выработанные из нефти; 2) черные металлы; 3) цветные металлы; 4) минеральные удобрения; 5) драгоценные металлы и драгоценные камни.

[120] Признаются контролируемыми, если сумма доходов по таким сделкам с одним лицом (лицами) за соответствующий календарный год превышает 120 миллионов рублей (абз. 1 п. 3 ст. 105.14 НК РФ).

контролируемой сделки. Нарушение обязанности по уведомлению налогового органа и предоставлению в уведомлении недостоверной информации влечет привлечение налогоплательщика к ответственности в виде взыскания штрафа (ст. 129.4 НК РФ). При неполной уплате или неуплате налога из-за нерыночных цен в сделках между взаимозависимыми лицами начисляется штраф в размере 40% от неуплаченной суммы налога, не менее 30 000 руб. (ст. 129.3 НК РФ) и доначисляются налоги.

Следующим последствием установления взаимозависимости между отдельными лицами является возможность взыскания с взаимозависимого лица задолженности по уплате налогов налогоплательщика (п. 2 ст. 45 НК РФ). Условиями для такого взыскания являются: поступление на счет взаимозависимого лица выручки, передача взаимозависимому лицу денежных средств и иного имущества налогоплательщика. Указанный вывод также подтверждается действующей судебной практикой[121]. Таким образом, можно заметить, что в налоговом праве успешно применяется гражданско-правовой механизм «снятия корпоративной вуали».

Помимо этого, взаимозависимость лиц в совокупности с иными обстоятельствами учитывается налоговым органом при установлении необоснованной налоговой выгоды. Необоснованная налоговая выгода возникает, когда неполученные доходы из-за особых условий сделки между взаимозависимыми лицами не были учтены при налогообложении (п. 1 ст. 105.3 НК РФ). К подобным условиям сделки можно, например, отнести отсутствие реальной возможности исполнить сделку. При доказанности факта получения необоснованной налоговой выгоды налогоплательщик может быть привлечен к налоговой, административной и даже уголовной ответственности.

Также необходимо обратить внимание на следующую особенность налогообложения взаимозависимых лиц. Взаимозависимые лица освобождаются от уплаты налогов при безвозмездной передаче имущества между организациями,

[121] См.: постановления Арбитражного суда Московского округа от 19 июля 2019 г. № Ф05-958/2018 по делу № А41-98154/2017, ФАС Уральского округа от 22 октября 2012 г. № Ф09-6352/10 по делу № А71-1258/2010 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 03 августа 2025 г.).

доля участия одной из которых в капитале другой составляет более 50%, а также имущества, переданного организации физическим лицом, доля участия которого в капитале такой организации составляет более 50% (пп. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ).

Таким образом, можно заметить, что в отношении взаимозависимых лиц установлены специальные правила налогообложения ввиду возможности установления между ними особых правил сотрудничества.

В налоговом законодательстве предусмотрены, хотя в настоящее время не действуют, положения *о консолидированной группе налогоплательщиков* (ст. 25.1 НК РФ)[122]. Под консолидированной группой налогоплательщиков понимается добровольное и договорное объединение российских юридических лиц – плательщиков налога на прибыль. Предполагалось, что в рамках данного объединения будет создан единый хозяйствующий субъект, в котором ответственное лицо будет уплачивать налог на прибыль и взаимодействовать с налоговыми органами. В таком случае консолидированная группа налогоплательщиков рассматривалась как отдельный субъект налоговых правоотношений[123]. В результате создания консолидированной группы налогоплательщиков оптимизировалась уплата налога внутри группы компаний. Однако создание таких групп стало невыгодно государству, поскольку их регистрировали в регионах с пониженными налоговыми ставками и включали в состав группы убыточные компании, что впоследствии привело к снижению поступлений в бюджет.

В ***банковском законодательстве*** связанные участники рассматриваются в качестве группы связанных заемщиков, под которой понимаются заемщики (юридические и (или) физические лица) в случае, если один из заемщиков контролирует или оказывает значительное влияние на другого заемщика (других заемщиков) или если заемщики находятся под контролем или значительным влиянием третьего лица (третьих лиц), не являющегося (не являющихся)

---

[122] Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 5095.

[123] Подробнее см.: *Лаптев В. А., Фейзрахманова Д. Р.* Предпринимательские объединения: опыт России и зарубежных стран: монография. – М.: Проспект, 2025. С. 108–111.

заемщиком (заемщиками). Также в группу связанных заемщиков входят заемщики (юридические и (или) физические лица), связанные таким образом, что ухудшение экономического положения одного лица может явиться причиной неисполнения (ненадлежащего исполнения) другим лицом (другими лицами) обязательств перед кредитной организацией (банковской группой) (ст. 64 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[124]). Последствием признания физических и юридических лиц связанными заемщиками является необходимость соблюдения банком установленного Банком России максимального лимита кредитования группы связанных заемщиков.

В настоящее время российский бизнес сталкивается с беспрецедентными международными ***санкционными ограничениями*** (например, санкции США, ЕС и Великобритании), которые также оказывают влияние и на корпоративные отношения. С момента приватизации для российского бизнеса характерна преимущественно концентрированная структура владения (модель корпоративной собственности, при которой существенный пакет акций (доли в уставном капитале), обеспечивающий контроль над корпорацией (de jure или de facto), находится в руках одного лица или группы связанных лиц), что неизбежно приводит к переносу личных рисков владельца на его бизнес. В связи с данным обстоятельством действие международных санкций распространено как на сами корпорации, так и на всех ключевых представителей российского бизнеса, являющихся контролирующими лицами данных корпораций. Так, международные санкции часто содержат ограничения, касающиеся совершения финансовых операций, вопросов владения теми или иными активами, а также совершения сделок с акциями (долями в уставных капиталах) корпораций.

В условиях действия в отношении Российской Федерации международных санкций установление (обладание) корпоративного контроля как в отношении российской компании, так и в отношении иностранной компании сопряжено со значительными правовыми рисками и ограничениями. Введение в отношении мажоритарного акционера санкционных ограничений влечет их автоматическое

[124] СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

распространение на контролируемые им юридические лица (в том числе дочерние компании). В этой связи особую актуальность приобретают вопросы защиты прав и законных интересов таких лиц в условиях действия санкционных ограничений.

Довольно часто в результате введения санкционных мер ограничиваются права акционеров (участников) по причине введения в отношении них персональных санкций. Например, акционеры (участники) могут быть ограничены в праве на получение дивидендов. Ограничение заключается в том, что дивиденды будет перечисляться на замороженные счета лица, находящегося под санкциями, и сразу замораживаться, т.е. фактически воспользоваться данными денежными средствами лицо не сможет[125]. Именно поэтому, на наш взгляд, в данном случае приостанавливается реализация права на получение дивидендов, хотя юридически такие лица не лишены данного права.

Кроме того, в практике встречаются случаи, когда ограничивается право лица, находящегося под санкциями, участвовать в голосовании на общем собрании. В качестве примера можно привести ситуацию, когда подконтрольное ПАО «Сбербанк» лицо было лишено права голоса на общем собрании Fortenova Group Stak Stichting. Это было мотивировано тем, что доли акционеров, находящихся под санкциями, должны быть заморожены в целях ограничения их прав на выплату дивидендов и права голоса на общем собрании[126].

В целях нивелирования влияния введенных в отношении Российской Федерации санкций на законодательном и подзаконном уровнях приняты соответствующие нормативные правовые акты. В первую очередь необходимо отметить Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»[127], в котором определены общие положения.

---

[125] Consolidated FAQs on the implementation of Council Regulation № 833/2014 and Council Regulation No. 269/2014. // European Commission. URL: https://finance.ec.europa.eu/publications/consolidated-version_en) (дата обращения: 03 сентября 2025 г.).

[126] Nederlandse Ministerie van Financien. Leidraad Financiele Sanctieregelgeving. Addendum I: Veelgestelde vragen i.v.m. territoriale integriteit Oekraíne. Vraag J. // De Rijksoverheid. Voor Nederland. URL: https://www.rijksoverheid.nl/binaries/rijksoverheid/documenten/rapporten/2020/08/12/leidraad-financiele-sanctieregelgeving/Leidraad+Financi%C3%ABle+Sanctieregelgeving.pdf (дата обращения: 03 сентября 2025 г.).

[127] СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 44.

В контексте правового регулирования корпоративных отношений необходимо обратить особое внимание на специальный нормативный правовой акт, направленный на нивелирование влияния введенных в отношении Российской Федерации санкций, а именно на Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями»[128]. В указанном Законе закреплены меры ограничительного характера, распространяющиеся на иностранные холдинговые компании при осуществлении ими корпоративных прав в отношении экономически значимых организаций, определены условия и порядок вступления лиц, косвенно владеющих акциями (долями в уставном капитале) экономически значимых организаций, принадлежащими иностранной холдинговой компании, в прямое владение такими акциями (долями в уставном капитале), а также установлены особенности приобретения экономически значимыми организациями публичного статуса.

Помимо этого, в настоящем Законе предусмотрен новый для корпоративного права институт приостановления осуществления корпоративных прав иностранной холдинговой компанией, в рамках которого иностранной холдинговой компании запрещается голосовать при принятии решений, производить отчуждение или погашение акций (долей в уставных капиталах) и получать дивиденды[129]. Приостановление осуществления корпоративных прав иностранной холдинговой компанией возможно только на основании решения суда и при доказанности факта отступления такой компании от добросовестной корпоративной практики управления.[130] В случае принятия судом решения о приостановлении осуществления корпоративных прав иностранной холдинговой компанией принадлежащие ей акции (доли в уставном капитале) переходят к самой

---

[128] СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6202.

[129] Подробнее см.: *Лаптев В. А., Фейзрахманова Д. Р.* Указ. соч. С. 88–95; *Лаптев В. А.* Экономически значимые организации: новая правовая категория и особенности правового статуса // Предпринимательское право. 2023. № 4. С. 10–16. DOI: 10.18572/1999-4788-2023-4-10-16; *Габов А. В.* Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141.

[130] Недобросовестная корпоративная практика управления в настоящем случае может заключаться в недобросовестной реализации корпоративных прав; создания ограничений в управлении и (или) в осуществлении деятельности экономически значимой организации; а также в действиях, направленных на прекращение ее деятельности (ликвидацию, банкротство).

экономически значимой организации. Можно заметить, что в отношении иностранных компаний в российском законодательстве предусмотрены аналогичные введенным санкциям ограничения, в том числе касающиеся осуществления корпоративных прав.

Аналогичные положения предусмотрены и для иностранных инвесторов, связанных с иностранными государствами, которые совершают в отношении Российской Федерации, российских юридических и (или) физических лиц недружественные действия и способны распоряжаться в совокупности прямо или косвенно не менее чем 25% долей в уставном капитале (голосующих акций) или не менее чем 25% голосов в высшем органе управления значимого хозяйственного общества или имеют иную возможность осуществления права голоса либо возможность фактически прекратить или существенно затруднить деятельность значимого хозяйственного общества[131].

На подзаконном уровне действует Указ Президента РФ от 8 сентября 2022 г. № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами»[132], в котором содержатся положения ограничивающие возможность получения контроля над хозяйственными обществами лицами из «недружественных» государств при совершении сделок с активами данных хозяйственных обществ[133], а также устанавливающие запрет для акционеров из этих государств на участие в принятии решений. Аналогичный порядок действует при совершении сделок по прямому и (или) косвенному установлению, изменению или прекращению прав владения, пользования и (или) распоряжения акциями, долями (вкладами) российских организаций финансового сектора[134].

---

[131] Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О приватизации государственного и муниципального имущества”, отдельные законодательные акты Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. 3). Ст. 5287.

[132] СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6316.

[133] Данные сделки могут осуществляться (исполняться) на основании разрешений, выдаваемых Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации и при необходимости содержащих условия осуществления (исполнения) таких сделок (операций).

[134] См.: Указ Президента РФ от 15 октября 2022 г. № 737 «О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций)» // СЗ РФ. 2022. № 42. Ст. 7159.

Таким образом, можно заметить, что в современных условиях происходит трансформация корпоративных отношений и возникает необходимость формирования эффективных правовых средств защиты прав и законных интересов в условиях действия санкционных ограничений[135]. К правовым средствам защиты корпоративных прав и интересов можно отнести, во-первых, передачу акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества иным лицам с одновременным снижением доли владения акционеров (участников), находящихся под санкциями, до необходимого уровня. Однако в таком случае может возникнуть риск введения вторичных санкций, если будут основания полагать, что лица, передавшие акции (доли в уставном капитале), продолжают оказывать влияние на деятельность хозяйственного общества[136]. Во-вторых, к таким средствам также можно отнести опцион, который предоставляет бывшему мажоритарному участнику в течение определенного периода право выкупить свою долю участия обратно. Таким образом, можно заметить, что опцион является, с одной стороны, договорным основанием установления корпоративного контроля, а с другой стороны, правовым средством защиты интересов бывшего мажоритарного участника. Также к правовым средствам, направленным на защиту корпоративных прав и интересов в условиях действия санкционных ограничений, относят корпоративный договор и квазикорпоративный договор[137].

В современных геополитических условиях исследование оборота корпоративного контроля приобретает ярко выраженное публично-правовое и политическое измерение. Сделки с акциями стратегических предприятий перестали быть исключительно предметом частного права и стали объектом пристального внимания государства в контексте обеспечения национального экономического суверенитета.

---

[135] См.: *Бутакова Я. С.* Правовые способы защиты прав акционеров в условиях санкционных ограничений // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 1. С. 77–91.

[136] См.: *Милькин В.* Алексей Мордашов впервые после попадания под санкции ЕС отдал контроль в промышленном активе. // Ведомости. URL: https://www. vedomosti.ru/business/articles/2022/10/20/946620-mordashov-otdal-kontrol (дата обращения: 03 сентября 2025 г.).

[137] Подробнее см.: *Шиткина И. С.* Уйти, чтобы вернуться: о правовых механизмах передачи контроля над бизнесом в России // Закон. 2023. № 7. С. 86–91; *Бутакова Я. С.* Указ. соч. С. 86–87.

По результатам рассмотрения последствий установления корпоративного контроля можно констатировать следующее.

Во-первых, установление корпоративного контроля в отношении хозяйственного общества потенциально создает конфликт интересов между контролирующим лицом и участниками подконтрольного общества, что в последующем может перерасти в корпоративный спор.

Во-вторых, установление корпоративного контроля предполагает соблюдение правил об одобрении сделок, в отношении которых имеется заинтересованность, соответственно, возникает необходимость соблюдения дополнительных корпоративных процедур, несоблюдение которых несет риск признания сделки недействительной.

В-третьих, обладание корпоративным контролем непосредственно связано с риском злоупотреблений со стороны контролирующего лица, в связи с чем в целях защиты прав и законных интересов корпорации, участников и третьих лиц допустимо исключение из принципа ограниченной ответственности юридического лица.

В-четвертых, установление корпоративного контроля предполагает соблюдение требований антимонопольного и налогового законодательства в целях защиты прав и законных интересов неограниченного круга лиц, поскольку установление корпоративного контроля несет в себе риск недобросовестных действий лица, обладающего контролем.

В-пятых, установление корпоративного контроля как в отношении российской компании, так и в отношении иностранной компании сопряжено со значительными правовыми рисками и ограничениями, обусловленными геополитическими и экономическими факторами.

Таким образом, приобретение корпоративного контроля не может рассматриваться исключительно как получение совокупности управленческих прерогатив. Исследование доказывает, что данный процесс имманентно сопряжен с возникновением системы ограничений и повышенной ответственности.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК ПО ПРИОБРЕТЕНИЮ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

§ 1. Приобретение корпоративного контроля на основании сделок по отчуждению акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ

Приобретение акций (долей в уставных капиталах) является основным способом установления корпоративного контроля. Важной составляющей современной экономики является переход акций (долей в уставных капиталах), в связи с этим правовой режим их оборота должен быть конкретным, без пробелов, создающих правовые неопределенности, а также отвечать интересам всех заинтересованных лиц.

Стоит отметить, что законодательство не содержит закрытый перечень сделок, на основании которых может осуществляться переход прав на акции (долю в уставном капитале), что представляется обоснованным ввиду постоянного развития схем и механизмов структурирования таких сделок, а также обусловлено принципом диспозитивности гражданского законодательства.

Перед исследованием отдельных видов сделок по отчуждению акций (долей в уставных капиталах) необходимо рассмотреть, что представляет собой отчуждаемый объект – доля в уставном капитале хозяйственного общества.

Правовая природа доли в уставном капитале является предметом дискуссий в юридической науке. Так, высказывались мнения о возможности признания акций (долей в уставных капиталах) бестелесными вещами, которые могут быть предметом права собственности[138]. Однако противники данной концепции полагают, что категории, применяемые к телесным вещам, не могут применяться к бестелесным объектам[139]. Тем не менее категория собственности в отношении долей в уставном капитале и акций активно использовалась судебной практикой и

---

[138] См.: *Мурзин Д. В.* Ценные бумаги – бестелесные вещи: правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М.: Статут, 1998; *Он же.* Бестелесные вещи // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. М.: Статут; Ин-т частного права, 2004. С. 319–350.

[139] См.: *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 72–80.

законодательством, в частности, применялись нормы о виндикации[140]. В настоящее время в законодательстве предусмотрены специальные способы защиты прав на акции и доли (п. 3 ст. 65.2, ст. 149.3 ГК РФ, п. 17 ст. 21 Закона об ООО).

Применение в отношении акций (долей в уставных капиталах) положений вещного права обусловлено тем, что в условиях активно развивающихся рыночных отношений правила перехода собственности предоставляют участникам оборота больше гарантий безопасности, чем режим уступки прав требований. В первую очередь, это касается правил о защите добросовестного приобретателя акций (долей в уставных капиталах).

Институт ценных бумаг позволяет совместить правовой режим вещи и прав требований. Так, предметом залога доли в уставном капитале хозяйственного общества в доктрине рассматривается как залог прав, а не вещей[141]. Ценность для залогодержателя представляет совокупность прав, предоставляемых акцией (долей в уставном капитале).

Не представляется возможным приравнивать акции (доли в уставном капитале) к вещам, поскольку законом допускаются ситуации, когда права и обязанности участника корпорации не следуют за переходом акций (доли в уставном капитале) или права, предоставленные акциями (долей в уставном капитале), осуществляет иное лицо вместо собственника. В качестве примера можно привести залог акций (долей в уставных капиталах), когда корпоративные

---

[140] Применительно к акциям см.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» (п. 7) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 6; постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 14467/13 // СПС «КонсультантПлюс», от 01 октября 2013 г. № 4960/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 2, от 01 октября 2013 г. № 4958/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 2, от 11 сентября 2012 г. № 3116/12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 12, от 10 апреля 2012 г. № 15085/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 7, от 20 марта 2012 г. № 14989/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 8, от 09 марта 2011 г. № 13815/10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 6, от 09 февраля 2010 г. № 13944/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 5, от 14 июля 2009 г. № 5194/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 10, от 05 сентября 2006 г. № 4375/06 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 12, от 29 августа 2006 г. № 1877/06 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 11, от 22 марта 2002 г. № 1824/01 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 7, от 28 декабря 1999 г. № 1293/99 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 4. Применительно к долям ООО см. постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 10107/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 4, от 17 ноября 2009 г. № 11458/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 2. определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2015 г. № 305-ЭС15-1030 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 21 февраля 2025 г.).

[141] См.: *Бевзенко Р. С.* Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции. СПб.: НП-Принт, 2022. С. 259–262.

права осуществляет залогодержатель, а также доля в общей собственности супругов.

Таким образом, только по ограниченному кругу вопросов возможно применение правил о вещах в отношении акций (долей в уставных капиталах), в случае, когда это направлено на обеспечение устойчивости гражданского оборота (например, момент определения перехода акций (доли в уставном капитале) новому владельцу, защита добросовестного приобретателя). Однако такой правовой режим должен корректироваться под особенности акций (доли в уставном капитале), которые представляют специфический объект, поскольку представляют собой совокупность прав и обязанностей участника общества. Помимо прав и обязанностей участника общества доля в уставном капитале также включает в себя экономические риски, связанные с деятельностью общества. Так, участник несет риски неполучения доходов, снижение ликвидности бизнеса, привлечения к субсидиарной ответственности.

И.С. Шиткина определяет долю в уставном капитале как совокупность организационно-управленческих прав и имущественных прав, принадлежащих участнику, среди которых основное значение имеют права на участие в управлении обществом и на получение прибыли от его деятельности[142]. В литературе можно встретить позиции, согласно которым доля в уставном капитале воспринимается как некая фикция. Так, Д. В. Мурзин предлагает рассматривать долю как фикцию, придающую законную силу некому формальному договору между участником и обществом[143]. Р. С. Бевзенко отмечает, что понятие доли было введено для упрощения оборота прав участников обществ с ограниченной ответственностью, как некого символа, отражающего процент или дробь, включающих соотношение оплаченной части уставного капитала и имущества общества[144].

---

[142] См.: *Шиткина И. С.* Доля участия в уставном капитале ООО: отчуждение, наследование, раздел // Юрист спешит на помощь. 2013. № 2. С. 42–44.

[143] См.*: Мурзин Д. В.* Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг.

[144] См.: *Бевзенко Р. С.* Новеллы законодательства о залоге долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2010. С. 75.

Приведенные позиции представляются спорными ввиду того, что в них доля в уставном капитале понимается через призму ее функционального назначения – определение объема прав, принадлежащих ее обладателю, – однако отрицается наличие у доли признаков объекта гражданского оборота.

Также в юридической литературе обладание долей в уставном капитале воспринимается как юридический факт, на основании которого возникают корпоративные правоотношения[145]. Совокупность корпоративных правомочий, вытекающих их права на долю, объединяется в единое «право участия». Лицо приобретает корпоративные права и фидуциарные обязанности посредством приобретения доли участия. Акции и доли в уставном капитале выступают единым объектом, посредством которого обращаются права и обязанности участника хозяйственного общества[146].

При рассмотрении проблематики момента перехода доли в уставном капитале можно заметить, что правила в данном случае аналогичны правилам о переходе права собственности с учетом особенностей правовой природы доли.

В соответствии с гражданским законодательством моментом перехода права на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью считается дата внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ, а перехода прав на акции – дата внесения записи в реестр акционеров. Именно с момента внесения такой записи лицо приобретает весь комплекс корпоративных прав. Таким образом, можно заметить, что право собственности на акции (долю в уставном капитале) хозяйственного общества возникает в результате реализации сложного юридического состава: совершение сделки по отчуждению и предусмотренная законодательством государственная регистрация перехода права. Для возникновения права собственности на акции (долю в уставном капитале) недостаточно только заключения сделки по их отчуждению, необходимо также волеизъявление нового собственника на переход собственности на эти объекты.

---

[145] См.: *Максуров А. А.* Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ: монография. М.: Юстицинформ, 2021.

[146] См.: *Кузнецов А. А.* Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 88.

Можно заметить, что в отношении перехода прав на акции (долю в уставном капитале) законодатель придерживается принципа внесения записи реестр[147].

Стоит отметить, что этот принцип нашел свое отражение и других правопорядках. Так, во Франции с 2004 г. право собственности на акции независимо от того, обращаются они на бирже или нет, переходит на основании записи в реестре[148]. Такой подход позволяет избежать ситуации, где подлинный собственник акций (доли в уставном капитале) не совпадает с собственником, признаваемым обществом и третьими лицами.

В Швейцарии переход прав на долю в уставном капитале осуществляется в соответствии с правилами уступки прав требований с некоторыми особенностями. Так, в договор обязательно включается условие о необходимости уведомления общества о состоявшейся уступке доли, цессионарий начинает осуществление корпоративных прав с момента такого уведомления[149].

Представляется, что принцип внесения записи в реестр более приспособлен к активному обороту долей в уставных капиталах, поскольку момент перехода доли как для приобретателя, так и для общества и третьих лиц един, не требуется соблюдения дополнительных требований для начала осуществления прав, удостоверенных акцией (долей в уставном капитале).

Возмездное отчуждение акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ

Основным способом перехода акций (доли в уставном капитале) является возмездное отчуждение. Приобретение акций (доли в уставном капитале) в хозяйственных обществах (прямое или косвенное) является основным механизмом приобретения корпоративного контроля в уже созданном бизнесе.

Желание приобретателя корпоративного контроля посредством приобретения контрольного пакета акций (доли в уставном капитале) направлено

---

[147] См.: *Кузнецов А. А.* Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 4. С. 14.

[148] Там же.

[149] См.: Code des obligations II – Commentaire romand / Ed. by P. Tercier, M. Amstutz, R. Trigo Trindade. 2e ed. Basel: Helbing Lichtenhahn, 2017. P. 1633 (автор комментария – *F. Chappuis*); *Montavon P.* Droit Suisse de la SÀRL. Lausanne: Editions Juridiques AMC, 2008. P. 212.

на приобретение активов общества, а не на получение абстрактных прав. Так, договоры на отчуждение акций (доли в уставном капитале) и связанные с ними соглашения часто содержат в себе условия, позволяющие сделать вывод, что предметом сделки является именно предприятие, готовый бизнес, а не доля или ценные бумаги. В европейской правовой доктрине можно встретить позицию, согласно которой приобретение контрольного пакета стоит рассматривать как приобретение самого бизнеса, а также о необходимости учитывать параметры бизнеса в вопросах, связанных с отчуждением акций (доли в уставном капитале)[150].

Стоит согласиться с мнением А. А. Кузнецова, согласно которому ошибочно проводить непреодолимую границу между отчуждением акций (доли в уставном капитале) и передачей активов корпорации[151]. Прямую взаимосвязь права участия и имущества общества можно проследить при определении стоимости доли при ее отчуждении. Как отмечалось ранее в настоящей работе, фактор контроля влияет на цену сделки.

Проблематика адекватного ценообразования на акции (доли в уставном капитале) является одной из самых распространенных в рамках договора купли-продажи. Как правило, стоимость акций (доли в уставном капитале) напрямую зависит от стоимости самого бизнеса, но стоит отметить, что цена в договоре купли-продажи в данном случае отражает не столько текущую балансовую стоимость активов общества, сколько оценку сторонами инвестиционного потенциала общества и связанных с ним рисков. Однако возникает вопрос об определении стоимости в случае, если на момент совершения сделки, бизнес является убыточным и обременен долгами.

Российское право допускает продажу акций (долей в уставных капиталах) по номинальной стоимости. Однако важно учитывать, что продажа акций (долей в уставных капиталах) по номинальной стоимости в случае, когда реальная

---

[150] См.: *Dondero Br., Le Cannu P.* Droit des sociétés. 8e éd. Paris: LGDJ, 2019. P. 399; *Eberhard S.* Acquisitions, “due diligence” et responsabilité pour les défauts // Aspects actuels du droit de la société anonyme. Lausanne: CEDIDAC, 2005. P. 587; *Dieux X.* Les garanties en matière de cession d’actions – pour un retour au droit commun in Minasi M. Liber Amicorum Commission Droit et Vie des Affaires. Bruxelles: Bruylant, 1998. P. 498–499.

[151] См.: *Кузнецов А. А.* Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы. С. 13.

стоимость активов компании значительно выше (продажа по заниженной стоимости), несет в себе налоговые риски для сторон сделки, что может привести к неуплате налогов и как следствие к привлечению к ответственности.

Договор купли-продажи акций (доли в уставном капитале) общества, находящегося в неблагоприятном финансовом состоянии, может содержать в себе условия о гарантиях продавца по обязательствам общества. Кроме того, финансовое состояние общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретаются, имеет значение в контексте качества приобретаемого товара[152].

Применительно к теме настоящего исследования необходимо обратить внимание на антимонопольные требования в отношении приобретения лицом (группой лиц) акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, поскольку совершение таких сделок потенциально несет в себе риск сосредоточения рыночной власти в руках ограниченного числа субъектов, что потенциально нарушает конкуренцию и создает угрозу монополизации определенных секторов экономики. Контроль за экономической концентрацией направлен на предотвращение злоупотреблений со стороны крупных инвесторов, обеспечение прозрачности и предсказуемости рыночных процессов, что важно для защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота.

В ст. 28 Закона о защите конкуренции определены количественные критерии контроля[153] экономической концентрации и пороговые значения владения акциями и долями в уставном капитале, при достижении которых сделка по приобретению акций (долей в уставных капиталах) подлежит антимонопольному контролю. В антимонопольном законодательстве различается регулирование приобретения акций АО и долей участия в уставном капитале ООО, в частности, предусмотрены разные пороговые значения владения акциями и долей участия в уставном капитале, при достижении которых сделка по приобретению акций (долей в

---

[152] Подробнее см. § 1 гл. 3.

[153] 1) суммарная стоимость активов участников экономической концентрации превышает 7 млрд руб. или

2) суммарная выручка участников экономической концентрации от реализации за последний календарный год превышает 10 млрд руб. и при этом суммарная стоимость активов лица (группы лиц), акции (доли), и (или) имущество, и (или) права в отношении которого приобретаются, превышает 800 млн руб. или цена сделки превышает 7 млрд руб.

уставных капиталах) подлежит антимонопольному регулированию. Так, применительно к АО контроль осуществляется за приобретением голосующих акций начиная с получения приобретателем права распоряжаться более чем 25% указанных акций (далее 50% и 75%), в ООО – ⅓ уставного капитала (далее 50% и ⅔ уставного капитала). Необходимо отметить, что антимонопольное регулирование осуществляется лишь в отношении тех сделок, в результате совершения которых приобретатель получает в совокупности с имевшимися прежде у него акциями более 25%, или более 50%, или более 75% голосующих акций или долей участия в уставном капитале ООО в размере ⅓ уставного капитала, 50% и ⅔ уставного капитала. Например, сделка, в результате совершения которой лицо, владевшее 25% голосующих акций, приобретает еще 5% голосующих акций, не подлежит антимонопольному контролю, поскольку не достигнут следующий порог владения голосующими акциями. Также необходимо заметить, что сделки по приобретению более 75% голосующих акций или более ⅔ долей в уставном капитале ООО также не подлежат антимонопольному контролю.

В Законе о защите конкуренции предусмотрено два вида антимонопольного контроля в отношении сделок по приобретению акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ: получение предварительного согласия от антимонопольного органа на совершение такой сделки и последующее уведомление антимонопольного органа о факте совершения такой сделки. В случае если сделки, указанные в ч. 1 ст. 28 Закона о защите конкуренции, совершаются между лицами, входящими в одну группу лиц по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции, получение предварительного согласия от антимонопольного органа не требуется, достаточно осуществления последующего уведомления антимонопольного органа о факте совершения такой сделки. Таким образом, сделки по приобретению голосующих акций (доли в уставном капитале), заключаемые между основным и дочерним обществами, когда основное общество владеет более 50% голосующих акций (доли в уставном капитале) дочернего, в любом случае не подлежат предварительному согласованию с антимонопольным органом.

В случае если сделки по приобретению голосующих акций (доли в уставном капитале) совершаются между лицами, входящими в одну группу лиц по основаниям, отличным от предусмотренных в п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции, то для их совершения не требуется получения предварительного согласия антимонопольного органа и достаточно осуществления последующего уведомления антимонопольного органа о факте совершения такой сделки при соблюдении предусмотренных законом условий (ч. 1 ст. 31 Закона о защите конкуренции).

Таким образом, можно заметить, что антимонопольный контроль сделок по приобретению голосующих акций (долей в уставном капитале) различается в зависимости от субъектного состава: если сделка совершается лицами, входящими в одну группу лиц, получение предварительного согласия антимонопольного органа не требуется, в остальных случаях требуется предварительное согласие антимонопольного органа. Последствием несоблюдения требований по получению предварительного согласия антимонопольного органа или последующему уведомлению антимонопольного органа о совершении сделки по приобретению голосующих акций (долей в уставном капитале) является возможность оспаривания такой сделки по иску антимонопольного органа, если такие сделки привели или могут привести к ограничению конкуренции, в том числе в результате возникновения или усиления доминирующего положения.

Опцион на приобретение акций (доли в уставном капитале) в хозяйственном обществе

Использование конструкции опционов осуществляется в целях урегулирования отношений, связанных с переходом прав на акции (долю в уставном капитале) хозяйственных обществ, в связи с чем можно прийти к выводу, что в результате заключения опционных соглашений также приобретается корпоративный контроль. Опционы выступают своего рода гарантией заключения сделки в будущем по заранее оговоренным условиям независимо от воли контрагента.

В последние несколько лет рост интереса к опционным соглашениям обусловлен геополитической ситуацией, усилением санкционных ограничений и принятием государством соответствующих ответных мер. Среди компаний, покинувших российский рынок в 2022 г., популярным инструментом стало включение в сделки по продаже активов условий об «обратном» опционе, предоставляющих право на возврат бизнеса в будущем. Например, при продаже своих российских активов Mercedes-Benz предусмотрел возможность возврата бизнеса дилеру «Автодом» в течение шести лет[154]. Аналогичные условия были предусмотрены при передаче активов компании Renault[155]. Условие об «обратном» опционе было также предусмотрено при выкупе активов McDonald’s Corp, согласно которому последний вправе выкупить бизнес в течение 15 лет[156]. Таким образом, использование конструкции опционов позволило иностранным компаниям, с одной стороны, соблюсти американские и европейские санкции посредством смены собственника компании, а с другой стороны, иметь возможность вернуться в РФ в случае изменения геополитической обстановки.

Однако с 2023 г. опционы стали реже применяться при продаже иностранного бизнеса. Это обусловлено принятием Указа Президента РФ от 08 сентября 2022 г. № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами», ужесточившим порядок выхода иностранных лиц из бизнеса, в частности, предусмотрена необходимость получения разрешения на совершение сделки от Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ (далее – Правкомиссия)[157]. В связи с принятием данного регулирования условия опционов необходимо раскрывать Правкомиссии.

---

[154] https://tass.ru/ekonomika/17616597 (дата обращения: 01 февраля 2025 г.).

[155] https://www.rbc.ru/business/16/05/2022/6281db4b9a7947dbb5234267 (дата обращения: 01 февраля 2025 г.).

[156] https://www.interfax.ru/russia/845991 (дата обращения: 01 февраля 2025 г.).

[157] Подробнее см. постановление Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 295 «Об утверждении Правил выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и иных разрешений, предусмотренных отдельными указами Президента Российской Федерации, а также реализации иных полномочий в указанных целях и внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1689; *Габов А. В., Лаптев В. А.* Решения Правительственной

В гражданском законодательстве предусмотрены следующие конструкции опционных соглашений: соглашение о предоставлении опциона на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ) и опционный договор (ст. 429.3 ГК РФ).

Прежде чем перейти к правовому анализу опционных соглашений в корпоративном праве представляется целесообразным исследовать правовую природу опционных соглашений в целом. В доктрине и судебной практике выработаны следующие подходы к правовой природе опционных соглашений. Согласно первому подходу опционы рассматриваются как предварительный договор, поскольку согласно его условиям одна сторона получает право требовать от другой стороны заключения основного договора в будущем[158]. Однако представляется ошибочным отождествлять предварительный договор и опционные соглашения, поскольку в результате заключения предварительного договора у обеих сторон возникает обязанность по заключению основного договора, в то время как по условиям опциона лишь у одной стороны возникает обязанность по заключению основного договора[159].

В рамках следующего подхода к опционы приравнивались к поименованным договорам, которые подлежали заключению или исполнению[160]. Однако при использовании данного подхода в принципе теряется смысл конструкции опциона, поскольку они приравниваются к договорам, не учитывающим их специфику.

В рамках третьего подхода опцион рассматривается как сделка под условием (ст. 157 ГК РФ). Однако данный подход не учитывает, что по правилам ст. 157 ГК

комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации в системе источников регулирования экономических отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 3. С. 32–70.

[158] См.: *Васильев А. В.* Правовая природа опционного договора США // Закон. 2007. № 3. С. 189; *Красников Н.* О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву // Юрист. 2009. № 12. С. 25–30; *Меньшенин П. А.* Опционный договор // Право и экономика. 2008. № 5. С. 19–25; *Мельничук Г. В.* Сделки на срочных рынках // Законодательство. 1999. № 10. С. 23–25; Суд признал, что по смыслу и содержанию статьи 429.3 Гражданского кодекса Российской Федерации опционный договор относится к одному из разновидностей предварительного договора. См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 августа 2017 г. № Ф05-11409/2017 по делу № А41-60107/16 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 03 февраля 2025 г.).

[159] См.: определение Верховного Суда РФ от 08 ноября 2016 г. № 18-КГ16-124 // Верховный Суд РФ. URL: http://www.supcourt.ru (дата обращения: 03 февраля 2025 г.).

[160] Например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 06 марта 2018 г. по делу № А40-45135/2017; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23 сентября 2015 г. по делу № А31-7898/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 03 февраля 2025 г.).

РФ о наступлении или ненаступлении отлагательных и отменительных условий сторонам не должно быть известно, в то время как в опционе о наступлении такого условия известно управомоченной стороне. При использовании конструкции опциона «под условие» ставится возникновение или необходимость исполнения обязательства, которое, фактически находится в зависимости от реализации права выбора другой стороны[161].

По результатам анализа существующих подходов можно прийти к выводу, что в каждом подходе отражаются отдельные признаки опциона. Однако опционные соглашения обладают определенной, присущей только им спецификой. Так, соглашение о предоставлении опциона на заключение договора в науке рассматривается как модель соглашения об оферте[162], в рамках которой стороне предоставляется право выбора относительно заключения или незаключения договора, т.е. в таком случае настоящее соглашение можно условно признать договором с заранее согласованными условиями.

Из изложенного следует, что соглашение о предоставлении опциона на заключение договора и опционного договора являются специальной договорной конструкцией, что обусловлено особенностями, установленными в гражданском законодательстве. Отличительной чертой указанной договорной конструкции будет являться нахождение обязанной стороны в состоянии неопределенности относительно необходимости исполнения обязательств по опционному соглашению.

Основными целями использования опционных соглашений при приобретении акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ являются, во-первых, фиксация цены акций (доли в уставных капиталах) хозяйственных обществ на определенных период, во-вторых, получение информации о хозяйственном обществе[163], в-третьих, обеспечение

---

[161] См.: *Севеева К. В.* Правовая природа опционных соглашений в корпоративном праве // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 23–41.

[162] См.: *Карапетов А. Г.* Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 52.

[163] См.: *Филиппова С. Ю., Шиткина И. С.* Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография. М.: Статут, 2019.

дополнительных гарантий приобретателю в случае изменения финансовых показателей хозяйственного общества, чьи акции (доля в уставном капитале) планировались к приобретению, финансового положения приобретателя или получения более выгодного предложения посредством реализации права не акцептовать оферту на приобретение акций (долей в уставных капиталах), в-четвертых, разрешение корпоративных конфликтов (тупиковых ситуаций) в хозяйственных обществах[164], в-пятых, обеспечение инвестору возврата вложенных в хозяйственное общество инвестиций[165].

Стоит обратить внимание на то, что в опционные соглашения необходимо включать не только существенные условия, касающиеся непосредственно опциона, а также существенные условия основного договора, подлежащего заключению или исполнению (например, п. 4 ст. 429.2 ГК РФ)[166]. В действующей судебной практике отсутствует единообразный подход относительно установления в опционном соглашении условия о размере передаваемой доли. Например, в рамках одного спора суд признал допустимым и правомерным установление в опционном договоре условия о размере подлежащей доли в зависимости от усмотрения управомоченного лица, т.е. в опционном соглашении не был определен конкретный размер доли, подлежащей передаче, а установлено, что она может быть передана как частично, так и полностью в зависимости от усмотрения управомоченного лица[167]. Однако в рамках другого дела суд признал недопустимым установление в опционном соглашения условия о размере доли, подлежащей передаче, в определенном диапазоне (в размере до 4,62%), поскольку пришел к выводу, что подобное условие препятствует определению другого условия – цены[168]. При указанных обстоятельствах суд признал соглашение о

---

[164] См.: *Глухов Е. В.* Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М.: М-Логос, 2017.

[165] См.: *Севеева К. В.* Правовая природа опционных соглашений в корпоративном праве.

[166] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2019 г. по делу № А40-207820/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 04 февраля 2025 г.).

[167] См.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 октября 2022 г. № Ф06-22813/2022 по делу № А65-17215/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 04 февраля 2025 г.).

[168] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2019 г. № Ф05-292/2019 по делу № А40-207820/17 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 04 февраля 2025 г.).

предоставлении опциона на заключение договора незаключенным. Таким образом, в силу неопределенности подходов в судебной практике и во избежание риска признания опционного соглашения незаключенным представляется оправданным устанавливать в условиях соглашений точный размер передаваемых акций (доли в уставном капитале).

Следующим существенным условием опционных соглашений является условие о сроке действия опциона. Существует два способа описания указанного условия в опционном соглашении: указание конкретного периода времени, в течение которого допускается акцепт («американский опцион»), или указание определенной календарной даты, когда допускается акцепт («европейский опцион»). В гражданском законодательстве предусмотрены различные правовые последствия в части истечения срока действия опциона: опционный договор прекращает свое действие в случае, если управомоченная сторона не заявит требование в установленный срок, а соглашение о предоставлении опциона на заключение договора остается действующим, но управомоченная сторона утрачивает право заключить на основании безотзывной оферты договор, предусмотренный опционом. В отношении соглашений о предоставлении опциона на заключение договора предусмотрено специальное правило, согласно которому, если в соглашении не установлен срок действия опциона, то он будет считаться равным году, если иное не вытекает из существа договора или обычаев (п. 2 ст. 429.2 ГК РФ). Для опционного договора подобного правила не установлено, в связи с чем суды признают опционные договоры, в которых не определен срок действия, незаключенными[169].

Помимо существенных условий в опционных соглашениях могут быть предусмотрены иные условия, например, направленные на нивелирование риска утраты предмета опционного соглашения и последующего договора купли-продажи (доли в уставном капитале общества или акций). К подобным условиям можно отнести, например, установление запрета владельцу отчуждать или

[169] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 06 июня 2018 г. по делу № А41-60107/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 04 февраля 2025 г.).

обременять акции (доли в уставном капитале) в период действия опциона, а также ограничений для владельца акций (доли в уставном капитале) при голосовании вопросам повестки общего собрания (например, при рассмотрении вопросов о реорганизации, ликвидации, увеличении или уменьшении уставного капитала и др.). В данном случае можно заметить определенную схожесть опционного соглашения с корпоративным договором, по условиям которого стороны обязуются голосовать определенным образом по вопросам повестки дня общего собрания.

В опционных соглашениях также можно предусмотреть условия, приводящие к возникновению корпоративного контроля на стороне управомоченного лица. Например, на период действия опциона может быть предусмотрено, что владелец акций (доли в уставном капитале) осуществляет отдельные корпоративные права либо на основании согласования управомоченной стороны, либо по ее указанию[170]. Также в опционном соглашении может быть предусмотрено право управомоченной стороны запрашивать документацию и отчетность хозяйственного общества. В доктрине управомоченные лица по опционным соглашениям также именуются косвенными участниками (акционерами), поскольку они, руководствуясь своими интересами, оказывают влияние на принимаемые участниками решения и, как следствие, на формирование воли хозяйственного общества[171].

Можно заметить, что включение в опционные соглашения условий, связанных с осуществлением владельцем акций (доли в уставном капитале) отдельных корпоративных прав либо на основании согласования управомоченной стороны, либо по ее указанию расцениваются как «квазикорпоративный договор» (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ)[172]. С данной позицией сложно не согласиться, поскольку включение подобных условий в опционное соглашение направлено на защиту

---

[170] См.: *Бирюков Д. О.* Договорные механизмы регулирования корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2016. № 12. С. 3–21.

[171] См.: *Арнаутов Д. Р.* Формы участия кредитора в корпоративном управлении корпорацией-должником.

[172] См.: *Севеева К. В.* Опционные соглашения как способ обратного выкупа бизнеса в условиях нестабильности экономики // Вестник арбитражной практики. 2022. № 5. С. 41–46; *Она же*. Опционные соглашения в корпоративном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 64–72.

интересов управомоченной стороны, что соответствует концепции «квазикорпоративного договора».

С учетом того, что основным признаком корпоративного контроля является оказание влияние на формирование воли корпорации, можно заключить, что подобные условия являются основанием возникновения корпоративного контроля со стороны управомоченного лица. Подобная позиция также подтверждается судебной практикой[173]. Однако установление корпоративного контроля может привести к возникновению следующих последствий на стороне управомоченного лица: во-первых, привлечение к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве хозяйственного общества, во-вторых, взыскание убытков в результате фактического контроля, в-третьих, возникновение заинтересованности в сделках хозяйственного общества[174] и др. Однако на практике может возникнуть сложность с установлением статуса контролирующего лица управомоченной стороны, поскольку, как правило, условия опционных соглашений являются конфиденциальными, а данные о заключении опционного соглашения не вносятся ни в какие публичные реестры.

Подводя итог, отметим, что опционные соглашения в контексте приобретения корпоративного контроля представляют собой:

1) сделку, посредством которой приобретается право участия в хозяйственном обществе;

2) сделку, не предполагающую отчуждение доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, но содержащую условия, приводящие к возникновению на стороне управомоченного лица (держателя опциона) корпоративного контроля, позволяющего определять деятельность корпорации до перехода ему права на акции (долю в уставном капитале).

---

[173] См.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 мая 2020 г. № Ф06-60690/2020 по делу № А57-7692/2019, постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2020 г. № Ф05-14596/2020 по делу № А40-126394/2019, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24 февраля 2021 г. № Ф04-6479/2019 по делу № А03-16721/2018, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 сентября 2020 г. № Ф04-6479/2019 по делу № А03-16721/2018 // Картотека арбитражные дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05 февраля 2025 г.).

[174] См.: постановление ФАС Московского округа от 14 февраля 2013 г. по делу № А41-20269/2012 // Картотека арбитражные дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05 февраля 2025 г.).

Опционные соглашения в последнее время используются не только для обеспечения возможного возвращения иностранных компаний на российский рынок, но и в целях сохранения у иностранных компаний корпоративного контроля в обход действующих санкционных ограничений. Благодаря заключению опционных соглашений иностранные лица формально не участвуют в уставном капитале хозяйственного общества, но могут оказывать влияние на его деятельность.

Соглашение об отступном

Следующей сделкой, в результате совершения которой может быть приобретен корпоративный контроль, является соглашение об отступном. В гражданском законодательстве закреплено, что по общему правилу обязательство прекращается надлежащим исполнением (ст. 408 ГК РФ). Вместе с тем предусмотрены и иные, отличные от общего правила основания прекращения обязательств, к числу которых относится в том числе отступное. Предметом отступного могут выступать денежные средства и иное имущество, в том числе доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и акции непубличных акционерных обществ (ст. 409 ГК РФ, п. 3 ст. 7 Закона об АО).

Учитывая, что в результате предоставления отступного происходит смена собственника акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, на практике возникает вопрос о применении к таким случаям правила о преимущественной покупке доли (акций непубличного акционерного общества). По вопросу о распространении правила о преимущественной покупке на случаи предоставления отступного на практике и в доктрине существует несколько подходов.

Согласно первому подходу (в доктрине именуется узким подходом)[175] преимущественное право покупки распространяется лишь на случаи отчуждения акций (долей в уставных капиталах) на основании договора купли-продажи[176].

---

[175] См. *Чупрунов И. С.* Отступное и преимущественное право покупки акций (доли) // Закон. 2022. № 2. С. 50–62.

[176] См.: Информационное письмо Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июня 2009 г. № 131 (п.1) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 9; *Чупрунов И. С.* Вопросы сферы действия и обхода преимущественного права покупки доли (акций). // Вестник экономического правосудия Российской Федерации.

Можно заметить, что правоприменительная практика в данном случае руководствовалась сугубо формальным подходом, не учитывала цели установления права преимущественной покупки (обеспечение стабильности состава общества, защита прав участников общества посредством ограничения на включение в состав общества третьих лиц). Подобный подход позволял посредством использования конструкции отступного обходить правило о преимущественной покупке.

В соответствии со вторым подходом (в доктрине именуется функциональным подходом) правила о преимущественной покупке распространяются на случаи, когда встречное предоставление со стороны контрагента носит характер родового обязательства[177]. Это объясняется необходимостью в случае реализации права преимущественной покупки предоставить грантору такое же предоставление, что и было обещано контрагентом. В науке предоставление отступного рассматривают как аналог (а) купли-продажи (отступное погашает денежный долг (квазипродажа)); (б) мены (отступное погашает долг по передаче вещи, права требования и др. (квазимена))[178]. Данный подход отчасти подтверждается действующей правоприменительной практикой, согласно которой допускается применение правил о купле-продаже в случае, если в принятом отступном будут обнаружены скрытые недостатки[179].

В рамках третьего подхода (в доктрине именуется широким подходом) предполагается, что правила о преимущественной покупке распространяются на

2021. № 4. С. 28–30; *Глушецкий А. А.* Преимущественное право покупки доли в уставном капитале ООО – варианты реализации // Право и экономика. 2017. № 3. С. 32–43; *Новоселова Л. А.* Преимущественное право приобретения акций в закрытом акционерном обществе // Арбитражная практика. 2004. № 4. С. 168–170; постановления Арбитражного суда Московского округа от 23 мая 2019 г. № Ф05-6638/2019 по делу № А40-125869/2018 («...если иное не установлено уставом общества, преимущественное право участников общества действует при отчуждении доли только путем продажи и не распространяется на отчуждение доли иным образом (в том числе посредством отступного)»); ФАС Северо-Западного округа от 09 октября 2009 г. по делу № А52-311/2009; ФАС Уральского округа от 26 марта 2008 г. № Ф09-10203/07-С4 («...участник общества вправе в судебном порядке требовать перевода на него прав и обязанностей покупателя только по договору купли-продажи доли») // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 февраля 2025 г.).

[177] См. *Чупрунов И. С.* Отступное и преимущественное право покупки акций (доли).

[178] См.: *Чупрунов И. С.* Преимущественное право покупки доли (акций): монография. М.: Статут, 2022; *Он же.* Вопросы сферы действия и обхода преимущественного права покупки доли (акций).

[179] См.: п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. 2020. № 136.

все случаи распоряжения долей в уставном капитале независимо от наличия или отсутствия встречного предоставления со стороны контрагента[180]. Представляется, что применение широкого подхода может ограничить эффективность правил о преимущественной покупке.

Довольно долго в российской правоприменительной практике господствовал узкий подход, согласно которому суды, буквально толкуя действующие нормы законодательства, приходили к выводу о неприменении правил о преимущественной покупке акций (доли в уставном капитале) при предоставлении отступного[181]. Однако с 2015 г. данный подход изменился в отношении акций непубличных акционерных обществ и с 2020 г. – в отношении долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью. В п. 3 ст. 7 Закона об АО в редакции Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ прямо закреплено, что преимущественное право на приобретение акций непубличного акционерного общества также распространяется на случаи отчуждения акций посредством предоставления отступного, в случае если данные правила закреплены в уставе общества. В отношении применения правил о преимущественной покупке доли в уставном капитале законодательный пробел был восполнен правоприменительной практикой. Так, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» предусмотрено, что правила о преимущественной покупке распространяются на случаи, когда денежное обязательство погашается предоставлением отступного, предметом которого является имущество, в отношении которого действует преимущественное право покупки (в том числе доли в уставном капитале).

---

[180] См.: *Чупрунов И. С.* Вопросы сферы действия и обхода преимущественного права покупки доли (акций). С. 58–61; *Батищев А. О., Громов А. А., Карапетов А. Г. и др*. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 1129–1130 (авторы комментария к ст. 409 ГК – *А. Г. Карапетов, А. А. Павлов*).

[181] См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июня 2009 г. № 131 (п. 1), определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 апреля 2012 г. № ВАС-4459/12 по делу № А65-5850/2011, постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 мая 2019 г. № Ф05-6638/2019 по делу № А40-125869/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 февраля 2025 г.).

Таким образом, можно заметить, что в настоящее время как отдельные законодательные нормы, так и правоприменительная практика относят к сделкам по отчуждению акций (долей в уставных капиталах) соглашение об отступном, в связи с чем соглашение об отступном может являться основанием возникновения корпоративного контроля. Однако на практике данный способ приобретения корпоративного контроля не получил широкого распространения.

Дарение

В соответствии с положениями действующего законодательства допускается отчуждение акций (долей в уставных капиталах) на основании безвозмездных сделок. Одной из таких сделок является договор дарения.

Важно отметить, что преимущественное право приобретения доли в уставном капитале хозяйственного общества не распространяется на случаи безвозмездного отчуждения третьему лицу[182]. Нередко дарение акций (долей в уставных капиталах) служит инструментом для уклонения от выполнения обязательств, предусмотренных для договора купли-продажи, в частности, договор дарения используется в целях обхода преимущественного права участников общества на приобретение доли в уставном капитале. В связи с этим возникает проблема признания таких сделок недействительными.

Так, договор дарения части доли в уставном капитале общества третьему лицу, заключенный в целях дальнейшей продажи этому лицу оставшейся части доли в уставном капитале в обход правил о преимущественном праве других участников, признается притворной сделкой[183]. При наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением. К такому договору применяются правила, предусмотренные п. 2 ст. 170 ГК РФ[184].

---

[182] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 1999 г. № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 декабря 1999 г. № 14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (п. 12) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3.

[183] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 88) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[184] См.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21 марта 2016 г. № Ф10-446/2016 по делу № А62-3430/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 21 февраля 2025 г.).

Стоит отметить, что бремя доказывания лежит на лице, заявляющем требования о признании такого договора дарения недействительной сделкой.

В случае с договором дарения мнимой сделкой будет считаться, например, оформление дарения доли в уставном капитале, при этом фактическая передача корпоративного контроля не происходит. Так, суд признал договор дарения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, заключенный между близкими родственниками (отец и сын), мнимой сделкой на том основании, что договор дарения был заключен в условиях корпоративного конфликта в целях недопущения реализации другим участником общества права на заявление требования об исключении участника общества – дарителя[185]. Даритель, будучи участником общества, неоднократно совершал неправомерные действия, повлекшие за собой причинение убытков обществу, дарение доли было направлено на сохранение корпоративного контроля.

В правовой литературе предлагаются решения проблемы использования дарения как инструмента для обхода преимущественного права на покупку доли в уставном капитале. А. А. Максуров предлагает включение в корпоративное законодательство специальной нормы о недействительности сделок, прикрывающих куплю-продажу акций (доли в уставном капитале)[186]. Подобное предложение не представляется целесообразным, поскольку не решает основную проблему, а именно доказывание недействительности такой сделки. Следование такой логике приведет к тому, что в законодательстве будут закреплены всевозможные частные случаи недействительности сделок. Стоит отметить, что содержание предлагаемой нормы автором не приведено.

Также А. А. Максуров предлагает переложить бремя доказывания таких сделок на стороны договора дарения (даритель и одаряемый)[187]. Однако, на наш

---

[185] См.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 сентября 2019 г. № Ф03-3721/2019 по делу № А73-22636/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 21 февраля 2025 г.).

[186] См.: *Максуров А. А*. Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ: монография.

[187] Там же.

взгляд, это создаст возможность для подачи необоснованных исков участниками обществ, что создаст дополнительную нагрузку на судебную систему.

Кроме того, договор дарения доли в уставном капитале признается судами недействительным, если он совершен в целях сокрытия имущества от обращения взыскания в рамках привлечения дарителя к субсидиарной ответственности по долгам банка. Целью дарителя был вывод активов компании, при совершении сделки дарителем было допущено злоупотребление правом. Суд пришел к выводу о том, что такая сделка противоправна, признал ее ничтожной[188].

Таким образом, можно заметить, что на практике мотивом заключения договора доли в уставном капитале часто выступает не желание безвозмездно передать долю, а иной интерес, такой как желание сокрыть активы общества в случае потенциально взыскания, обойти требования закона о преимущественном праве, осуществить формальную передачу доли при сохранении фактического контроля и др.

Передача акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества в состав общего имущества ЗПИФ

Особый интерес при рассмотрении способов приобретения корпоративного контроля представляет передача акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества в состав общего имущества ЗПИФ. В настоящее время можно наблюдать тенденцию расширения сфер использования правовой конструкции ЗПИФ на российском рынке. Так, согласно данным Центрального банка РФ с 2022 г. количество ЗПИФ возросло в несколько раз[189], при этом можно заметить изменение структуры активов ЗПИФ: традиционно основной категорией активов ЗПИФ была недвижимость, однако в последние годы растет количество фондов, портфели которых составляют финансовые инструменты, а также права требования.

В соответствии с положениями с Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»[190] доли акции хозяйственных обществ

---

[188] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 сентября 2022 г. № Ф07-12883/2022 по делу № А21-8356/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 21 февраля 2025 г.).

[189] https://www.cbr.ru/registries/rsci/activity_uk_if/ (дата обращения: 21 августа 2025 г.).

[190] СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

могут входит состав общего имущества ЗПИФ. Акции (доли в уставном капитале) компаний, переданные в общее имущество ЗПИФ, становятся частью активов фонда, управление которыми осуществляется управляющей компанией в интересах пайщиков.

Основным преимуществом использования правовой конструкции ЗПИФ является законодательное ограничение на доступ к информации о ЗПИФ. Так, информация об имуществе фонда, о владельцах инвестиционных паев и правилах доверительного управления не подлежит раскрытию. При передаче акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества в состав имущества ЗПИФ в ЕГРЮЛ будет внесена запись о том, что акции (доли в уставном капитале) являются имуществом ЗПИФ. Кроме того, акции, переданные в состав имущества ЗПИФ, поступают на отдельный счет депо, отрытый управляющей компании в специализированном депозитарии ЗПИФ. В данном случае учет прав на акции осуществляется через механизм номинального держания, а не через внесение записи в реестре акционеров. Таким образом, в реестрах не будет отражаться информация о пайщиках.

Стоит также отметить, что преимуществом механизма передачи акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества в состав имущества ЗПИФ является то, сделка, опосредующая переход контроля над обществом, будет более гибкой и быстрой, поскольку передаваться будет инвестиционный пай, а не акции (доля в уставном капитале), что позволяет избежать ряд корпоративных процедур, обязательных при прямой продаже акций (долей в уставных капиталах) (таких как нотариального удостоверения сделки купли-продажи доли уставном капитале, получение отказа от преимущественного права покупки другим участником/акционером и т.д.).

В результате передачи акций (долей в уставных капиталах) в состав имущества ЗПИФ происходит юридическое отделение хозяйственного общества, акции (доли в уставном капитале) которого переданы, от владельца этих акций (доли в уставном капитале). Именно высокий уровень конфиденциальности делает передачу акций (долей в уставных капиталах) в доверительное управление ЗПИФ

популярной для инвесторов и выгодно отличает данную правовую конструкцию от холдинговой структуры.

Несмотря на то, что инвесторы перестают быть владельцами акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, в определенных условиях они сохраняют корпоративный контроль. Правила доверительного управления ЗПИФ могут предусматривать создание комитета пайщиков и инвестиционного комитета, функционал которых схож с функционалом органов хозяйственного общества. А. В. Габов справедливо отметил, что у владельцев паев ЗПИФ имеются права корпоративного характера[191]. Об этом свидетельствует возможность принимать пайщиками решений об управлении имуществом фонда через комитет пайщиков и инвестиционный комитет, а также периодически получать выплаты доходов по инвестиционным паям. Можно заметить, что система управления ЗПИФ может быть построена с использованием конструкций, аналогичных корпоративным структурам. Однако важно отметить, что система управления ЗПИФ, а также степень контроля со стороны пайщиков могут существенно различаться.

Полномочия участника (акционера) общества, акции (доли в уставном капитале) которого переданы в состав общего имущества ЗПИФ, осуществляет управляющая компания. Кроме того, управляющая компания действует с согласия депозитария. В случае если правилами доверительного управления ЗПИФ не предусмотрено участие пайщиков в принятии корпоративных решений в отношении хозяйственных обществ, акции (доли в уставном капитале) которого переданы в состав общего имущества ЗПИФ, управляющая компания обязана действовать в интересах пайщиков. В данном случае возникает риск возникновения конфликта интересов.

Таким образом, в случае передачи акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества в состав имущества ЗПИФ бенефициарными владельцами бизнеса часто остаются учредители ЗПИФ – бывшие владельцы акций

---

[191] Подробнее см.: *Габов А. В.* Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011.

(доли в уставном капитале). При этом с формальной точки зрения деятельность корпорации находится по контролем управляющей компании.

При определении наличия корпоративного контроля у пайщика в отношении общества, акции (доли в уставном капитале) которого переданы в состав общего имущества ЗПИФ, необходимо также учитывать факт участия такого пайщика в инвестиционном комитете, поскольку решения, связанные с осуществлением корпоративных прав, принимаются на инвестиционном комитете.

Можно заметить, что в настоящее время конструкция передачи акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ в состав общего имущества ЗПИФ представляет собой альтернативу классическому холдингу. Механизм управления ЗПИФ во многом аналогичен корпоративному управлению, корпоративный контроль бенефициарного владельца сохраняется, но при этом основанием возникновения корпоративного контроля является не просто владение долей участия в хозяйственном обществе, а договорная конструкция, предполагающая прекращение права собственности на акции (долю в уставном капитале) посредством передачи в общее имущество и получение пая, удостоверяющего права на часть общего имущества ЗПИФ, а также доверительное управление таким имуществом.

Таким образом, можно констатировать, что передача акций (долей в уставных капиталах) в состав общего имущества ЗПИФ не влечет автоматическое возникновение корпоративного контроля у бывшего владельца контрольного пакета. Для этого необходимо создание инвестиционного комитета и участие такого пайщика в деятельности инвестиционного комитета. В случае отсутствия комитета, на котором пайщики принимают решения, связанные с осуществлением корпоративных прав, управляющая организация реализует такие права на свое усмотрение с учетом интересов пайщиков. В данном случае можно считать, что корпоративным контролем обладает управляющая организация.

Раздел имущества супругов

Как ранее было отмечено, раздел имущества супругов, производимый в порядке ст. 38, 39 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)[192] и ст. 254 ГК РФ, является сделкой по отчуждению акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества[193]. В соответствии с п. 2 ст. 34 СК РФ к общему имуществу супругов относится любое нажитое во время брака имущество, в том числе ценные бумаги, паи, вклады, доли в уставном капитале, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено. Применительно к публичным акционерным обществам проблем при разделе общего имущества, как правило, не возникает. Это обусловлено тем, что в публичных акционерных обществах отсутствует устойчивый персонифицированный состав участников, что связано с запретом установления права преимущественной покупки акций. Однако при разделе имущества супругов, а именно долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью, возникают некоторые сложности. С учетом того, что общества с ограниченной ответственностью являются «объединениями лиц» (закрытая корпорация, персональный состав которой важен для ее участников (intuitas personae)), на практике возникает вопрос: распространяются ли на раздел общего имущества супругов правила п. 1, 2, 8 ст. 21 Закона об ООО о необходимости получения согласия других участников на переход доли, если в уставе предусмотрена необходимость его получения.

Приобретение супругом доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью во время брака автоматически влечет возникновение права общей совместной собственности на эту долю независимо от того, кто из супругов указан в ЕГРЮЛ как участник общества. Даже если в реестре указан только один супруг, вторая половина доли все равно будет принадлежать второму супругу. Однако необходимо отметить, что установление права общей совместной собственности на долю в уставном капитале общества с ограниченной

---

[192] СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[193] См.: определение Верховного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021, постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 июля 2024 г. № Ф05-12994/2024 по делу № А40-153877/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 февраля 2025 г.).

ответственности не влечет за собой возникновение у второго супруга корпоративных прав. Корпоративными правами, вытекающими из доли, обладает лишь тот супруг, который указан в качестве участника общества в ЕГРЮЛ[194]. Иной подход привел бы к тому, что фактический состав участников был шире, чем тот, который указан в ЕРГЮЛ.

В Законе об ООО напрямую не урегулированы вопросы перехода прав на долю в уставном капитале общества в порядке выдела супружеской доли. В частности, в ст. 21 Закона об ООО предусмотрены различные случаи перехода прав на долю, однако напрямую они не охватывают случаи выдела супружеской доли из общего имущества супругов. Так, законодатель предусмотрел следующие группы оснований перехода доли: сделка, универсальное правопреемство, иные законные основания.

В доктрине и судебной практике выработано два подхода относительно порядка перехода доли супругу при разделе общей собственности. Первый подход построен на принципе приоритета норм семейного законодательства перед корпоративными нормами[195]. В рамках данного подхода переход супругу прав на долю осуществляется на ином законном основании, т.е. на основании, предусмотренном СК РФ, в связи с чем получение согласия других участников не требуется[196]. Встречается и иное обоснование отсутствия необходимости получения согласия, согласно которому суды, отождествляя понятия «собственник доли в уставном капитале» и «участник общества», приходят к выводу о праве супруга требовать признания своего статуса как участника общества без одобрения остальных участников[197].

---

[194] Подробнее о доле в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как о комплексе корпоративных прав и обязанностей участника по отношению к обществу см.: *Могилевский С. Д.* Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. С. 40; *Ломакин Д. В.* Доли участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как особые объекты гражданского оборота // Хозяйство и право. 2008. № 2. С. 57.

[195] См.: определение Верховного Суда РФ от 03 июня 2014 г. № 5-КГ14-9, постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 апреля 2015 г. по делу № А40-117718/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 февраля 2025 г.).

[196] См.: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 июня 2015 г. по делу № А55-17740/2013 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 февраля 2025 г.).

[197] См.: постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 16 декабря 2008 г. по делу № А78-3725/08 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 февраля 2025 г.).

В свою очередь, второй подход строится на приоритете норм корпоративного законодательства и, как следствие, допустимости распространения п. 8 ст. 21 Закона об ООО на случаи раздела общего имущества супругов[198]. Таким образом, по умолчанию супругу при разделе общей собственности принадлежит «право на долю», которое в зависимости от положений устава ООО и иных обстоятельств (например, получения согласия иных участников) в дальнейшем может трансформироваться как в корпоративные права, так и в имущественное право на получение действительной стоимости доли в уставном капитале [199]. То есть в случае раздела общего имущества супругов получение супругом корпоративных прав, вытекающих из доли, зависит от воли других участников общества. Вместе с тем, на наш взгляд, представляется не вполне корректным при разделе общего имущества супругов руководствоваться п. 8 ст. 21 Закона об ООО, поскольку в соответствии с действующей судебной практикой раздел общего имущества супругов признается распорядительной сделкой, и в этой связи подлежат применению нормы п. 2. ст. 21 Закона об ООО[200].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в действующей судебной практике в настоящее время превалирует подход о приоритете норм корпоративного законодательства над нормами семейного законодательства[201], обусловленный тем, что раздел общего имущества супругов признается распорядительной сделкой. Представляется, что данный подход в полной мере соответствует пониманию правовой природы доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, а также самой концепции общества с

---

[198] См.: *Илюшина М. Н., Чашкова С. Ю.* Особенности договорных форм раздела общего имущества супругов предпринимательского назначения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3. С. 25–33; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 февраля 2015 г. № А59-4543/2013 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 февраля 2025 г.).

[199] См.: *Харитонова Ю. С.* Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО // Нотариальный вестник. 2023. № 11. С. 5–14; *Кузнецов А. А.* Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 4. С. 7–54; определение Верховного Суда РФ от 06 апреля 2021 г. № 305-ЭС20-22249, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 января 2022 г. № Ф07-17993/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16 февраля 2025 г.).

[200] См.: определение Верховного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16 февраля 2025 г.).

[201] См.: п. 18 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 июля 2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 11.

ограниченной ответственностью – объединения лиц (закрытая корпорация, персональный состав которой важен для ее участников (intuitas personae)).

Принятие наследства

Принятие наследства является односторонней сделкой, направленной на приобретение наследником причитающегося ему наследства и совершаемой в установленном порядке в сроки и способами, определенными законодательством. В состав наследства в том числе входят акции (доли в уставных капиталах) хозяйственных обществ (ст. 1176 ГК РФ).

В действующем законодательстве установлен различный порядок наделения корпоративными правами наследников акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ. Так, наследники акций по общему правилу становятся акционерами по истечении срока принятия наследства. Однако при наследовании доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью недостаточно факта принятия наследства для наделения наследников умершего участника статусом участника общества. В Законе об ООО предусмотрены дополнительные специальные условия для вступления наследника умершего участника в состав общества: 1) отсутствие в уставе запрета на вхождение наследников в состав участников общества; 2) наличие согласия других участников на вхождение наследника в состав общества, если необходимость получения такого согласия закреплена в уставе. При несоблюдении указанных условий наследник может претендовать на получение действительной стоимости доли. Таким образом, можно заметить, что возникновение корпоративных прав у наследника поставлено в зависимость от определенных в законодательстве и уставе общества условий. Помимо доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью лицо может унаследовать право на получение действительной стоимости доли в случаях, когда наследодатель (участник) при жизни потребовал приобретения его доли, направил обществу заявление о выходе или состоялось решение о его исключении из общества[202].

[202] Подробнее см.: *Лаптев В. А.* Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3–36.

Вместе с тем на практике встречаются сложности при наследовании доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственности пережившим супругом (супругой). В гражданском законодательстве предусмотрено регулирование, направленное на обеспечение права пережившего супруга на часть имущества, нажитого во время брака с наследователем и являющегося их совместной собственностью (ст. 1150 ГК РФ), согласно которому «принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью». Выдел супружеской доли в случае смерти одного из супругов осуществляется в соответствии с п. 4 ст. 256 ГК РФ в порядке, предусмотренном семейным законодательством. Таким образом, можно заметить, что в отличие от наследования в данном случае не происходит универсального правопреемства, поскольку переживший супруг получает причитающуюся ему в силу закона долю в общей собственности супругов. Также отметим, что право на выдел доли в общем имуществе супругов не зависит от таких обстоятельств, имеющих правовое значение при наследовании, как отказ от наследства, лишение наследства в завещании, установление факта наличия в действиях наследника недостойного поведения. В данном случае право на посмертный выдел доли в общей собственности супругов зависит от воли пережившего супруга, поскольку оно возникло в момент установления режима общей собственности. Помимо этого, в отличие от наследования выдел супружеской доли в случае смерти одного из супругов может быть произведен ранее установленного в законе шестимесячного срока[203]. В этой связи можно прийти к выводу, что переживший супруг долю в совместной собственности не наследует, а получает в порядке посмертного выдела супружеской доли (раздела общего имущества супругов) на основании норм семейного законодательства.

[203] См.: абз. 2 п. 14.6 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав, утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19.

По аналогии с разделом общего имущества супругов в законодательстве отсутствует регулирование, посвященное порядку перехода доли пережившему супругу (супруге)[204]. Таким образом, разрешение вопроса, связанного с переходом доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственности пережившему супругу (супруге), имеет практическое значение.

Например, в рамках одного дела об оспаривании решения налогового органа о внесении изменений, касающихся участия пережившего супруга участника в обществе, судами разрешался вопрос о порядке включения такого лица в состав участников общества. Заявитель в обоснование требований указывал, что пережившая супруга не является наследницей должника и получила долю в уставном капитале общества на ином законном основании. В свою очередь, пережившая супруга, возражая против заявленных требований, ссылалась на то, что устав общества не требует получения согласия на переход доли ни в порядке наследования, ни на ином законном основании. Отклоняя указанные возражения, суды исходили из того, что в настоящем случае положения устава, согласно которым не требуется получения согласия на вхождение в состав общества наследников, неприменимы, поскольку доля перешла не в порядке наследования (наследником по завещанию являлся сын умершего участника), а на ином законном основании, для которого необходимо получение согласия других участников общества, так как пережившая супруга является третьим лицом по отношению к обществу (ст. 21 Закона об ООО)[205].

Также в доктрине существует позиция об автоматическом переходе пережившему супругу (супруге) корпоративных прав вне зависимости от положений устава[206], т.е. данный подход основан на приоритете норм семейного

---

[204] См.: *Чашкова С. Ю.* Переход к пережившему супругу доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как общего имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 30–36; *Науменко О. В.* Права пережившего супруга при оформлении наследства на долю уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // Наследственное право. 2012. № 1. С. 29–32; *Микрюков В. А.* Пробел и аналогия в правовом регулировании посмертного выдела супружеской части в праве на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 8. 50–58; и др.

[205] См.: определение Верховного Суда РФ от 06 июня 2023 г. № 310-ЭС23-663 по делу № А83-18084/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16 февраля 2025 г.).

[206] См.: *Козлова Н. В., Филиппова С. Ю.* О праве участия в обществе с ограниченной ответственностью лица, состоящего в браке // Вестник экономического правосудия РФ. 2023. № 7. С. 4–20.

законодательства над корпоративным, а на практике встречаются случаи, когда к подобным ситуациям применяются правила о переходе прав на долю в порядке наследования[207]. Так, в рамках одного дела суд, установив отсутствие в уставе положений, которые бы явно и недвусмысленно дифференцировали право пережившего супруга на получение им части доли в уставном капитале в зависимости от того, происходит ли в рамках наследственного дела выдел супружеской доли либо имеет место непосредственная передача имущества из наследственной массы, а также положений о необходимости получения согласия от иных участников общества на переход доли в порядке наследования, пришел к выводу о распространении на пережившего супруга правил об отсутствии необходимости получения согласия участников общества на переход доли, поскольку применительно к положениям устава переживший супруг не может относиться к третьим лицам, для вхождения в общество которых требуется получение согласия от иных участников[208].

Вместе с тем с настоящей позицией суда считаем возможным не согласиться в связи со следующим. В соответствии с п. 1 ст. 256 ГК РФ, ст. 33, 34, 36, 39 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Таким образом, режим совместной собственности возникает в силу закона. Однако в связи со смертью одного из супругов режим совместной собственности прекращает свое действие. Как было отмечено ранее, в силу ст. 1150 ГК РФ помимо права наследования у пережившего супруга имеется право на долю в общем имуществе супругов. Доля пережившего супруга в этом имуществе определяется нотариусом в соответствии со ст. 256 ГК РФ и не подлежит включению в наследственную массу наследодателя. Право на совместное имущество не зависит от того, призывается ли переживший супруг к наследованию или нет, а принадлежит ему в силу закона. В этой связи и с учетом того, что право

---

[207] См.: определения Верховного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 301-ЭС23-7494, от 06 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-26611, от 07 апреля 2022 г. № 310-ЭС21-28271, от 01 февраля 2024 г. № 306-ЭС23-11144 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16 февраля 2025 г.).

[208] См.: определение Верховного Суда РФ от 01 февраля 2024 г. № 306-ЭС23-11144 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16 февраля 2025 г.).

пережившего супруга на долю в уставном капитале общества не производно от другого супруга (т.е. в этой ситуации отсутствует правопреемство), а возникает в силу законного режима имущества супругов, можно прийти к выводу о приоритете в настоящем случае норм семейного законодательства о разделе имущества супругов, а не о наследовании.

Помимо этого, переживший супруг является наследником первой очереди и может получить долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, не являющейся предметом общей собственности супругов, в порядке наследования по закону либо в порядке наследования по завещанию. Таким образом, переживший супруг в случае смерти другого супруга обладает и правом наследования, и правом на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью.

В этой связи при разрешении вопроса о наделении пережившего супруга корпоративными правами в первую очередь необходимо установить, в каком порядке доля в уставном капитале была им получена – в порядке наследования или выдела супружеской доли (раздела общего имущества супругов), поскольку от установления данных обстоятельств будет зависеть применимое право, а именно п. 2 ст. 21 или п. 8 ст. 21 Закона об ООО. В случае если пережившему супругу доля в уставном капитале перешла в порядке выдела супружеской доли (раздела общего имущества супругов), то с учетом разъяснений п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»[209] необходимо руководствоваться п. 2 ст. 21 Закона об ООО, а если доля перешла в порядке наследования – п. 8 ст. 21 Закона об ООО. Таким образом, переход прав на долю в уставном капитале пережившему супругу (супруге) (как имущественных, так и корпоративных) будет зависеть от основания, по которому доля в уставном капитале была получена.

[209] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

По результатам исследования сделок по отчуждению акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как оснований приобретения корпоративного контроля автор пришел к следующим выводам.

Автором отмечено, что *опционные соглашения* в контексте приобретения корпоративного контроля представляют собой:

1) сделку, посредством которой приобретается право участия в хозяйственном обществе;

2) сделку, не предполагающую отчуждение акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, но содержащую условия, приводящие к возникновению на стороне управомоченного лица (держателя опциона) корпоративного контроля, позволяющего определять деятельность корпорации до перехода ему права на акции (долю в уставном капитале).

По результатам анализа действующего законодательства и правоприменительной практики автором сделан вывод об отнесении *соглашения об отступном* к сделкам по отчуждению акций (долей в уставных капиталах) и о применении в отношении данной сделки правила о преимущественной покупке (в отношении непубличных обществ), и, как следствие, о признании данной сделки основанием приобретения корпоративного контроля.

Автором установлено, что передача акций (долей в уставных капиталах) в состав общего имущества ЗПИФ представляет собой сложную правовую конструкцию, которая может служить альтернативой создания холдинговой структуры для осуществления корпоративного контроля. При этом передача акций (долей в уставных капиталах) в состав общего имущества ЗПИФ не влечет автоматическое возникновение корпоративного контроля у бывшего владельца контрольного пакета. Для этого необходимо создание инвестиционного комитета и участие такого пайщика в деятельности инвестиционного комитета. В случае отсутствия комитета, на котором пайщики принимают решения, связанные с осуществлением корпоративных прав, управляющая организация реализует такие права на свое усмотрение, с учетом интересов пайщиков. В данном случае можно считать, что корпоративным контролем обладает управляющая организация.

Автором выявлен двойственный характер перехода корпоративного контроля пережившему супругу, выраженный, во-первых, в приобретении корпоративного контроля в результате совершения односторонней сделки – посмертного раздела общего имущества супругов в порядке, установленном семейным законодательством; во-вторых, в приобретении корпоративного контроля в результате совершения односторонней сделки по принятию наследства.

В целях эффективного правоприменения, устранения правовой неопределенности и унификации подходов применения норм корпоративного законодательства при разрешении вопроса о наделении пережившего супруга корпоративными правами предлагается в первую очередь устанавливать обстоятельства получения пережившим супругом доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью – в порядке наследования или выдела супружеской доли (раздела общего имущества супругов), поскольку от установления данных обстоятельств будет зависеть применимое право. В случае если пережившему супругу доля в уставном капитале перешла в порядке выдела супружеской доли (раздела общего имущества супругов), то переход прав на долю (как имущественных, так и корпоративных) будет осуществляться в порядке, аналогичном разделу общего имущества супругов (п. 2 ст. 21 Закона об ООО), а если в порядке наследования – по правилам п. 8 ст. 21 Закона об ООО.

§ 2. Приобретение корпоративного контроля на основании сделок, не предполагающих отчуждение акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ

Как было указано ранее, отдельную группу оснований приобретения корпоративного контроля представляют сделки, не предполагающие отчуждение акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ. Актуальность исследования механизмов приобретения корпоративного контроля без отчуждения долей участия обусловлена разрывом между юридической формой и экономическим содержанием современных корпоративных отношений.

Классическая модель, отождествляющая контроль с владением контрольным пакетом акций, перестает быть универсальной. Понимание того, как договорные конструкции трансформируют распределение власти в корпорации, является необходимым условием для обеспечения транспарентности рынка, защиты прав и законных интересов членов корпорации, инвесторов и иных заинтересованных лиц, а также для правильной квалификации статуса контролирующих лиц в судебных спорах. Особый интерес для настоящего исследования представляют договор залога акций (доли в уставном капитале) и договор доверительного управления акциями (долями в уставных капиталах), поскольку указанные договорные конструкции предоставляют возможность стороне договора, не являющейся участником (акционером) хозяйственного общества, при определенных условиях определять деятельность корпорации.

В настоящее время ***залог акций (долей в уставных капиталах)*** хозяйственных обществ является весьма популярным и широко применяемым средством обеспечения исполнения обязательства, в связи с чем изучение его особенностей представляет особый интерес для юридической науки, поскольку многие вопросы остаются дискуссионными. Ключевыми аспектами при рассмотрении залога корпоративных прав как основания приобретения корпоративного контроля в хозяйственном обществе являются осуществление прав участника общества залогодержателем и статус залогодержателя.

Прежде чем перейти к рассмотрению указанных аспектов, следует проанализировать общую проблему идентификации предмета залога корпоративных прав.

В западных правопорядках можно заметить разъединение предмета залога: в германском праве существует как залог доли в корпорации, так и залог корпоративных прав. В данном случае залог корпоративных прав предполагает залог прав участника корпорации, которые могут передаваться отдельно от членства, т.е. имущественные права (право на получение дивидендов, право на ликвидационную квоту, требование о выплате в случае выхода из общества, требование о выплате вознаграждения за управление). В немецком праве

имущественные права члена корпорации обладают обязательственно-правовой природой, соответственно, могут обременяться и отчуждаться. Управленческие права, неразрывно связанные с членством в корпорации, не могут быть переданы в залог. Залог доли участия, в свою очередь, предполагает обременение членства в корпорации, но залоговый кредитор не приобретает корпоративных (управленческих) прав, он приобретает право на обращение взыскания на долю в случае неисполнения должником обеспеченного обязательства. В основе такого раздвоения предмета залога в германском праве лежит принцип запрета отделения управленческих прав от членства (Abspaltungsverbot)[210].

В российском праве подобное раздвоение отсутствует, предмет залога корпоративных прав един. Согласно ст. 358.15 ГК РФ залог корпоративных прав осуществляется посредством залога принадлежащей участнику доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или залога акций. Однако в специальном законодательстве[211] термин «залог корпоративных прав» не употребляется, речь идет о залоге доли в уставном капитале или акций. Так, возникшая в законодательстве коллизия порождает вопрос о возможности передачи только части прав.

Системный анализ положений ГК РФ и специальных законов, регулирующих деятельность хозяйственных обществ, позволяет сделать вывод, что предметом залога является именно доля (акции) в хозяйственном обществе, а не корпоративные права, как указано в ст. 358.15 ГК РФ. Обременению подлежат акции (доля в уставном капитале) хозяйственного общества как комплекс субъективных прав и обязанностей. Законодатель рассматривает термины «залог корпоративных прав» и «залог доли» как единое целое.

В настоящее время в российском праве самостоятельный залог корпоративных прав отдельно от залога акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества невозможен. Поскольку корпоративные права не могут

---

[210] См.: *Галушкин Ф. В.* Залог «корпоративных прав»: на пути к сбалансированному регулированию (начало) // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 99–130; *Он же.* Залог «корпоративных прав»: на пути к сбалансированному регулированию (окончание) // Вестник гражданского права. 2023. № 4. С. 55–90.

[211] См.: ст. 22 Закона об ООО, ст. 51.6 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918).

отчуждаться свободно от членства в обществе, они не могут быть обременены залогом[212]. Данный подход законодателя подчеркивает монистическую природу акции (доли в уставном капитале) как единого комплекса имущественных и неимущественных прав. При этом следует отличать невозможность залога прав как объекта от возможности передачи полномочий по их осуществлению залогодержателю.

Следующим важным аспектом в рамках анализа особенностей залога корпоративных прав является возможность осуществления прав участника общества залогодержателем корпоративных прав. Целесообразно рассмотреть модели осуществления корпоративных прав при залоге доли участия в западных правопорядках.

В англо-американском правопорядке наиболее распространены такие обеспечительные конструкции, как mortgage (предполагает передачу титула и возврат после надлежащего исполнения обеспеченного обязательства) и charge (аналог континентального залога, не требующий перехода титула)[213]. Модель осуществления корпоративных прав зависит от регистрации кредитора как держателя акций (as holder of security): если такая регистрация осуществлена, то залоговый кредитор имеет право на участие в управлении делами общества, если такая регистрация в реестре эмитента отсутствует, кредитор не приобретает корпоративные права[214].

Согласно континентальной модели залогодержатель приобретает лишь имущественную ценность предмета, но не приобретает управленческие права. Как было отмечено ранее, основополагающим принципом немецкого корпоративного права является принцип запрета отделения управленческих прав от членства (Abspaltungsverbot), и залогодержатель при залоге доли участия приобретает лишь право на обращение взыскания на долю (имущественное право). Вместе с тем в

---

[212] См.: *Маковская А. А*. Осуществление корпоративных прав залогодержателем при залоге акций или долей в уставном капитале // Цивилистика. 2021. № 2. С. 212–214.

[213] См.: *Beale H., Bridge M., Gullifer L., Lomnicka E*. The Law of Security and Title-Based Financing. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. URL: https://doi.org/10.1093/law/9780198795568.001.0001 (дата обращения: 13.01.2025).

[214] В данном случае в соглашении об обеспечении обычно регулируется порядок осуществления прав голоса участником корпорации.

некоторых европейских странах допускается наделение залогодержателя акций или доли в компании правом голоса на собрании участников компании (например, Чехия[215] и Мальта[216]). В некоторых странах предоставление залогодержателю права голоса допускается в определенных случаях. Например, в Бельгии такое право у залогодержателя возникает только в случае дефолта[217].

Идея об ограничении прав залогодержателя только теми, которые представляют финансовую ценность, нашло свое отражение в общеевропейском акте частноправовой унификации – Модельных правилах европейского частного права (Draft Common Frame of Reference (DCFR))[218]. Так, разработчики подчеркивают, что вещное обеспечение дает возможность лишь притязать на стоимость заложенных акций или долей, но не должно предоставлять возможность вмешиваться в управление компанией[219].

Таким образом, можно заметить, что в большинстве европейских правопорядков залог доли участия не предполагает передачу управленческих прав, корпоративный контроль остается у залогодателя (участника корпорации). Такой подход к законодательному регулированию залога доли участия в корпорации представляется логичным и соответствующим обеспечительной цели института залога. Залогодержатель приобретает имущественное право на взыскание стоимости доли (акций), но при этом не происходит разделение «прав на доли (акции)» и «прав из доли (акций)»[220].

Российское правовое регулирование института залога акций (доли в уставном капитале) хозяйственных обществ существенно отличается от зарубежного и обладает отличительными особенностями. В силу диспозитивного

---

[215] Zákon o obchodních korporacích č. 90/2012 Sb. § 132 (2) // Zákony pro lidi : [сайт]. – URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2012-90 (дата обращения: 05 февраля 2025 г.).

[216] Companies Act (Cap. 386 of the Laws of Malta). Art. 122 (6) // Malta Service Bureau : [сайт]. – URL: https://legislation.mt/eli/cap/386/eng (дата обращения: 05 февраля 2025 г.).

[217] См.: *Wood Ph. R.* Comparative Law of Security Interests and Title Finance. 2nd ed. Sweet & Maxwell, 2007. P. 594.

[218] Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) : Outline Edition / prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) ; ed. by Ch. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke [et al.]. Munich : Sellier. European Law Publ., 2009.

[219] См.: *Drobnig U., Boger O.* Proprietary Security in Movable Assets. Sellier European Law Publishers, 2015. P. 352.

[220] См.: *Фейзрахманова Е. Р.* Залог доли (акций) в хозяйственном обществе как основание приобретения корпоративного контроля // Юрист. 2025. № 5. С. 14–29.

характера нормы п. 2 ст. 358.15 ГК РФ допускается осуществление корпоративных прав залогодержателем доли в уставном капитале, если иное не указано в соглашении сторон.

Залогодержатель доли в уставном капитале имеет право не только участвовать в управлении делами хозяйственного общества, но и осуществлять иные права, предусмотренные гражданским и корпоративным законодательством, уставом общества и договором залога, в том числе участвовать в распределении прибыли, заявлять требования об исключении участника, получать часть имущества при ликвидации общества в порядке, предусмотренном п. 8 ст. 63 ГК РФ. Например, в договоре залога акций можно предусмотреть право залогодержателя на получение дивидендов по акциям, и в таком случае пропорционально сумме полученных дивидендов будет уменьшаться обязательство, исполнение по которому обеспечено залогом.

Обращает на себя внимание тот факт, что в акционерных обществах по общему правилу корпоративные права осуществляет залогодатель. Однако в договоре залога акций допускается возможность предусмотреть правило о том, что все права участника общества или только некоторые их них осуществляются залогодержателем (п. 1 ст. 358.17 ГК РФ)[221]. Установление подобного положения в договоре призвано нивелировать риски утраты корпоративного контроля у залогодателя, а также одновременно обеспечивает передачу отдельных прав участника общества залогодержателю (например, право на получение информации, дивидендов и т.д.). Вместе с тем осуществление залогодержателем лишь отдельных прав участника общества может породить определенные сложности на практике. Например, одновременное осуществление залогодателем и залогодержателем акций прав участника общества может поставить само общество в неопределенное

[221] До вступления в силу Федерального закона от 11 июня 2021 г. № 211-ФЗ «О внесении изменения в статью 358.17 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. 2021. № 24 (ч. 1). Ст. 4229) в соответствии п. 1 ст. 358.17 ГК РФ в договоре залога акций можно было предусмотреть условие о том, что залогодержатель осуществляет все права участника общества либо все права участника общества, за исключением права на получение дохода по ценной бумаге. Установление возможности осуществления залогодержателем акций лишь отдельных прав участника общества было обусловлено тем, что в соответствии с положениями п. 1 ст. 358.17 ГК РФ предыдущей редакции залогодержатель как сильная сторона кредитного правоотношения, настаивая на передаче ему прав по ценной бумаге, всегда получал право голоса по заложенной ценной бумаге, что являлось весьма рискованным для залогодателя.

положение. Также законодатель не уточнил, до какой степени возможно разделение между залогодателем и залогодержателем прав участника общества (например, допустимо ли устанавливать в договоре условие, согласно которому залогодатель имеет право голосовать на общем собрании акционеров по одним вопросам повестки дня, а залогодержатель – по другим)[222]. Представляется, что одновременное осуществление залогодателем и залогодержателем прав участника может «привести к нарушению баланса интересов, что, несомненно, скажется на эффективном функционировании хозяйственного общества»[223].

Кроме того, необходимо заметить, что все-таки не все корпоративные права участника общества может осуществлять залогодержатель акций. К числу таких прав, в первую очередь, можно отнести корпоративные права, в результате осуществления которых возможно прямое или косвенное отчуждение акций, являющихся предметом залога. С учетом того, что в гражданском и корпоративном законодательстве не установлено отдельных и особых правил в части наделения залогодержателя правом распоряжения (в том числе отчуждения) заложенным имуществом, представляется целесообразным в данном случае руководствоваться общими правилами, закрепленными в п. 2 и п. 5 ст. 346 ГК РФ, согласно которым отчуждение залогодержателем заложенного имущества допускается только лишь с согласия залогодателя, а отчуждение заложенного имущества от имени залогодержателя не допускается. Таким образом, реализация залогодержателем корпоративных прав, связанных с отчуждением акций, являющихся предметом залога, в силу закона будет возможна при получении от залогодателя соответствующего согласия. Аналогичные правила будут применяться и в отношении залога доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

В свою очередь, распоряжение (в том числе отчуждение) залогодержателем акций (доли в уставном капитале) может быть не только прямым, но и косвенным

---

[222] См.: *Маковская А. А.* Осуществление прав акционеров иными лицами // Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. М.: Статут, 2021. С. 142–168.

[223] *Мухамадеева Р. А.* Залог прав участников юридического лица: особенности осуществления корпоративных прав залогодержателем // Гражданское право. 2019. № 3. С. 36–38.

(например, голосование на общем собрании участников общества по вопросам ликвидации или реорганизации, увеличения уставного капитала, дополнительной эмиссии акций и т.д.). В таких случаях также подлежат применению общие правила о залоге (пп. 3 п. 1 ст. 343 ГК РФ), согласно которым, если иное не предусмотрено законом или договором, залогодержатель обязан не совершать действия, которые могут повлечь утрату заложенного имущества или уменьшение его стоимости, и принимать меры, необходимые для обеспечения сохранности заложенного имущества, в противном случае залогодатель имеет право досрочно потребовать прекращения залога (п. 3 ст. 343 ГК РФ). Помимо этого, в целях минимизации рисков утраты акций (доли в уставном капитале) или снижения их стоимости в договоре залога можно предусмотреть условие, согласно которому по данным вопросам повестки дня залогодержатель будет голосовать только при получении соответствующего согласия от залогодателя. В случае нарушения указанной обязанности залогодержатель может быть привлечен к ответственности, предусмотренной законом и договором, а залогодержатель имеет право досрочно потребовать прекращения залога (п. 2 ст. 358.17 ГК РФ).

Помимо корпоративных прав, связанных с отчуждением акций (доли в уставном капитале), за залогодателем сохраняется право преимущественной покупки доли (приобретения акций непубличного общества, получения дополнительно размещаемых акций публичного общества), поскольку указанное право связано со статусом участника общества[224], а залогодержатель акций (доли в уставном капитале) участником не является. Кроме того, основной целью установления преимущественного права является сохранение персонального состава общества и защита прав участников общества[225]. В этой связи представляется, что залогодержатель доли в уставном капитале не наделяется правом преимущественной покупки доли (приобретения акций непубличного общества, получения дополнительно размещаемых акций публичного общества).

---

[224] См.: *Ломакин Д. В.* Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. С. 197–198.

[225] Пункт 3 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ (информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июня 2009 г. № 131).

Отличительной особенностью залога доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью является необходимость получения согласия общего собрания участников общества, если уставом общества в принципе не запрещена передача доли в залог (п. 1 ст. 22 Закона об ООО). В свою очередь, в отношении залога акций специального императивного правила о необходимости получения согласия для передачи акций в залог в Законе об АО не установлено. Однако в соответствии с п. 5 ст. 7 Закона об АО в уставе непубличного общества допускается установление правила о необходимости получения согласия акционеров на отчуждение акций третьим лицам. Формально передача акций в залог сама по себе не влечет их отчуждение третьим лицам, в связи с чем можно сделать вывод, что предусмотренные в уставе непубличного общества правила о необходимости согласования с акционерами отчуждения акций третьим лицам при передаче акций в залог применяться не будут. Однако встречается противоположная позиция, основанная на расширительном толковании понятия отчуждения акций, поскольку залоговое обременение знаменует собой возникновение возможности отчуждения акций в будущем[226]. Кроме того, высказывается позиция о том, что необходимость получения согласия на передачу акций в залог может быть предусмотрена в уставе общества как дополнительная обязанность акционера, установление которой в соответствии с положениями Закона об АО допускается в уставе непубличного общества[227]. Можно заметить, что в части передачи в залог акций установлены более диспозитивные правила.

Отсутствие единого подхода к регулированию залога корпоративных прав в обществах разной организационно-правовой формы объясняется тем, что в случае залога акций вероятность наступления негативных последствий от участия залогодателя в управлении делами общества невелика[228]. Данная позиция

---

[226] См.: *Поваров Ю.С.* Согласование как средство ограничения свободы отчуждения акций (критический анализ отечественной законодательной модели / Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин С. 281.

[227] См.: *Барышев М. А.* Оценка исполнимости в России стандартных условий корпоративного договора, характерных для английского правопорядка // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 54–69.

[228] См.: *Новиков К. А.* Правила о залоге отдельных видов имущества в новой редакции Гражданского кодекса // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 10. С. 55–68.

подвергается справедливой критике в науке, в частности, Л. Ю. Василевская указывает на отсутствие веских оснований для такого нормативного разграничения, отмечая, что решение вопроса об осуществлении прав при их залоге в зависимости от типа корпорации не оправдано и не обосновано[229]. С нашей точки зрения, представляется, что тип корпорации сам по себе не должен предопределять объем прав залогодержателя и залогодателя, поскольку экономическая суть обеспечительного обременения в обоих случаях идентична.

Подход о возможности осуществления залогодержателем доли участия корпоративных прав также подтверждается судебной практикой. Например, в рамках спора об оспаривании сделки с заинтересованностью судом было констатировано, что залогодержатель 100% долей в уставном капитале обладает правом осуществлять все права участников общества, в том числе по управлению делами общества[230]. Учитывая, что правом на одобрение сделки с заинтересованностью обладал в силу абз. 2 п. 2 ст. 358.15 ГК РФ залогодержатель, который в установленном законом порядке не одобрил совершение оспариваемой сделки, суд пришел к выводу о признании ее недействительной[231]. В рамках другого дела была признана недействительной крупная сделка, которая в установленном законом порядке не была одобрена залогодержателем[232].

Помимо этого, на залогодержателя доли участия распространяются правила об уведомлении о проведении общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, а отсутствие такого уведомления является основанием для признания решения такого собрания недействительным. Непредставление доказательств надлежащего уведомления залогодержателя о проведении оспариваемого собрания является существенным нарушением установленного Законом об ООО и уставом порядка созыва и проведения

---

[229] См.: *Василевская Л. Ю.* Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия // Гражданское право. 2018. № 1. С. 3–6.

[230] См.: определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. № 309-ЭС17-5399 по делу № А07-21705/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 января 2025 г.).

[231] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 июня 2018 г. № Ф07-6535/2018 по делу № А56-22166/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 января 2025 г.).

[232] См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08 августа 2017 г. № Ф09-3590/17 по делу № А71-725/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 января 2025 г.).

внеочередного общего собрания участников[233]. Наделение залогодержателя доли корпоративными правами также подтверждается и тем, что с момента передачи доли в залог у общества отсутствует обязанность по уведомлению участника общества, передавшего свою долю в уставном капитале в залог, о проведении общего собрания участников общества, а неуведомление участника общества в таком случае не может являться основанием для признания решения такого собрания недействительным[234].

Можно заметить нарушение баланса интересов залогодателя и залогодержателя в пользу последнего, поскольку залоговому кредитору предоставлен комплекс корпоративных прав, несоразмерный обеспечительному интересу. Кредитор, будучи залогодержателем доли в хозяйственном обществе, осуществляя корпоративные права, приобретает возможность оказывать влияние на финансово-хозяйственную деятельность общества. Таким образом, он приобретает корпоративный контроль помимо права преимущественного удовлетворения требований за счет стоимости предмета залога, что позволяет ему существенно влиять на дальнейшее развитие бизнеса.

Стоит согласиться с мнением Р. С. Бевзенко, который рассматривает залог прав участников юридических лиц как возможность наделять кредитора управленческими полномочиями в отношении предмета залога[235]. Так, на практике часто главной целью залогового кредитора является именно получение корпоративного контроля. В таком случае можно прийти к выводу, что первоначальный материально-правовой интерес залогодержателя доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, заключающийся в обеспечении основного обязательства за счет реализации предмета залога, в рамках гражданского оборота трансформируется в установление корпоративного контроля

---

[233] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05 апреля 2017 г. № Ф07-1700/2017 по делу № А56-22247/2016, постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2017 г. № Ф05-60/2017 по делу № А40-220474/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 января 2025 г.).

[234] См.: постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 ноября 2019 г. № 20АП-6613/2019 по делу № А23-5213/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 января 2025 г.).

[235] См.: *Бевзенко Р. С.* Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 15.

над обществом, акции (доля в уставном капитале) которого закладываются, а корпоративный контроль становится самостоятельным предметом залога.

Также необходимо отметить, что, в случае если залогодержателю переходит корпоративный контроль над обществом, обязательственные правоотношения между ним и залогодателем преобразуются в обязательственно-корпоративные правоотношения, при том что корпоративные правоотношения возникают между залогодержателем и участниками хозяйственного общества, обществом. Таким образом, трансформируется не только интерес залогодержателя, но и сами правоотношения, участником которых он является.

Представляется обоснованным мнение Р. С. Бевзенко, согласно которому если залогодержатель осуществляет корпоративные права, связанные с управлением обществом, то следует также сделать вывод о том, что он связан теми же обязанностями, которые имеются у участника корпорации[236]. Учитывая, что залогодержатель осуществляет обязанности участника общества, на его действия должен распространяться принцип добросовестности. В противном случае статус залогодержателя как фактического участника общества может привести к привлечению его к имущественной ответственности и взысканию убытков (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Как указал Верховный Суд РФ, наличие фактического контроля над корпорацией является необходимым условием для отнесения залогодержателя к числу лиц, контролирующих юридическое лицо[237]. В этой связи за залогодержателем признается статус контролирующего лица. В научной литературе отмечается, что добросовестный залогодержатель обязан проявлять бережное отношение к заложенным правам, в том числе посредством взятия на себя дополнительных обязанностей по участию в управлении в необходимом объеме, даже если договором залога не предусмотрены такие обязанности[238]. Поскольку залогодержатель корпоративных прав de facto занимает положение участника

---

[236] См.: *Бевзенко Р. С.* Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника. С. 10–22.

[237] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

[238] См.: *Демьянова М. В.* Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. 2021. № 9. С. 54–59.

хозяйственного общества, он должен руководствоваться принципом добросовестности до прекращения залоговых обязательств.

Важно отметить, что законодатель оставил опцию сохранения корпоративного контроля у залогодателя, в случае если залоговый кредитор стремится только извлечь выгоду приоритетного удовлетворения из стоимости обеспечения и не желает нести бремя фидуциарных обязанностей.

По результатам анализа залога доли в уставном капитале хозяйственного общества установлено, что законодатель предоставил залогодержателю правомочия несопоставимые с ценностью предмета залога. Как правило, залогодержатель обладает своим собственным интересом, отличным от интересов корпорации, в связи с чем обладание им корпоративным контролем может привести к негативным последствиям для общества, его участников и иных заинтересованных лиц. Залог в данном случае дает «эффект управления и контроля»[239], который позволяет напрямую влиять на определение рыночной стоимости предмета залога, что создает ситуацию, в которой предмет залога может быть утрачен или обесценен, несмотря на предусмотренную в общих положениях гражданского законодательства о залоге обязанность обеспечения сохранности заложенного имущества.

В этой связи представляется целесообразным модель автоматического перехода корпоративного контроля, предусмотренную гражданским законодательством для обществ с ограниченной ответственностью, заменить на модель, предусмотренную для акционерных обществ, что будет соответствовать существу общества с ограниченной ответственностью как «объединения лиц» (закрытой корпорации, персональный состав которой важен для ее участников (intuitas personae).

В гражданском законодательстве предусмотрена возможность передачи доли (акций) в ***доверительное управление*** посредством заключения соответствующего

---

[239] См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 420; *Маковская А. А.* Осуществление прав акционеров другими лицами // Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. С. 142–168.

договора (ст. 1012 ГК РФ). Основной целью заключения подобного договора является обеспечение профессионального управления имуществом.

Отношения, связанные с доверительным управлением имущества, урегулированы в ГК РФ и отдельных законах[240]. Суть доверительного управления заключается в том, что управляющий осуществляет управление вверенным ему имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя) (п. 1 ст. 1012 ГК РФ). Объектом доверительного управления в том числе может выступать доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственности как иное имущество и бездокументарные ценные бумаги, в частности, акции (ст. 128, 1012, п. 1 ст. 1013 ГК РФ).

Доверительное управление акциями (долей в уставном капитале) хозяйственных обществ может быть учреждено участником общества или иными лицами, например, нотариусом или исполнителем завещания в целях управления наследственным имуществом, органом опеки и попечительства и иными лицами в случаях, предусмотренных законом. По общему правилу в качестве доверительного управляющего выступает юридическое лицо (за исключением унитарного предприятия) или индивидуальный предприниматель. Однако в предусмотренных законом случаях доверительным управляющим может быть физическое лицо (например, при управлении наследственным имуществом) и некоммерческая организация.

В рамках договора доверительного управления акциями (долей в уставном капитале) хозяйственного общества доверительный управляющий вправе осуществлять любые права собственника имущества, переданного ему в управление. Вытекающие из доли участия в корпорации права (имущественные и корпоративные) реализуются в совокупности, доверительный управляющий на период действия доверительного управления наделяется правами участника корпорации и, соответственно, может оказывать влияние на принятие тех или иных

---

[240] Например, Закон об АО; Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»; Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; и др.

решений в корпорации. Доверительный управляющий, реализуя корпоративные права, действует в интересах учредителя управления или выгодоприобретателей (участников общества), в то время как залогодержатель действует в своих собственных интересах.

В законодательстве не установлен конкретный перечень осуществляемых доверительным управляющим прав, в связи с чем можно сделать вывод, что доверительный управляющий вправе управлять акциями (долей в уставном капитале) со всеми правами собственника, а также совершать с ними любые юридические и фактические действия (п. 1 ст. 1020, п. 2 ст. 1012 ГК РФ). Также доверительный управляющий может передать в залог или продать переданную ему в управление акции (долю в уставном капитале). Во избежание рисков утраты акций (доли в уставном капитале) в договоре доверительного управления имуществом разумно предусмотреть соответствующие ограничения прав доверительного управляющего. Например, в договоре можно предусмотреть условие о необходимости получения от учредителя управления согласия на совершение отдельных действий доверительного управляющего, в частности, направленных на отчуждение или передачу в залог акций (доли в уставном капитале), или полностью установить запрет на совершение указанных действий доверительным управляющим.

В соответствии с действующей судебной практикой за доверительным управляющим признавались следующие отдельные корпоративные права:

- право на получение информации о деятельности общества. Так, в рамках одного дела судами были удовлетворены требования доверительного управляющего о предоставлении документов общества со ссылкой на то, что данным правом доверительный управляющий обладает в силу закона[241], а в другом деле – со ссылкой на то, что данное право было закреплено в договоре доверительного управления имуществом[242]. Вместе с тем представляется, что при

[241] См.: постановление ФАС Северо-Западного округа от 31 октября 2012 г. по делу № А56-57687/2011 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 января 2025 г.).

[242] См.: постановление ФАС Московского округа от 27 февраля 2013 г. по делу № А40-108191/2012 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 января 2025 г.).

разрешении вопроса о праве доверительного управляющего на получение информации о деятельности общества необходимо руководствоваться общим подходом, в соответствии с которым доверительный управляющий наделяется данным правом в силу закона, если в договоре не установлено иное. Применение общего подхода обосновывается тем, что доверительный управляющий, требуя предоставления документов общества, действует в интересах выгодоприобретателя. Однако необходимо заметить, что данный подход будет применим лишь в случаях, если право выгодоприобретателя на получение информации о деятельности общества не ограничено законом (например, п. 2, 3 и 5 ст. 91 Закона об АО);

- право на участие в общем собрании участников общества[243]. В рамках дела об оспаривании решения внеочередного общего собрания акционеров суды отказали в удовлетворении требований акционера со ссылкой на отсутствие у него права на соответствующий иск, поскольку принадлежащие ему акции были переданы в доверительное управление и доверительный управляющий принимал участие в собрании[244]. В настоящем споре суд руководствовался общими нормами о доверительном управлении (п. 2 ст. 1012 и п. 1 ст. 1020 ГК РФ), признавая за доверительным управляющим право участвовать во внеочередном общем собрании акционером.

Однако на практике существовал подход, согласно которому доверительный управляющий долей не имел права участвовать в общих собраниях участников общества, поскольку в силу закона не мог осуществлять права участника общества. Так, в рамках одного дела суд пришли к выводу, что доверительный управляющий наследственным имуществом не вправе участвовать в управлении делами общества посредством голосования на общих собраниях и распоряжаться имуществом, поскольку основной его задачей является обеспечение охраны наследственного

---

[243] См.: *Новоселова Л. А.* Наследование доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2010. № 11. С. 37–38.

[244] См.: постановление ФАС Уральского округа от 27 октября 2009 г. № Ф09-8133/09-С4, постановления ФАС Восточно-Сибирского округа от 06 мая 2010 г. по делу № А74-1567/2009, от 26 апреля 2010 г. по делам № А74-1566/2009 и А74-1565/2009 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 января 2025 г.).

имущества. Суд признал, что голосование доверительным управляющим по вопросу избрания генерального директора общества является распорядительным, а не охранительным действием[245]. Однако данный подход судов представляется неверным в связи со следующим. Согласно п. 4 ст. 1152 ГК РФ с момента открытия наследства наследник умершего участника становится участником общества с ограниченной ответственностью со всем вытекающими из этого правами (за исключением случаев, когда переход доли в порядке наследования осуществляется с согласия других участников общества). В целях устранения неопределенности состава участников общества на период вступления наследника в порядке ст. 1173 ГК РФ может быть учреждено доверительное управление наследственным имуществом. Доверительное управление наследственным имуществом учреждается в целях обеспечения сохранности имущества и устранения неопределенности состава участников общества, в связи с чем лишение доверительного управляющего возможности осуществлять соответствующие корпоративные права приведет к невозможности действовать в интересах наследников.

Также российской судебной практике известны случаи признания за доверительными управляющим статуса контролирующего лица. В рамках одного дела к субсидиарной ответственности по обязательствам общества был привлечен доверительный управляющий долей умершего участника за вывод денежных средств в пользу аффилированных лиц, впоследствии ставший причиной доведения общества до банкротства, а также непринятие мер по погашению задолженности перед истцом и к недопущению исключения из ЕГРЮЛ общества как недействующего юридического лица[246]. Таким образом, можно заметить, что за доверительными управляющими признается статус контролирующих лиц.

Однако доверительные управляющие хоть и признаются контролирующими лицами, но не всегда подлежат привлечению к ответственности. Например, судом

---

[245] См.: постановление ФАС Волго-Вятского округа от 31 августа 2010 г. по делу № А29-10522/2009 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 января 2025 г.).

[246] См.: постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 января 2025 г. № 19АП-5822/2022 по делу № А14-5525/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15 января 2025 г.).

было отказано в привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника доверительного управляющего, поскольку в материалах дела отсутствовали доказательства, подтверждающие, что данное лицо давало сотрудникам должника обязательные к исполнению распоряжения, а также совершение и одобрение им (как доверительным управляющим) сделок с имуществом должника или иных сделок, влекущих увеличение обязательств должника[247].

Помимо договорного доверительного управления акциями (долей в уставном капитале) также существует доверительное управление, учреждаемое в силу закона и регулируемое общими нормами ГК РФ о доверительном управлении:

- доверительное управление принадлежащими государственным служащим долями (акциями), учреждаемое во избежание возникновения конфликта интересов[248];

- доверительное управление имуществом подопечного;

- доверительное управление наследственным имуществом (ст. 1173 ГК РФ), учреждаемое нотариусом в целях обеспечения охраны такого имущества и его управления. Интересным представляется вопрос о необходимости получения согласия участников общества на учреждение доверительного управления наследственным имуществом. Представляется, что получение согласия в данном случае не требуется, поскольку в абз. 2 п. 8 ст. 21 Закона об ООО такого требования не установлено, а в случае, если подобное требование будет закреплено в уставе общества, оно будет противоречить, во-первых, нормам ГК РФ, в соответствии с которыми доверительное управление имуществом учреждается в силу закона, а во-вторых, самой логике установления доверительного управления наследственным имуществом как института, направленного на недопущение уменьшения стоимости наследственного имущества.

---

[247] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 августа 2020 г. № Ф05-19213/2017 по делу № А40-104660/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 февраля 2025 г.).

[248] См.: ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Необходимо отметить неопределенность состава полномочий доверительных управляющих в указанных случаях учреждения доверительного управления. В этой связи представляется, что в данных случаях будут применяться общие нормы о доверительном управлении, установленные в ГК РФ (в том числе о допустимости доверительного управления долями в уставном капитале (акциями)), когда доверительное управление учреждается на основании договора.

Следующей сделкой, не предполагающей отчуждение акций, но являющейся основанием возникновения корпоративного контроля у третьего лица, является ***договор условного депонирования (эскроу)*** (ст. 926.1 ГК РФ). В соответствии с договором условного депонирования (эскроу) эскроу-агент обеспечивает сохранность имущества, переданного депонентом на депонирование, и обеспечить его передачу бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований. В силу п. 3 ст. 926.1 ГК РФ объектом депонирования могут выступать в том числе бездокументарные ценные бумаги, в частности акции. Согласно п. 1 ст. 926.6 ГК РФ при депонировании бездокументарных ценных бумаг должна делаться запись об обременении таких ценных бумаг в соответствии с правилами п. 3 ст. 149.2 ГК РФ. По общему правилу эскроу-агент не вправе распоряжаться депонированными акциями и осуществлять по ним права участника общества (п. 2 ст. 926.6 ГК РФ). Однако в силу диспозитивного характера п. 2 ст. 926.6 ГК РФ в договоре условного депонирования могут быть установлены отступления от данного общего права. В этой связи можно прийти к выводу, что если в договоре условного депонирования предусмотрено положение о том, что эскроу-агент осуществляет права участника общества, то он автоматически также приобретает корпоративный контроль.

Совсем иное регулирование предусмотрено в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг). В соответствии с п. 10.1 ст. 8.2 Закона о рынке ценных бумаг депонированные акции не обременяются на счете депонента, а зачисляются на специальный счет эскроу-агента. В этой связи возникает проблема в признании за акционером-депонентом корпоративных прав, поскольку акции находятся на специальном счете эскроу-агента. В этой связи представляется целесообразным

закрепить в законе общее правило о том, что права по депонированным акциям осуществляются акционером-депонентом до их перечисления на счет бенефициара. Также в отношении депонированных акций по Закону о рынке ценных бумаг не устанавливается обременение, в целях обеспечения их сохранности целесообразно предусмотреть соответствующее ограничение при осуществлении акционером-депонентом прав по депортированным акциям, а именно установить запрет на осуществление прав, предполагающее распоряжение указанными акциями и способное повлечь их отчуждение.

В заключение необходимо отметить следующее.

Залог акции (доли в уставном капитале) представляет собой сделку, на основании которой приобретается корпоративный контроль в хозяйственном обществе. Автором обосновано, что корпоративный контроль может фактически являться самостоятельным предметом залога.

Традиционный взгляд на залог акции (доли в уставном капитале) как на обременение имущества не раскрывает его функционального назначения в полной мере. С экономической точки зрения, залог корпоративных прав выступает инструментом трансфера властных полномочий, поскольку договорные или законные механизмы реализации залога de facto приводят к переходу корпоративного контроля.

Залогодержатель доли в уставном капитале, осуществляя корпоративные права, de facto становится участником хозяйственного общества до прекращения залоговых обязательств. Соответственно, в этой связи можно прийти к выводу о преобразовании обязательственных правоотношений, существующих между залогодателем и залогодержателем, в обязательственно-корпоративные правоотношения.

В российском правовом регулировании отношений, связанных с залогом доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, баланс интересов залогодателя и залогодержателя нарушен в пользу последнего, поскольку предоставленный ему комплекс корпоративных прав несоразмерен

обеспечительному интересу. В этой связи представляется целесообразным модель автоматического перехода корпоративного контроля, предусмотренную гражданским законодательством для обществ с ограниченной ответственностью, заменить на модель, предусмотренную для акционерных обществ, что будет соответствовать существу общества с ограниченной ответственностью как «объединения лиц» (закрытой корпорации, персональный состав которой важен для ее участников (intuitas personae)).

По результатам анализа судебной практики можно прийти к выводу, что существующее регулирование отношений, связанных с *доверительным управлением акциями (долями в уставных капиталах)* хозяйственных обществ, не является совершенным. Так, в действующем регулировании отсутствуют положения о том, что доверительный управляющий может осуществлять корпоративные права, вытекающие из переданных в доверительное управление доли, в связи с чем данный вопрос каждый раз решается судами посредством толкования существующих норм, причем в некоторых случаях толкование может быть различным. В отношении доверительного управления акциями действует положение Закона о рынке ценных бумаг, согласно которому доверительный управляющий ценными бумагами осуществляет права, закрепленные данными ценными бумагами (ч. 11 ст. 5).

Во избежание неопределенности правового регулирования в части возможности осуществления доверительным управляющим долей корпоративных прав предлагается закрепить в действующем корпоративном законодательстве положение о том, что по общему правилу доверительный управляющий осуществляет корпоративные права, вытекающие из переданных в доверительное управление акций (доли в уставном капитале), если в договоре доверительного управления не установлено иное. Закрепление на законодательном уровне указанных положений позволит обеспечить единый подход к регулированию данных отношений.

ГЛАВА 3. ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ АКЦИОНЕРОВ (УЧАСТНИКОВ) И ЛИЦ, ПРИОБРЕТАЮЩИХ КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ

§ 1. Отдельные средства защиты прав и законных интересов сторон сделки по приобретению корпоративного контроля

Вступление участников гражданского оборота в обязательственные правоотношения всегда связано с риском нарушения прав и законных интересов сторон сделки. В соответствии ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В широком смысле защита прав и законных интересов предполагает не только восстановление нарушенных прав, но и предупреждение и недопущение нарушения прав и законных интересов, т.е. их охрану[249]. Таким образом, с учетом положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ и широкого понимания защиты прав и законных интересов в гражданских правоотношениях можно констатировать возможность использования не только способов защиты, поименованных в ст. 12 ГК РФ, но и иных инструментов и правовых средств, направленных как на восстановление нарушенных прав, так и на предупреждение и недопущение нарушения прав и законных интересов.

Необходимость глубокого научного анализа проблематики защиты прав приобретателя корпоративного контроля обусловлена сложностью экономической сущности отношений по переходу бизнеса. В условиях высокой информационной асимметрии, когда продавец обладает монополией на информацию о финансовом положении корпорации, классические средства защиты оказываются неэффективными, а приобретатель фактически несет все риски.

---

[249] Подробнее см.: *Сергеев А. П.* Гражданское право. Т. 1/ под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2011. С. 335; *Иоффе О. С.* Гражданско-правовая охрана интересов личности / под ред. Б. Б. Черепахина. М.: Юрид. лит., 1969. С. 3–4; *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 420.

В контексте защиты прав приобретателя акций (доли в уставных капиталах) ключевыми являются средства защиты, предусмотренные в договорах, которые направлены на нивелирование негативных последствий и минимизацию рисков, связанных с имущественным и обязательственным положением хозяйственного общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретается. Акции (доли в уставных капиталах), в частности, контрольные пакеты), представляют инвестиционный интерес для приобретателя не просто как комплекс управленских прав в отношении хозяйственного общества, а как совокупность имущественных и обязательственных прав, принадлежащих обществу. Так, А. Г. Карапетов отмечает, что для покупателя акций (доли в уставном капитале) решающее значение имеют характеристики предприятия, в котором приобретается доля участия (финансовые показатели, имущественные права, наличие или отсутствие долговых обязательств и т.д.)[250]. В связи с этим возникает необходимость в фиксации основных характеристик общества и предоставлении гарантий, поскольку при заключении сделки по приобретению акций (доли в уставном капитале) без включения таких условий в договор приобретались может рассчитывать только на добросовестность контрагента.

В российском правопорядке реализация защиты прав приобретателя посредством использования договорных конструкций осуществляется через институт заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) и через институт компенсации имущественных потерь (ст. 406.1 ГК РФ). Рассматриваемые правовые нормы были внесены в законодательство в 2015 г. в рамках реформы обязательственного права и сразу стали активно применяться участниками гражданского оборота. Анализируя реформу гражданского законодательства, В. В. Витрянский отмечает, что нововведенные законоположения будут способствовать усилению защиты добросовестных участников имущественного оборота от безответственных действий их контрагентов[251].

---

[250] См.: *Карапетов А. Г.* Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон. 2015. № 6. С. 43–56.

[251] Подробнее см.: *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018.

Заверения об обстоятельствах

Сделки по переходу корпоративного контроля характеризуются выраженной асимметрией сведений о состоянии целевого актива. Приобретатель, выступая в качестве внешнего инвестора, объективно ограничен в доступе к релевантной информации о финансовом состоянии общества, скрытых обременениях и потенциальных требованиях третьих лиц. В этих условиях институт заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) выступает в качестве нормативного инструмента, позволяющего нивелировать указанный дисбаланс путем возложения на продавца ответственности за достоверность предоставляемых сведений. Так, В. З. Мамагеишвили справедливо указывает, что заверения об обстоятельствах являются одним из ключевых доступных покупателю бизнеса инструментов для устранения рисков, порождаемых информационной асимметрией[252].

В науке существует несколько подходов к определению правовой природы заверений об обстоятельствах. Согласно первому подходу заверения об обстоятельствах приравниваются к самостоятельным сделкам[253], поскольку могут быть признаны недействительными на основании правил о недействительности сделок, о чем прямо указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»[254] (далее – постановление Пленума ВС РФ № 49). Однако данный подход критикуется, поскольку заверения не обладают признаком действия, характерного для сделки, а преследуют цель фиксации определенных фактических обстоятельств[255]. С критикой подхода о сделочной природе заверений об обстоятельствах, на наш взгляд, можно согласиться и ввиду того, что целью

---

[252] *Мамагеишвили В. З.* Заверения об обстоятельствах как средство устранения информационной асимметрии в сделках купли-продажи // Современное корпоративное право: времен связующая нить: сборник статей / сост. и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И.С. Шиткина. Москва: Статут, 2024. С. 100–101.

[253] См.: *Карапетов А. Г.* Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ. С. 49.

[254] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

[255] Подробнее см.: *Харитонова Ю. С.* Заверения об обстоятельствах в российской предпринимательской практике // Законы России: анализ, опыт, практика. 2016. № 2. С. 30–35; *Цветков А. В., Ястребов В. М.* Заверения об обстоятельствах в российском гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: матер. всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. А. Резина, Е. Ф. Рашидов. Омск, 2017. 139 с.

совершения сделок является установление, изменение или прекращение правоотношений между сторонами, в то время как при совершении заверений об обстоятельствах правоотношения не возникают, изменяются или прекращаются, а фиксируются лишь определенные обстоятельства.

В соответствии со вторым подходом заверения об обстоятельствах рассматриваются как элемент обязательства субъекта договорных отношений. Однако представляется, что заверение об обстоятельствах не соответствует определению обязательства по смыслу ст. 307 ГК РФ. Вместе с тем предоставление информации о фактах не является обязанностью стороны, в связи с чем утверждение о том, что заверения об обстоятельствах имеют обязательственную природу, несостоятельно и не выдерживает критики. Представляется, что заверение об обстоятельствах может являться основанием для возникновения охранительного обязательства, возникающего в случае, если указанная в нем информация является недостоверной.

По результатам анализа существующих в доктрине подходов представляется целесообразным рассматривать заверения об обстоятельствах в двух аспектах: как правовое средство, направленное на фиксацию определенных обстоятельств, имеющих отношение к совершаемой сделке, и как основание возникновения охранительного обязательства.

В соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ ответственность за недостоверное заверение наступает в случае, когда заверитель исходил из того, что заверяемый будет полагаться на заверения, или имел разумные основания исходить из такого предположения. При этом для сделок, заключаемых в рамках предпринимательской деятельности, а также для корпоративных сделок (в том числе договоров об отчуждении акций (долей в уставных капиталах)) в абз. 2 п. 4 ст. 431.2 ГК РФ предусмотрена презумпция того, что предоставившая недостоверные заверения сторона знала, что другая сторона будет полагаться на такие заверения. Из системного толкования положений ст. 15, абз. 2 п. 2 ст. 393, 431.2 ГК РФ следует, что при недостоверности заверений приобретатель доли (акций) должен быть поставлен в положение, в котором он был бы, если бы

заверение было достоверным. Однако в судебной практике можно встретить разные подходы к расчету суммы убытков приобретателя акций (доли в уставном капитале).

Нередко в делах о недостоверности заверений по сделкам купли-продажи акций (долей в уставных капиталах) суды взыскивают в пользу приобретателя (получателя заверений) сумму, выплаченную третьим лицам по требованиям, в отношении которых предоставлено заверение. В качестве примеров таких требований привести взыскание кредиторской задолженности[256] или требования налоговых органов[257]. Однако стоит учитывать, что предъявление требований третьих лиц хозяйственному обществу может оказывать влияние на стоимость акций (доли в уставном капитале). В таком случае взыскание суммы требования третьим лицам не защищает приобретателя акций (доли в уставном капитале) в полной мере от негативных последствий недостоверности заверений. Также можно встретить позицию судов, согласно которой сумма убытков составляет разницу между ценой по договору и рыночной стоимостью акций (долей в уставных капиталах) в случае недостоверности заверений[258]. С нашей точки зрения, данный подход представляется спорным, поскольку цена акций (доли в уставном капитале) по договору не всегда отражает реальную рыночную стоимость актива. Кроме того, в случае расторжения договора из-за недостоверности заверений взысканию подлежит сумма, равная размеру цены по договору[259]. Аналогичный подход применяется в делах о взыскании убытков, в случае если были приобретены доли (акции) компании-банкрота[260].

---

[256] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 июля 2021 г. № Ф05-17589/2021 по делу № А40-334126/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

[257] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05 июня 2017 г. № Ф08-2428/2017 по делу № А53-22858/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

[258] См.: постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 декабря 2022 г. Ф07-16007/2022 по делу № А56-58564/2020, Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07 июня 2024 г. № Ф02-7544/2023 по делу № А19-4871/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

[259] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 мая 2020 г. № Ф08-2962/2020 по делу № А53-17178/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

[260] См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 марта 2022 г. № Ф04-756/2020 по делу № А03-8445/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

Приведенный анализ судебной практики позволяет констатировать, что в судебной практике не сложился единообразный подход к расчету убытков при недостоверности заверений.

Стоит обратить внимание на то, что суды часто устанавливают высокий стандарт поведения покупателя акций (доли в уставном капитале), полагающегося на заверения продавца о финансовом и имущественном положении хозяйственного общества, которые впоследствии оказываются недостоверными. Так, суды устанавливают, что при наличии у покупателя возможности проверить финансовое положение корпорации для оценки предпринимательского риска и экономических последствий совершения сделки по приобретению акций (доли в уставном капитале), это необходимо сделать[261]. Также суды отмечают, что покупатель должен самостоятельно проверить информацию о хозяйственном обществе, акции (доли в уставном капитале) которого приобретаются в публичных реестрах[262]. Кроме того, доказать умышленное сокрытие продавцом информации о хозяйственном обществе, недобросовестность продавца, злоупотребление им правами при заключении сделки купли-продажи акций (доли в уставном капитале) должен именно приобретатель[263]. Приобретатель акций (доли в уставном капитале) несет предпринимательские риски, связанные с состоянием общества, при заключении договора, в случае недостоверности заверений[264].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что приобретатель акций (доли в уставном капитале), являясь получателем заверений, должен проявлять

---

[261] См.: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27 апреля 2023 г. № Ф02-1248/2023 по делу № А33-31660/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

[262] См.: постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03 октября 2017 г. № 16АП-3716/2017 по делу № А63-1976/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

[263] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 февраля 2021 г. № Ф07-161/2021по делу № А05-2014/2020, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 февраля 2024 г. № Ф04-7486/2023 по делу № А45-10786/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

[264] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 2; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 февраля 2024 г. № Ф10-5692/2023 по делу № А83-12142/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

должную осмотрительность при заключении сделки по приобретению. Комплексная проверка общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретаются, является необходимой для нивелирования рисков, связанных с недостоверностью заверений, поскольку именно покупателю придется доказывать недобросовестность поведения продавца. При этом стоит отметить позицию суда, согласно которой доступ к информации о деятельности компании в рамках предсделочной проверки нельзя приравнивать к полной осведомленности, которой обладает участник (акционер) компании, а также что суды должны исследовать реальное влияние отдельных заверений о компании на решение сторон заключить сделку и осведомленность покупателя об их недостоверности[265].

При рассмотрении правоприменительной практики стоит обратиться к определению Верховного Суда РФ[266], в котором суд прямо применил презумпцию, предусмотренную п. 4 ст. 431.2 ГК РФ. Приобретатель акций (доли в уставном капитале) вправе требовать предусмотренных договором возмещений в случае нарушения заверений продавцом независимо от наличия причинно-следственной связи между действиями продавца и обстоятельствами, в отношении которых выданы заверения. Особое внимание следует обратить на тот факт, что Верховный Суд РФ опроверг тезис нижестоящих инстанций о том, что у покупателя имелась возможность провести добросовестно анализ имущественного и обязательственного положения хозяйственного общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретались. Так, Верховный Суд РФ признал, что проведение комплексной проверки компании не является обязательным для приобретался акций (доли в уставном капитале).

Таким образом, можно наблюдать тенденцию к справедливому распределению рисков между сторонами сделки. Наложение на приобретателя акций (доли в уставном капитале) обязанности провести проверку финансового,

---

[265] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 мая 2025 г. № Ф05-5085/2025 по делу № А41-92770/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

[266] См.: определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 20 июля 2025 г.).

имущественного, обязательственного положения общества противоречит экономической сути заверений.

В соответствии с п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49 несоответствие действительности предоставленной продавцом в форме заверений информации о характеристиках хозяйственного общества и составе его активов является основанием для применения правил о качестве товара (ст. 469–477 ГК РФ), помимо согласованных сторонами мер ответственности.
В правоприменительной практике утвердился подход о возможности применения правил о гарантии качества к договорам купли-продажи акций (долей в уставных капиталах) в отношении характеристик общества (финансовые показатели и т.д.), акции (доля в уставном капитале) которого приобретаются, однако только в случае, если характеристики были оформлены в форме заверений. Так, по российскому праву приобретатель лишен возможности использовать нормы о гарантии качества товара в случае отсутствия заверений в отношении характеристик общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретаются, что фактически лишает его защиты в случае существенного изменения стоимости актива после перехода прав на него. В данной ситуации все риски, которые не были зафиксированы в договоре купле-продажи, возлагаются на покупателя, что отражает принцип caveat emptor, согласно которому покупатель несет исключительную ответственность за проверку качества и пригодности товара перед совершением покупки. Однако такой подход не позволяет приобретателю защитить свои права и законные интересы должным образом, поскольку даже при проявлении должной осмотрительности достоверная информация о финансовом положении общества может оказаться недоступной, в том числе ввиду недобросовестных действий продавца. Представляется целесообразным распространить правила о качестве товара (ст. 469–477 ГК РФ) на куплю-продажу акций (долей в уставных капиталах), в случае если приобретателем будет доказано отсутствие у него возможности получить достаточную информацию об имущественном и финансовом состоянии хозяйственного общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретены. Такой подход позволит приобретателю защитить свои права и законные интересы посредством

предъявления требований о соразмерном уменьшении цены или расторжения договора купли-продажи в случае, если продавцом создавались препятствия в получении информации и документов о деятельности общества, была представлена недостоверная информация, в том числе в случае покупки акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества, которое не может осуществлять свой основной вид деятельности.

Возмещение имущественных потерь

Защита прав и законных интересов приобретателя акций (доли в уставном капитале) осуществляется также посредством использования правового механизма возмещения имущественных потерь (ст. 406.1 ГК РФ). В соглашении между сторонами заранее определены имущественные потери и обстоятельства, несвязанные с действиями сторон, при наступлении которых у стороны возникает обязанность возместить потери, т.е. взыскание имущественных потерь не связано с нарушением обязательства.

Сложно не согласиться с тезисом Е. В. Глухова, который, рассматривая институт возмещения имущественных потерь в договоре купли-продажи акций (долей в уставных капиталах), определяет его как «внутреннее страхование» в отношении рисков покупателя в связи с заключаемой им сделкой на случай ненадлежащего качества приобретаемого актива[267]. Представляется, что основным преимуществом включения в договор купли-продажи акций (долей в уставных капиталах) условий о возмещения имущественных потерь является отсутствие обязанности доказывать причинную связь между действиями продавца и наступившими обстоятельствами.

К возможным имущественным потерям при совершении сделок по приобретению корпоративного контроля можно отнести уменьшение чистых активов компании, причинение иных убытков компании, несение дополнительных расходов и иные потери, возникшие вследствие привлечения хозяйственного общества, в отношении которого приобретен корпоративный контроль, к

[267] См.: *Глухов Е. В.* Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация. М., 2019. С. 771.

налоговой ответственности за период, предшествующий отчуждению корпоративного контроля, ведения судебных споров, возникших до совершения указанной сделки, оспаривания данной сделки участниками общества в связи с нарушением преимущественного права покупки или отсутствия одобрения указанной сделки как крупной или сделки с заинтересованностью. Указанные обстоятельства также могут привести к снижению стоимости приобретенных акций (доли в уставном капитале) в уставном капитале хозяйственного общества, и именно поэтому покупатель заинтересован в получении от продавца гарантий возмещения указанных потерь.

Необходимо заметить, что суд не может уменьшить установленный размер имущественных потерь (за исключением случаев, если взыскатель умышленно содействовал увеличению таких потерь). Так, четко прописанный порядок расчета имущественных потерь нивелирует риски, связанные с расчетом убытков, в случае наступления определенных негативных последствий для покупателя акций (доли в уставном капитале). Важно учитывать, что формулировки заверений о финансовом положении компании через имущественные потери должны быть явными и недвусмысленными[268].

Опцион как средство защиты прав и законных интересов

В настоящее время российский бизнес сталкивается с беспрецедентными международными санкционными ограничениями (например, санкции США, ЕС и Великобритании), которые также оказывают влияние и на корпоративные отношения. Среди компаний, покинувших российский рынок в 2022 г., популярным инструментом стало включение в сделки по продаже активов *условий об «обратном» опционе*, предоставляющих право на возврат бизнеса в будущем. Данная договорная конструкция позволяет иностранным компаниям, с одной стороны, соблюсти американские и европейские санкции посредством смены

[268] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (п. 17) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5; постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05 ноября 2019 г. по делу № А56-71620/2018, Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2020 г. по делу № А45-24770/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 21 июля 2025 г.).

собственника компании, а с другой стороны, иметь возможность вернуться в РФ в случае изменения геополитической обстановки. В этой связи можно прийти к выводу, что целью заключения опционных соглашений является закрепление за продавцом возможности выкупа в течение определенного периода продаваемых акций (долей в уставных капиталах) в уставном капитале хозяйственных обществ.

Таким образом, можно констатировать, опционное соглашение, содержащее юридическую конструкцию обязательства в форме обратного опциона, является также и правовым средством защиты интересов лица, стремящегося сохранить или вернуть корпоративный контроль, в том числе в случае вынужденной продажи акций (долей в уставных капиталах), предоставляющих правообладателю корпоративный контроль.

С учетом изложенного можно заметить, что опционное соглашение является, с одной стороны, договорным основанием приобретения корпоративного контроля, а с другой стороны – правовым средством защиты интересов бывшего мажоритарного участника.

Расторжение договора купли-продажи акций (доли в уставном капитале)

На практике часто встречается ситуация, когда приобретатель доли нарушил свои обязанности по оплате приобретаемых акций (доли в уставном капитале). В соответствии с положениями гражданского законодательства в случае невыполнения покупателем обязанности по оплате товара возникает существенное нарушение условий договора. В настоящее время судебная практика придерживается такой позиции[269]. Суды указывают на то, что неисполнение обязанности по оплате акций (доли в уставном капитале) общества в течение длительного срока, в результате чего продавец не получил то, на что был вправе рассчитывать при заключении договора, является существенным нарушением условий договора, что в силу ст. 450 ГК РФ является основанием для его

[269] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 05 апреля 2018 г. № Ф05-2933/2018 по делу № А41-23439/2017, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 декабря 2015 г. № Ф04-26388/2015 по делу № А75-13369/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.).

расторжения. Продавец акций (доли в уставном капитале), не получая денежную сумму за поданное имущество, очевидно лишается того, на что вправе был рассчитывать при заключении договора.

Важно учитывать, что удовлетворение судом требования о расторжении договора купли-продажи доли в уставном капитале не влечет автоматическое признание права продавца на долю[270]. Необходимо помимо требования о расторжении договора заявлять требование о признании права собственности на долю в уставном капитале.

Приведенный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на противоречивую правоприменительную практику, приобретателю акций (доли в уставном капитале) предоставлен эффективный механизм защиты прав и законных интересов. Наиболее распространенным на практике механизмом защиты прав и законных интересов приобретателя является включение в договор купли-продажи акций (долей в уставных капиталах) заверений о финансовом, имущественном, обязательственном положении хозяйственного общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретаются. Кроме того, проведенный анализ правоприменительной практики и позиции Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что заверения о характеристиках хозяйственного общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретаются, входят в предмет договора купли-продажи, поскольку описывают качество приобретаемого товара.

В целях минимизации рисков, несмотря на действие презумпции, предусмотренной п. 4 ст. 431.2 ГК РФ, приобретателю контрольного пакета рекомендуется проводить комплексную проверку финансового и обязательственного положения хозяйственного общества, акции (доля в уставном капитале) которого он намеревается приобрести.

---

[270] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 марта 2023 г. № Ф08-1780/2023 по делу № А32-14186/2022, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08 августа 2019 г. № Ф10-2819/2019 по делу № А08-10376/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.).

Однако в случае невключения в договор купли-продажи акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества заверений о характеристиках такого общества приобретатель фактически остается незащищенным, поскольку продавец не предоставляет никаких гарантий в отношении финансового положения такого общества. Ввиду этого представляется целесообразным распространить правила о качестве товара (ст. 469–477 ГК РФ) на куплю-продажу акций (долей в уставных капиталах) в случае, если приобретателем будет доказано отсутствие у него возможности получить достаточную информацию об имущественном и финансовом состоянии хозяйственного общества, акции (доля в уставном капитале) которого приобретены. Так, приобретателю акций (долей в уставных капиталах) будет предоставлена возможность требовать соразмерного уменьшения цены или расторжения договора купли-продажи.

По результатам исследования «обратного» опциона как средства защиты прав и законных интересов автором сделан вывод о том, что опцион является, с одной стороны, договорным основанием установления корпоративного контроля, а с другой стороны, правовым средством защиты интересов бывшего мажоритарного участника.

§ 2. Защита прав акционеров (участников) при совершении сделок по приобретению корпоративного контроля

Как было указано ранее, приобретение корпоративного контроля осуществляется на основании сделок, обладающих разной правовой природой, соответственно, механизмы защиты в случае нарушения стороной обязательств по сделке, на основании которой происходит переход корпоративного контроля, различаются. При этом важно учитывать, что механизмы защиты должны быть направлены не только на защиту прав и законных интересов сторон сделки, но также учитывать интересы самой корпорации.

Закрепленные в законодательстве и локальных нормативных правовых актах корпоративные права в случае их нарушения должны обеспечиваться

соответствующими эффективными механизмами защиты. В противном случае такие права представляют собой фикцию. Известный цивилист В. П. Грибанов писал, что «субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь “декларативным правом”»[271].

Исследуя корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ, В. А. Русанова обращает особое внимание на необходимость учета особенностей нарушенного субъективного права при реализации участниками корпоративных отношений права на защиту. Это объясняется тем, что применение того или иного способа защиты должно соответствовать характеру нарушенного субъективного корпоративного права[272]. Те есть защита корпоративных прав обладает определенными особенностями, вытекающими из специфической природы корпоративных прав.

Стоит подчеркнуть, что объектом защиты являются не только субъективные права участников (акционеров), но и их правомерный интерес. Участник корпорации не является субъектом вещных и обязательственных правоотношений, в которых участвует общество, и потому он не приобретает каких-либо прав в рамках данных правоотношений, но он обладает возможностью вмешиваться в данные правоотношения в целях недопущения причинения ущерба корпорации. В данном случае участник (акционер) защищает не только права общества, но и свой собственный интерес в сохранении и увеличении стоимости имущества корпорации, так как это повлечет за собой увеличение стоимости акций, а также размера дивидендов[273].

Оспаривание сделок, на основании которых осуществляется переход прав на акции (долю в уставном капитале)

Одним из наиболее востребованных способов защиты абсолютного права на акции (долю в уставном капитале) является признание оспоримой сделки

---

[271] *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 104.

[272] См.: *Русанова В. А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. С. 25.

[273] См.: *Бевзенко Р. С.* Проблемы защиты корпоративных прав // Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 480.

недействительной или применение последствий недействительности ничтожной сделки. Данный способ защиты является правовосстанавливающим и заключается в отмене имущественных последствий, которые возникли вследствие совершения сделки. Позитивный эффект для потерпевшего лица состоит не в факте признания сделки недействительной, а в отмене последствий, возникших в связи с совершением сделки и в возврате сторонами, полученного по такой сделке. Недействительность сделки позволяет создать фикцию отсутствия данного действия, которое из юридически значимого преобразуется в юридически безразличное[274]. Так, в случае признания недействительной сделки, на основании которой был произведен переход акций, переданные акции возвращаются.

Сделка признается недействительной в случаях, когда при ее совершении имелись установленные законом дефекты. Основания и условия признания сделок недействительными различаются в зависимости от того, является ли субъектом, совершающим сделку, физическое или юридическое лицо. Относительно сделок, совершаемых физическими лицами, такими основаниями являются: совершение сделки недееспособным лицом, лицом, ограниченными в дееспособности, не способными понимать значения своих действий и руководить ими. Так, суд признал недействительной куплю-продажу акций и применил последствия недействительности сделок на том основании, что истец на момент подписания договора не был способен к осознанному целенаправленному волевому действию с учетом последующих определенных правовых последствий и был склонен в силу своего физического состояния пассивно подчиняться окружающим его людям, что подтверждалось заключением эксперта[275]. Данные основания невозможно применить в отношении сделок, совершаемых юридическим лицом. Также такое основание, как совершение сделки под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, гораздо чаще применяется в отношении сделок, заключенных физическим лицом.

---

[274] См.: *Филиппова С.Ю., Шиткина И.С.* Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография. С. 161.

[275] См.: постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 29 августа 2016 г. № 05АП-5688/2016 по делу № А51-8932/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.).

Сделки, совершенные юридическими лицами, могут быть признаны недействительными, если они противоречат целям деятельности, ограниченным в учредительном документе (ст. 173 ГК РФ), или совершены с превышением полномочий лица, действующего от имени юридического лица (ст. 174 ГК РФ). При оспаривании таких сделок в предмет доказывания входят обстоятельства осведомленности другой стороны о таких ограничениях.

Стоит отметить, что законодательство Российской Федерации не содержит специальных оснований для признания недействительным договора купли-продажи доли. В научной литературе имеются предложения о включении в законодательство о хозяйственных обществах специальных оснований для признания сделок купли-продажи акций (долей в уставных капиталах) недействительными[276]. Представляется нецелесообразным включение в законодательство такого специального основания недействительности сделок, как нарушение уставных ограничений на отчуждение долей, поскольку абз. 3 п. 18 ст. 21 Закона об ООО предусматривает специальное последствие совершения таких сделок в виде истребования доли у приобретателя.

Суды придерживаются позиции, что сделка по отчуждению доли в обществе третьему лицу, совершенная с нарушением запрета, предусмотренного в уставе, может быть оспорена как совершенная с нарушением условий осуществления полномочий (ст. 174 ГК РФ). Однако в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому нецелесообразно признавать такую сделку недействительной исключительно на основании ее совершения с нарушением того или итого запрета. Отмечается, что судам следует делать вывод об оспоримости сделки в каждом конкретном после оценки следующих обстоятельств: является ли нарушение запрета, предусмотренного уставом общества, существенным и влечет ли за собой нарушение прав иных лиц[277].

В контексте признания недействительными сделок по продаже акций (долей в уставных капиталах) третьим лицам, совершенным без получения обязательного

---

[276] См.: *Максуров А. А.* Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ: монография.

[277] См.: там же.

согласия других участников общества, стоит обратиться к зарубежному опыту регулирования данной проблематики. Так, французский законодатель и судебная практика признает отчуждение с нарушением уставных ограничений основанием абсолютной ничтожности (Code de commerce (France). Art. L. 227-15)[278]. Согласно положениям Швейцарского обязательственного закона сделка, направленная на их отчуждение, не производит никакого эффекта до момента надлежащего одобрения (Code des obligations (Suisse). Art. 685c, 787.)[279]. Таким образом, можно заметить, что европейское законодательство, преследуя цель защиты персонального состава непубличных компаний, пошло по пути признания сделки по отчуждению акций (доли в уставном капитале), совершенной без получения необходимого одобрения участниками корпорации, ничтожной, в то время как согласно нормам российского права такая сделка является оспоримой.

В процессе применения двусторонней реституции стороны возвращаются в состояние, в котором они находились до совершения сделки. Однако на практике возникает сложность, связанная с объемом подлежащих применению последствий недействительности сделки. Так, приобретатель доли, зарегистрированный в публичном реестре в качестве акционера (участника) до признания сделки, на основании которой акции (доля в уставном капитале) перешли в его владение, недействительной, осуществляет корпоративные права в качестве участника общества. Для реализации корпоративных прав акционеру (участнику) достаточно факта обладания акциями (долей в уставном капитале), удостоверяющих данные права. Однако в случае признания сделки, на основании которой лицо приобрело акции (долю в уставном капитале), недействительной, такое лицо теряет возможность осуществления корпоративных прав в последующем. Вместе с тем возникает вопрос о возможности распространения последствий недействительности сделки на решения общего собрания акционеров (участников), принятых с участием такого лица. На наш взгляд, последствия недействительности

[278] Code de commerce (France) [Electronic resource] // Légifrance : le service public de la diffusion du droit. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/ (дата обращения: 23 октября 2025 г.).

[279] Code des obligations (Suisse) du 30 mars 1911 [Electronic resource] // Fedlex : La plateforme de publication du droit fédéral. – URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/fr (дата обращения: 23 октября 2025 г.).

сделки на подобные случаи распространяться не должны, поскольку целью их применения является восстановление прав на акции (долю в уставном капитале) хозяйственного общества, а не устранение последствий участия в управление делами корпорации неуправомочного лица. Для устранения подобных последствий необходимо воспользоваться иным способом защиты, а именно обратиться в суд с требованием об оспаривании решения общего собрания акционеров (участников) общества, на которых принимало участие неправомочное лицо.

Представляется, что в случае участия неуправомоченного лица в голосовании на общем собрании акционеров возможно применение правил об удовлетворении требований правообладателя о возврате ему неправомерно списанных ценных бумаг. Такое решение может быть оспорено при наличии условий, предусмотренных в п. 2 ст. 149.4 ГК РФ. В качестве примера можно привести дело, в котором суд удовлетворил требование акционеров о признании недействительными решений годового общего собрания акционеров общества, так как в спорном собрании принимали участие неуправомоченные лица. Законный владелец 89,88% голосующих акций банка не принимал участия в данном собрании, в то время как в спорном собрании принимали участие лица, которые не приобрели статуса акционеров в связи с признанием судом недействительными сделок, на основании которых ими были приобретены акции. Таким образом, суд признал решение собрания недействительным, основываясь на том, что голосование правообладателя контрольного пакета акций могло повлиять на принятие решения[280].

Однако в случае, если сделка является недействительной не вследствие совершения противоправных действий, применение положений ст. 149.4 ГК РФ по аналогии недопустимо. Это объясняется тем, что возможность признания недействительным решения собрания является исключением из общего правила стабильности решений общего собрания и, как все исключения, расширительному

[280] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 декабря 2017 г. № Ф05-17838/2017 по делу № А40-138148/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.).

толкованию не подлежит[281]. Приведенный тезис отражает доктринальную установку на поддержание правовой определенности (legal certainty) в корпоративных отношениях. Признание решения собрания недействительным является мерой экстраординарного характера, поскольку оно аннулирует волю большинства участников гражданско-правового сообщества и дестабилизирует деятельность корпорации. В связи с этим нормы об основаниях недействительности (оспоримости) решений собраний должны применяться строго ограничительно. Суды не вправе конструировать новые основания для аннулирования решений по аналогии или расширять сферу применения существующих норм на ситуации, прямо не поименованные в законе.

В части дивидендов, выплаченных акционеру (участнику), который приобрел акции (долю в уставном капитале) на основании сделки, впоследствии признанной недействительной, предусмотрена возможность взыскания таких дивидендов в порядке неосновательного обогащения, поскольку у такого лица отсутствовали законные основания для получения подобных выплат.

Таким образом, можно сделать вывод, что факт признания сделки по отчуждению акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества недействительной не приводит к автоматической отмене всех решений общего собрания акционеров (участников) общества, принятых с участием неправомочного лица. Действительность данных решений будет зависеть от требований собственника акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества. Право участника хозяйственного общества на акции (долю в уставном капитале) не может быть восстановлено только посредством признания сделки по отчуждению акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества недействительной, необходимо также удовлетворение требования о применении последствий недействительности в виде восстановления прав посредством обязания регистрирующего органа (регистратора) совершить соответствующую запись в ЕГРЮЛ или на лицевых счетах держателя реестра.

---

[281] См.: Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 2. – Москва : Статут, 2018. С. 631. (автор главы XVIII – *Филиппова С.Ю.*)

Данный подход законодателя и судебной практики обусловлен необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты интересов третьих лиц, вступивших в правоотношения с корпорацией.

Истребование доли у приобретателя

Как было указано ранее, Закон об ООО предусматривает специальное последствие нарушения уставных ограничений на отчуждение доли в уставном капитале ООО в виде истребования доли у приобретателя (абз. 3 п. 18 ст. 21 Закона об ООО). Однако в практике чаще встречается признание сделок по отчуждению долей в уставных капиталах, совершенных с нарушением запретов, закрепленных в уставе, недействительными. Так, Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что есть специальное последствие совершения таких сделок и что оспаривание в данном случае недопустимо[282].

Правило, предусмотренное абз. 3 п. 18 ст. 21 Закона об ООО, подвергается критике в правовой доктрине. Рассматриваема норма характеризуется критиками как материально несправедливая по отношению к продающему долю, поскольку помимо утраты стоимости доли на него возлагается обязанность возместить убытки приобретателю, у которого долю изъяли[283].

Можно отметить, что оба средства защиты при совершении сделки по продаже доли с нарушением уставных ограничений – оспаривание сделки в соответствии со ст. 174 ГК РФ и истребование доли в соответствии с абз. 3 п. 18 ст. 21 Закона об ООО – направлены на возврат доли, которая переходит покупателю. В первом случае доля будет возвращена по реституции, во втором – сразу истребована у приобретателя в пользу общества.

Поскольку доля переходит покупателю, а затем истребуется в пользу общества, создается ситуация, при которой приобретатель до возврата доли может

---

[282] См.: определение Верховного Суда РФ от 06 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-24465 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.). Также ранее позиция была отражена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 сентября 2013 г. № 3330/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 12.

[283] См.: *Алешина А. Д.* Ограничения на отчуждение долей (акций) в непубличных обществах: возможность формулирования общей части // Корпоративное право: проблемы и решения. Вып. 2 / под ред. И. С. Чупрунова. М.: АВ РШЧП, 2023. С. 37–39; *Новак Д.* Приобретение ООО долей в своем уставном капитале в новых законодательных условиях // Корпоративный юрист. 2009. № 6. С. 26–27.

осуществлять корпоративные права, в том числе участвовать в голосовании на общем собрании, получать информацию о деятельности общества. Таким образом, когда в обществе, в котором предусмотрены ограничения на вступление третьих лиц, лицо, приобретшее долю с нарушением таких ограничений, может участвовать в управлении. А. А. Кузнецов отмечает, что такое искажение возникло по причине отношения к акциям (долям в уставном капитале) как к обычным вещам, и российская доктрина наряду с судебной практикой расценивала, что устав как гражданско-правовое соглашение не может препятствовать переходу собственности на акции (доли в уставном капитале), в связи с чем возврат их возможен только постфактум[284]. Как было отмечено ранее, приравнивать акции (доли в уставном капитале) к вещам не является корректным, ценность представляют не акции (доли в уставном капитале) как вещи, а совокупность прав, которые они удостоверяют.

Представляется целесообразным закрепить положение, в соответствии с которым голоса участника общества, который приобрел долю в уставном капитале с нарушением уставного запрета, не учитывается при подсчете голосов на общем собрании. Такое положение будет соответствовать цели установления ограничения на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам, поскольку такой участник общества не будет влиять на управление компанией. В данном случае ограничение имущественных корпоративных прав не представляется целесообразным, поскольку, будучи участником общества, он будет нести риски, связанные с деятельностью общества.

Перевод прав и обязанностей покупателя по договору купли-продажи доли в уставном капитале, совершенному с нарушением преимущественного права

Согласно ст. 21 Закона об ООО, участники общества имеют право первоочередного выкупа доли в уставном капитале, когда один из них намеревается продать свою долю. Данное право призвано защитить интересы

[284] См.: *Кузнецов А. А.* Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы. С. 28.

действующих участников общества, предотвратить бесконтрольное попадание доли в уставном капитале к третьим лицам и в полной мере соответствует концепции общества с ограниченной ответственностью – объединения лиц (закрытая корпорация, персональный состав которой важен для ее участников (intuitas personae)).

В случае если отчуждение доли будет совершено с нарушением положений о преимущественном праве покупки, то другой участник может защитить свое нарушенное право посредством заявления требования о переводе прав и обязанностей покупателя. Требование о признании сделки недействительной по такому основанию, как ненаправление уведомления о намерении продать долю третьему лицу, не будет удовлетворено судом. Важно учитывать, что требование о переводе прав и обязанностей покупателя будет удовлетворено только в случае, если истец докажет наличие у него реальной возможности исполнить обязанности покупателя[285]. В отличие от признания сделки недействительной (реституции), этот способ защиты не разрушает сделку, а меняет ее субъектный состав. Сделка сохраняется, экономическая цель продавца достигается, но актив передается лицу, обладающему законным приоритетом. Механизм перевода прав и обязанностей покупателя при нарушении преимущественного права покупки является уникальным примером реализации восстановительной функции гражданского права без дестабилизации экономического оборота.

Участник общества, направивший уведомление о желании воспользоваться преимущественным правом, впоследствии не может уклониться от заключения договора купли-продали доли, судом такой договор будет признан заключенным[286]. Важно отметить, что преимущественное право приобретения доли распространяется на случай продажи доли на торгах в рамках процедуры банкротства[287].

---

[285] См.: постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01 августа 2013 г. по делу № А32-12010/2012 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.).

[286] См.: постановление ФАС Северо-Западного округа от 14 января 2013 г. по делу № А13-2369/2012 Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.).

[287] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 июля 2020 г. № Ф08-5129/2020 по делу № А32-35774/2019, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08 ноября 2018 г. № Ф07-13401/2018 по делу № А56-118187/2017, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03 мая 2017

Стоит обратить внимание на тот факт, что преимущественное право покупки не возникает в случае совершения сделки купли-продажи доли в уставном капитале между участниками общества[288].

Таким образом, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что преимущественное право покупки доли в уставном капитале является механизмом, позволяющим участникам сохранить персональный состав в непубличных обществах, где управление тесно связано с участием в уставном капитале, а личностный фактор и взаимоотношения между участниками имеет существенное значение. Преимущественное право направлено на недопущение к управлению обществом третьих лиц, однако конструкция, предусмотренная в законодательстве, и позиции, выработанные судебной практикой, направлены также на защиту прав и законных интересов лица, намеренного продать свою долю и выйти из состава участников общества.

Возмещение убытков, причиненных ненадлежащим учетом прав участника корпорации

В условиях принципа публичной достоверности реестра нарушение правил учета прав способно привести к мгновенной и часто необратимой утрате корпоративного контроля. Лицо, утратившее абсолютное право на акцию (долю в уставном капитале), не всегда заинтересовано в восстановлении корпоративного контроля и записи в реестре акционеров или ЕГРЮЛ, так как часто нарушение учета корпоративных прав свидетельствуют о существовании корпоративного конфликта. В таких случаях у лица, обнаружившего утрату права на акцию (долю в уставном капитале), есть возможность вместо правовосстановительного способа защиты выбрать компенсационный. Наиболее универсальным компенсационным способом защиты является требование о возмещении убытков, причиненных акционеру (участнику).

г. № Ф09-1111/17 по делу № А76-16187/2016, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02 марта 2016 № Ф03-249/2016 по делу № А37-559/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.).

[288] См.: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 мая 2016 г. по делу № А44-5791/2015, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08 октября 2014 г. № Ф03-4173/2014 по делу № А51-3065/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14 марта 2025 г.).

Возмещение убытков представляет собой форму юридической ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства, применяемую как в договорных, так и во внедоговорных отношениях. Под убытками принято понимать денежную оценку имущественных потерь (вреда), которые лицо, право которого нарушено, понесло или должно будет понести в связи с таким нарушением права. Убытки подразделяются на реальный ущерб и упущенную выгоду. Под реальным ущербом понимаются расходы потерпевшего и повреждение его имущества, т.е. наличные убытки. Упущенную выгоду составляют не полученные потерпевшим лицом доходы[289].

Предъявить требования о возмещении убытков акционер может как к акционерному обществу-эмитенту или регистратору, так и к обоим одновременно. Возможность предъявления требования о возмещении убытков одновременно к обоим обусловлена солидарным характером ответственности. Также ответственность эмитента и регистратора характеризуется тем, что она является безвиновной, т.е. у акционера отсутствует необходимость доказывания обстоятельств вины при заявлении требований о взыскании убытков. В гражданском законодательстве предусмотрено только одно основание для исключения ответственности указанных лиц – обстоятельства непреодолимой силы (п. 4 ст. 149 ГК РФ).

В доктрине и правоприменительной практике до 2010 г. отсутствовало единое мнение по вопросу привлечения эмитента к безвиновной ответственности на основании п. 3. ст. 401 ГК РФ. Ряд авторов придерживался позиции, что в отношениях по ведению реестра эмитент не должен рассматриваться в качестве субъекта предпринимательской деятельности и, соответственно, должен нести ответственность только при наличии вины в ненадлежащем списании акций[290]. Другие авторы полагали, что эмитент подлежит привлечению к ответственности независимо от его вины, поскольку деятельность по ведению реестра носит

---

[289] См.: *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. С. 456.

[290] См., например: *Шиткина И. С.* Парадигма и парадоксы корпоративного права // Предпринимательское право. 2010. № 1. С. 4–12; *Фрадкин К. Б.* Возмещение убытков акционера, связанных с хищением у него акций регистратором и эмитентом // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 147–159; *Попондопуло В. Ф.* О субъекте ответственности за необоснованное списание акций // Арбитражные споры. 2009. № 1. С. 93–106.

предпринимательский характер, а также тем, что в случае утраты акций интерес потерпевшего акционера превалирует над интересом эмитента и регистратора[291].

Конституционный Суд РФ в 2010 г. разъяснил вопрос о привлечении эмитента к ответственности в отсутствие его вины в неправомерном списании акций[292]. Суд указал, что для акционерного общества как коммерческой организации, преследующей в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и собственный капитал которой изначально основан на привлечении средств инвесторов-акционеров, деятельность по ведению реестра акционеров общества неразрывна с самим фактом существования акционерного общества и, следовательно, связана с предпринимательством. Следовательно, на таких лиц распространяется положение п. 3 ст. 401 ГК РФ. Основной целью данного регулирования является усиление защиты прав и законных интересов акционеров, а также предотвращение возможного конфликта интересов акционеров и эмитента, являющегося должником по учитываемым в этом реестре требованиям.

Интересной представляется ситуация, когда регистратор осуществляет списание акций на основании распоряжения, подписанного нелегитимным органом управления[293]. Подобная ситуация не является обстоятельством, исключающим ответственность эмитента и регистратора, поскольку не носит чрезвычайный и непредотвратимый характер, т.е. не является форс-мажором[294]. Таким образом, взыскание убытков в пользу пострадавшего акционера должно производиться независимо от вины эмитента и регистратора.

---

[291] См., например: *Степанов Д. И.* Ответственность эмитента и регистратора за необоснованное списание акций // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 3. С. 11–31; *Рыбалов А. О.* Эмитент и регистратор: кто виноват или кто отвечает? // Арбитражные споры. 2010. № 4. С 129–136.

[292] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2010 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с жалобами открытых акционерных обществ “Газпром”, “Газпром нефть”, “Оренбургнефть” и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)» // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 700.

[293] Подробнее см.: *Григорьев М. И.* Взыскание убытков с эмитента и регистратора за ненадлежащее списание акций // Акционерное право. 2016. № 12. С. 78.

[294] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Согласно ст. 307 ГК РФ к требованиям, возникающим из корпоративных отношений, применяются общие положения об обязательствах. Так, к возмещению убытков, причиненных акционерам (участникам) вследствие неправильности учета их прав, применяются нормы об ответственности за нарушение обязательств. В соответствии с п. 5 ст. 393 ГК РФ[295] суд не может отказать в удовлетворении иска, ссылаясь только на невозможность определения точного размера причиненных убытков. Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. В такой ситуации суд самостоятельно должен определить размер подлежащих возмещению убытков, с учетом установления и всесторонней оценки всех обстоятельств дела и руководствуясь принципами справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Определенные сложности возникают в случае, когда общество-эмитент, акции которого были незаконно списаны, прекращает свое существование путем реорганизации. В данном случае истец требует взыскать сумму доли участия в капитале акционерного общества-правопредшественника, которой он обладал до неправомерного списания акций. В силу ст. 58 ГК РФ к ответчику как к универсальному правопреемнику переходят все права и обязанности реорганизовавшегося юридического лица. Соответственно, в рассматриваемой ситуации к обществу-правопреемнику переходят обязанности по возмещению убытков акционеру, права которого были нарушены.

Также необходимо отметить, что у акционера сохраняется возможность взыскать убытки с лица, в результате неправомерных действий которого такие убытки были причинены, в случае отказа в удовлетворении требования о возмещении убытков в отношении общества или реестродержателя.

По результатам анализа вопроса возмещения убытков акционеру, причиненных ненадлежащим учетом прав участника корпорации, можно отметить следующее. Установление безвиновной ответственности эмитента и регистратора

---

[295] Введен на основании Федерального закона от 08 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

за неправомерное списание акций при взыскании с них убытков в пользу утратившего акции лица способствует наиболее эффективной защите прав и законных интересов акционера. Реорганизация общества-эмитента не исключает возможность акционеру компенсировать имущественный ущерб, причиненный ему незаконным списанием акций.

Восстановление записей в реестре акционеров

Утрата учетных записей на акции независимо от причины автоматически ведет к невозможности осуществлять права, вытекающие из них. Законодательно предусмотрен такой способ защиты абсолютного права на акцию, как восстановление записей в реестре акционеров (восстановление утраченного реестра). Особенность указанного механизма заключается в том, что он позволяет преодолеть презумпцию достоверности реестра в случаях, когда она вступает в конфликт с реальным распределением прав.

Требование о восстановлении может быть заявлено любым заинтересованным лицом. В случае утраты учетных записей, удостоверяющих права, на лицо, осуществляющее учет прав на акции, возлагаются две обязанности (ст. 149.5 ГК РФ):

1) незамедлительно опубликовать информацию об утрате учетных записей, удостоверяющих права, в средствах массовой информации, в которых подлежат официальному опубликованию сведения о банкротстве – газете «Коммерсантъ»[296];

2) незамедлительно обратиться в суд с заявлением о восстановлении данных учета прав в установленном порядке. Обращение в суд производится в общем порядке искового производства, особый порядок производства не предусмотрен для данной категории дел.

Появление данной нормы ГК РФ было обусловлено тем, что в практике корпоративных конфликтов часто встречались случаи одновременной утраты данных системы ведения реестра акционеров и передачи ведения реестра новому

---

[296] См.: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; распоряжение Правительства РФ от 21 июля 2008 г. № 1049-р «Об официальном издании, осуществляющем опубликование сведений, предусмотренных Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве)”» // СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3674.

реестродержателю, не учитывающему в новом реестре сведения о надлежащих правообладателях акций, вследствие чего акционеры теряли корпоративный контроль в обществе[297].

Для удовлетворения требования о восстановлении утраченного реестра необходимо наличие следующих условий:

1) к моменту утраты реестра договор с реестродержателем о ведении реестра действовал, его полномочия не были прекращены по решению общества;

2) до обращения в суд информация об утрате записей была опубликована в средствах массовой информации в установленном законом порядке;

3) наличие у лица, обратившегося с требованием о восстановлении утраченного реестра, законного интереса в восстановлении записей.

Восстановление данных учета прав на акции записи о правообладателях осуществляется на основании решения арбитражного суда. Так, например, акционерное общество обратилось в суд с требованием о восстановлении утраченного реестра, так как в данном случае эмитент ценных бумаг имеет право на обращение в суд с заявлением об установлении факта, имеющего юридическое значение. Суд удовлетворил заявленные требования, так как были соблюдены все условия, содержащиеся в ст. 149.5 ГК РФ[298].

На практике может возникнуть ситуация, когда после восстановления реестра акционеров выясняется, что первоначальный реестр не был утрачен и фактически существуют два реестра акционеров. В промежуток времени с момента утраты учетных записей и до вступления в законную силу решения суда о их восстановлении записи об учете прав на акции не имею силы (п. 2 ст. 149 ГК РФ). Закон о рынке ценных бумаг не допускает существования двух и более реестров акционеров, следовательно, восстановленный реестр акционеров при наличии реестра, который ошибочно считался утраченным, не имеет юридического значения. Восстановленный реестр будет являться допустимым доказательством

---

[297] См.: *Русанова В. А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ: дисс. ... канд. юрид. наук. С. 188.

[298] См.: решение Арбитражного суда Орловской области от 16 марта 2016 г. по делу № А48-7048/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

только в случае, если будет доказано, что первоначальный реестр был утрачен. Такого подхода придерживается судебная практика[299].

В настоящее время подобные споры нечасто встречаются в судебно-арбитражной практике, что обусловлено тем, что к деятельности по ведению реестров акционеров предъявляются строгие требования. Так, деятельность по ведению реестра акционеров является профессиональной и для ее осуществления необходимо получение советующей лицензии, условием выдачи которой является возможность обеспечить сохранность информации и документов, составляющих реестр акционеров.

Рассматриваемый способ защиты позволяет признать существующее у акционера право на акцию, и в этом случае данный способ имеет определенное сходство с универсальным способом защиты субъективного права, состоящим в признании права. Вместе с тем в процессе восстановления утраченных записей производится восстановление положения, существовавшего до утраты таких записей, т.е. реализуется еще один универсальный способ защиты гражданских прав – восстановление положения, существовавшего до нарушения права[300].

Таким образом, при восстановлении утраченного реестра воссоздается информация о владельцах акций общества, и тем самым право акционера на акцию защищается. Данный способ защиты позволяет восстановить право акционера на акцию другими заинтересованными лицами, что является дополнительной гарантией прав акционера.

Проведенное исследование основных способов защиты прав и законных интересов акционеров (участников) при совершении сделок по приобретению корпоративного контроля позволяет сделать следующие выводы.

Целесообразно закрепление в законодательстве положения, в соответствии с которым голоса участника общества, который приобрел долю в уставном капитале с нарушением уставного запрета, не учитываются при подсчете голосов на общем

---

[299] См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 сентября 2019 г. № Ф09-2450/18 по делу № А07-40381/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

[300] См.: Корпоративное право: учебный курс. в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 2. С. 637.

собрании. При этом необходимость в ограничении имущественных корпоративных прав такого участника отсутствует.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что преимущественное право покупки доли в уставном капитале является механизмом, позволяющим участникам сохранить персональный состав в непубличных обществах, где управление тесно связано с участием в уставном капитале, а личностный фактор и взаимоотношения между участниками имеют существенное значение. Преимущественное право направлено на недопущение к управлению обществом третьих лиц, однако конструкция, предусмотренная в законодательстве, и позиции, выработанные судебной практикой, направлены также на защиту прав и законных интересов лица, намеренного продать свою долю и выйти из состава участников общества.

Представляется, что установление безвиновной ответственности эмитента и регистратора за неправомерное списание акций при взыскании с них убытков в пользу утратившего акции лица способствует наиболее эффективной защите прав и законных интересов акционера.

Восстановление утраченного реестра является дополнительной гарантией прав акционера, поскольку позволяет восстановить право акционера на акцию другими заинтересованными лицами.

§ 3. Восстановление корпоративного контроля

Исследование проблематики восстановления корпоративного контроля является важным в контексте исследования защиты прав и законных интересов акционеров и участников хозяйственных обществ и лиц, приобретающих корпоративный контроль, поскольку рассматриваемый способ защиты направлен на защиту прав акционеров (участников) в случае неправомерной передачи контроля.

Особым способом защиты и восстановления нарушенных прав акционеров (участников) хозяйственных обществ, утративших по каким-то причинам

корпоративный контроль, является восстановление корпоративного контроля. Первоначально данный способ защиты не был закреплен в гражданском и корпоративном законодательстве, а был выработан правоприменительной практикой. Далее в 2014 г. в ГК РФ, а именно в п. 3 ст. 65.2, была включена правовая конструкция, предназначенная для защиты корпоративных прав, однако термин «восстановление корпоративного контроля» в данной норме не используется[301]. Необходимо заметить, что применение восстановления корпоративного контроля возможно только в тех случаях, когда защита нарушенного права невозможна иными предусмотренными законом способами[302].

В силу положений ГК РФ восстановление корпоративного контроля осуществляется посредством возвращения доли участия участнику, ее утратившему, и возмещения причиненных убытков за счет лиц, виновных в утрате доли. Также при рассмотрении требования о восстановлении корпоративного контроля суд определит справедливую компенсацию лицам, к которым перешла данная доля участия. В ГК РФ установлены случаи, когда суд может отказать в возвращении доли участия и присудить лицу, утратившему долю участия, соответствующую справедливую компенсацию. К таким случаям закон относит несправедливое лишение иных лиц их прав участия, возникновение крайне негативных социальных и других публично значимых последствий. Данное положение закона свидетельствует о рецепции российским правом доктрины *liability rule* в противовес классической доктрине *property rule* устранения любых стимулов к нарушению права). Классическая дихотомия *liability rule* и *property rule* разработана в рамках школы экономического анализа права Г. Калабрези и Д. Меламедом[303]. Традиционная защита права собственности (и корпоративного контроля) базируется *property rule*: актив должен быть возвращен владельцу, а нарушение пресечено. Однако норма п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, допускающая отказ в

---

[301] Федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 101.

[302] См.: *Маковская А. А.* Восстановление корпоративного контроля // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 1. С. 119–121.

[303] Calabresi G., Melamed D. A. Property Rules, Liability Rules, and Inalienability: One View of the Cathedral // Harvard Law Review. 1972. Vol. 85. No. 6. pp. 1089-1128.

возврате доли с присуждением компенсации, является ярким примером перехода к *liability rule*, т.е. защита ограничена выплатой компенсации. Законодатель признает, что в корпоративных конфликтах, где возврат доли участия чреват разрушением бизнеса или социальными потрясениями, абсолютная защита титула уступает место экономической целесообразности. Можно говорить, что в данном случае «право на вещь» трансформируется в «право на ценность» (денежный эквивалент), что позволяет сохранить стабильность гражданского оборота, компенсируя потери пострадавшего лица. Вместе с тем эффективность данного подхода всецело зависит от качества судебной оценки. Основным риском перехода к *liability rule* представляется возможность недооценки актива. Если суд, определяя размер справедливой компенсации, будет опираться на формальные балансовые показатели, а не на реальную рыночную стоимость бизнеса с учетом его потенциала и премии за контроль, механизм защиты не будет выполнять свою функцию. Следовательно, отказ от вещной защиты корпоративных прав допустим лишь при условии, что правовая система способна гарантировать истцу денежный эквивалент, который поставит его в такое же экономическое положение, в каком он находился бы при сохранении контроля.

Таким образом, институт справедливой компенсации является компромиссом, позволяющим сбалансировать защиту титульного владельца с принципом поддержания стабильности гражданского оборота. Законодатель признает, что в условиях интенсивно развивающихся рыночных отношений корпоративные права могут трансформироваться настолько, что их возврат в первоначальном виде становится экономически нецелесообразным или деструктивным для самого юридического лица.

В российской правовой доктрине существует несколько подходов относительно правовой природы восстановления корпоративного контроля как способа защиты прав. Представители первого подхода считают восстановление корпоративного контроля комплексным способом защиты. Комплексность способа заключается в возможности включения в состав иска о восстановлении корпоративного контроля одновременно несколько взаимосвязанных требований,

направленных на восстановление утраченного контроля[304]. Так, например, в иске о восстановлении корпоративного контроля могут содержаться одновременно в различных комбинациях требования о признании права на долю участия, признании недействительными решений налогового органа о государственной регистрации, признании недействительными записей в ЕГРЮЛ[305], о признании недействительным решения общего собрания участников общества[306], о переводе прав и обязанностей покупателя по договору купли-продажи доли в уставном капитале[307], о признании недействительной сделки по отчуждению доли и т.д. Комбинация указанных требований позволяет оперативно восстановить возможность влияния лица, утратившего корпоративный контроль, на принятие корпоративных решений без необходимости заявлять данные требования последовательно. Аналогичной позиции придерживается С. В. Сарбаш[308] и Р. С. Бевзенко[309]. Е. А. Суханов также характеризует рассматриваемый способ защиты как комплексный, а также указывает на то, что он представляет собой частный случай восстановления положения, существовавшего до нарушения права (ст. 12 ГК РФ)[310].

Встречается и позиция о том, что восстановление корпоративного контроля является самостоятельным способом защиты нарушенных прав наравне с теми, которые закреплены в ст. 12 ГК РФ[311]. Однако указанный подход, на наш взгляд, представляется спорным, поскольку в соответствии с действующей судебной практикой восстановление корпоративного контроля невозможно использовать в

---

[304] См.: *Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. С. 120–121.

[305] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 сентября 2024 г. № Ф05-16445/2024 по делу № А40-193484/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

[306] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 06 июня 2024 г. № Ф05-9991/2023 по делу № А41-30116/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

[307] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 января 2024 г. № Ф05-33928/2023 по делу № А40-165975/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

[308] См.: *Сарбаш С. В.* Восстановление корпоративного контроля.

[309] См.: *Бевзенко Р. С.* Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции.

[310] См.: *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. С. 120–121.

[311] См.: *Назимов И. А.* Восстановление положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 8; *Он же.* Восстановление корпоративного контроля // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 114.

отрыве от других способов защиты права, в связи с этим признавать за ним самостоятельный характер преждевременно.

В научной литературе также высказывается мнение о том, что предъявление требования о восстановлении корпоративного контроля является частным случаем использования предусмотренного ст. 12 ГК РФ способа защиты – признания права[312]. Вместе с тем данный подход, во-первых, не учитывает действующую судебную практику, согласно которой восстановление корпоративного контроля не ограничивается признанием права, и, во-вторых, представляется довольно ограниченным, поскольку основной целью восстановления корпоративного контроля является приведение сторон в положение, существовавшее до нарушения, а это не всегда можно достигнуть посредством применения признания права как способа защиты.

Также необходимо проанализировать выработанный правовой доктриной подход, согласно которому восстановление корпоративного контроля рассматривается как специальный случай общегражданского способа защиты – восстановление положения, существовавшего до нарушения права[313]. Данный подход также подтверждается действующей судебной практикой[314]. Это можно обосновать тем, что целью применения данного способа зачастую является не только возврат утраченных акций (долей в уставных капиталах), но и восстановление утраченного в результате неправомерных действий корпоративного контроля посредством приведения сторон в положение, существовавшее до нарушения. Применение восстановления корпоративного контроля как специального способа защиты позволяет достигнуть данную цель без

---

[312] Так, например, восстановление корпоративного контроля рассматривают как требование о подтверждении наличия корпоративного правоотношения между истцом и корпорацией, предъявляемое в целях подтверждения факта принадлежности истцу прав участия в корпорации, когда такие права были утрачены последним помимо его воли в результате неправомерных действий третьих лиц. См.: *Старовойтова А. С.* Восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав участников юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 160.

[313] См.: *Суханов Е. А.* Комментарий к ст. 65.1–65.3 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ) // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 3. С. 120–121; *Васильева Н. Н.* Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты гражданских прав // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3. С. 20.

[314] См.: определения Верховного Суда РФ от 07 марта 2017 г. № 308-ЭС16-15069 и от 03 сентября 2020 г. № 307-ЭС20-209 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025 г.).

многостадийного, последовательного применения других способов защиты прав акционера (участника).

Именно по этим причинам представляется правильным рассматривать восстановление корпоративного контроля как специальный способ защиты прав акционера (участников)[315], являющийся частными случаем общего способа защиты восстановления положения, существовавшего до нарушения права. Одновременно с этим необходимо отметить отсутствие у данного способа самостоятельного характера ввиду невозможности его использования в отрыве от иных способов защиты прав, поименованных в ст. 12 ГК РФ. Учитывая отсутствие самостоятельного характера и применение в рамках указанного способа также иных способов защиты (например, оспаривание сделок, решений общего собрания общества и др.), можно прийти к выводу о комплексном характере восстановления корпоративного контроля как способа защиты.

Так, в рамках иска о восстановлении корпоративного контроля часто заявляются требования о признании недействительным решения единственного участника общества, о признании права на долю в уставном капитале (основные требования) и о признании недействительным решения налогового органа о государственной регистрации (дополнительное требование)[316]. В итоге можно заметить, что в полном объеме корпоративный контроль будет восстановлен в случае одновременного удовлетворения основных требований, направленных на возврат доли участия, и дополнительного требования. Согласно правоприменительной практике восстановление корпоративного контроля может осуществляться посредством, например, признания права на долю (акции)[317],

---

[315] Специальный характер данного способа защиты обусловлен тем, что он может быть применен только в рамках корпоративных отношений и иных, тесно связанных с ними отношений.

[316] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 апреля 2018 г. по делу № А41-12005/2017, постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08 февраля 2018 г. № 10АП-20407/2017 по делу № А41-16332/16 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

[317] См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 ноября 2024 г. № Ф04-4/2024 по делу № А45-16626/2022, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05 декабря 2023 г. № Ф09-7202/23 по делу № А60-14808/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

признания недействительными решений общего собрания участников[318], возврата акций в порядке ст. 149.3 ГК РФ[319].

Также необходимо заметить, что восстановление корпоративного контроля как способ защиты применяется не только в случаях утраты прав на акции (долю в уставном капитале). Так, суды к числу неправомерных действий, вследствие которых может быть утрачен корпоративный контроль, относит увеличение уставного капитала, направленного на «размывание» доли участия в хозяйственном обществе. В рамках корпоративного спора суды указали, что дополнительная эмиссия акций фактически привела к уменьшению корпоративного контроля отдельных акционеров, и в целях защиты прав акционеров допустили применение в таком случае иска о восстановлении корпоративного контроля посредством признания решения общего собрания о проведении дополнительной эмиссии недействительным[320]. Таким образом, восстановление корпоративного контроля используется не только в целях восстановления прав на акции (долю в уставном капитале), но и в целях восстановления влияния на формирование воли корпорации[321].

Однако в науке примененный судами подход критикуется и обращается внимание на возможность защиты нарушенных прав в подобных случаях посредством оспаривания решений общего собрания общества, поскольку использование восстановления корпоративного контроля в таких случаях ведет к необоснованному увеличению сроков исковой давности[322]. С данной позицией концептуально можно согласиться, однако нужно заметить, что может возникнуть

---

[318] См.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01 июля 2022 г. по делу № А59-728/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

[319] См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 июля 2020 г. № Ф09-3972/17 по делу № А60-23030/2016, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08 ноября 2022 № Ф03-5521/2022 по делу № А51-16092/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

[320] См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06 апреля 2010 г. № 17536/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 7; определение Верховного Суда РФ от 25 августа 2015 г. по делу № 309-ЭС15-9427 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

[321] См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03 июня 2015 г. № Ф09-1883/14, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02 февраля 2017 г. по делу № А53-25178/2013 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 25 февраля 2025 г.).

[322] См.: *Маковская А. А.* Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты корпоративных прав. С. 113.

ситуация, при которой лицо не сможет восстановить корпоративный контроль посредством оспаривания решений общего собрания общества. В данном случае речь может идти о защите прав и законных интересов супруга (бывшего супруга) в случае увеличения уставного капитала, направленного на «размывание» доли участия в хозяйственном обществе. В соответствии с п. 2 ст. 34 СК РФ режим общего имущества супругов также распространяет свое действие на акции (доли в уставных капиталах) хозяйственного общества независимо от того, кто из супругов являлся их приобретателем. Презюмируется, что при осуществлении акционером (участником) принадлежащих ему корпоративных прав он действует с согласия своего супруга. При нарушении интересов супруга в соответствии с нормами семейного законодательства такие действия могут быть обжалованы. Но в силу норм корпоративного законодательства у супруга отсутствует право на оспаривание решения собрания, и в таким случае его права и законные интересы могут остаться без надлежащей защиты от заведомо недобросовестных действий другого супруга. Например, акционер (участник) общества посредством совершения корпоративных действий (таких, как увеличение уставного капитала и последующее перераспределение долей) может прикрывать сделку купли-продажи акций (доли в уставном капитале) в уставном капитале общества или иную сделку по распоряжению акциями (долей в уставном капитале) в уставном капитале, совершенную без согласия супруга[323]. На наш взгляд, в подобных ситуациях при доказанности недобросовестности акционера (участника) и контрагента по прикрываемой сделке, а также того факта, что такие действия были направлены на вывод акций (доли в уставном капитале) в уставном капитале из-под действия режима совместной собственности, допустимо использование супругом в качестве способа защиты своих интересов и прав, заключающихся в получении причитающейся ему действительной стоимости доли, восстановления корпоративного контроля.

---

[323] См.: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18 января 2023 г. № Ф02-6205/2022 по делу № А74-82/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 27 июля 2025 г.).

Представляется, что допустимость использования восстановления корпоративного контроля как способа защиты в случаях недобросовестного увеличения уставного капитала должна оцениваться судами в каждом отдельном случае с учетом соответствующих обстоятельств. Ограничиться в таких случаях оспариванием решений общих собраний об увеличении уставного капитала не представляется возможным, поскольку это не приведет к восстановлению нарушенных прав. В таком случае как раз целесообразно использовать восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав, утраченных вследствие увеличения уставного капитала.

Таким образом, применение восстановления корпоративного контроля как способа защиты прав не должно быть повсеместным и подменять собой иные, предусмотренные в ст. 12 ГК РФ способы защиты прав, поскольку может привести к необоснованному увеличению сроков исковой давности. В этой связи представляется, что восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав должно применяться исключительно в случаях, когда защита прав и законных интересов невозможна иным образом. При указанных обстоятельствах можно прийти к выводу о субсидиарном характере восстановления корпоративного контроля как способа защиты нарушенных прав.

В соответствии с п. 3 ст. 65.2 ГК РФ обратиться в суд с требованием о восстановлении корпоративного контроля может только акционер (участник), утративший его не по своей воле. Иные лица (например, кредиторы или бенефициар) данное требование заявить не могут[324]. Вместе с тем в науке встречается критика указанного подхода, обоснованная наличием у таких лиц собственного интереса в восстановлении корпоративного контроля (например, кредитор заинтересован в восстановлении корпоративного контроля в целях удовлетворения своих требований за счет утраченных акций (доли участия))[325]. Как было обосновано ранее, в исключительных случаях с требованием о

---

[324] См.: определения Верховного Суда РФ от 07 марта 2017 г. № 308-ЭС16-15069 по делу № А61-1579/2015, от 26 апреля 2019 г. № 305-ЭС19-5828 по делу А40-94983/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 27 февраля 2025 г.).

[325] См.: *Леонтьев Н. В.* Проблемы применения статьи 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации в контексте восстановления корпоративного контроля // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 67.

восстановлении корпоративного контроля может обратиться супруг акционера (участника) хозяйственного общества. Таким образом, требование о восстановлении корпоративного контроля могут заявлять не только акционеры (участники) хозяйственного общества.

В предмет доказывания по искам о восстановлении корпоративного контроля входят следующие обстоятельства[326]:

- утрата доли участия помимо воли законного владельца. К таким случаям можно отнести утрату доли участия вследствие «размытия» акций при реорганизации в форме преобразования акционерного общества в общество с ограниченной ответственностью[327], незаконного исключения участника из общества и последующей продажи обществом доли в уставном капитале другому участнику или третьему лицу[328], принятия незаконного решения о переходе доли к обществу в связи с неоплатой доли в уставном капитале[329], принятия незаконного решения об увеличении уставного капитала общества за счет внесения дополнительных вкладов отдельными участниками и о перераспределении долей в уставном капитале, в результате чего доля одного участника уменьшилась[330], принятия незаконного решения о распределении долей общества при выходе из него участника в отсутствие кворума[331], фактического исключения из состава участников на основании протокола общего собрания участников[332];

---

[326] См.: определения Верховного Суда РФ от 09 июля 2018 г. № 305-ЭС18-9335, от 24 января 2018 г. № 307-ЭС17-20721 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025 г.).

[327] См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 марта 2018 г. по делу № А41-61651/17, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 октября 2020 г. по делу № А05-2467/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025 г.).

[328] См.: определение Верховного Суда РФ от 25 октября 2022 г. №305-ЭС22-12747; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08 июня 2020 г. по делу № А83-12197/2018, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02 октября 2017 г. по делу № А05-111/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025 г.).

[329] См.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16 января 2023 г. по делу № А83-17837/2021, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04 августа 2021 г. по делу № А72-5361/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025.).

[330] См.: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17 ноября 2015 г. по делу № А38-4858/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025 г.).

[331] См.: постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 01 июня 2021 г. по делу № А19-19470/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025 г.).

[332] См.: постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 марта 2023 г. по делу № А81-4887/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025 г.).

- возвращение законному владельцу доли участия не приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие общественно значимые последствия.

В случае если судом при рассмотрении иска о восстановлении корпоративного контроля будет установлено, что возврат законному владельцу доли участия приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие общественно значимые последствия, то в удовлетворении требования о возврате доли участия будет отказано с выплатой истцу справедливой компенсации, определенной судом. Однако ни в законодательстве, ни правоприменительной практикой не выработан порядок определения справедливой компенсации. Непонятно, какая стоимость доли участия будет учитываться при определении справедливой компенсации: номинальная стоимость, стоимость приобретения или действительная стоимость. Отсутствие законодательных норм или разъяснений правоприменительной практики по вопросу определения справедливой компенсации может привести к возникновению правовой неопределенности и отсутствию единообразия судебной практики, а также в принципе к неприменению данных положений судами ввиду их неопределенности.

Как было отмечено ранее, частным случаем восстановления корпоративного контроля является требование о возврате акций в порядке ст. 149.3 ГК РФ[333]. До включения в ГК РФ ст. 149.3, предусматривающей специальные правила защиты прав правообладателей бездокументарных ценных бумаг, к данным отношениям суды по аналогии применяли правила о виндикации (ст. 301 и 302 ГК РФ). Так, в п. 7 Обзора практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций[334], предусмотрено, что требование о возврате акций у добросовестного приобретателя носит виндикационный характер и может быть удовлетворено только при доказанности условий, предусмотренных в ст. 302 ГК

[333] См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 июля 2020 г. № Ф09-3972/17 по делу № А60-23030/2016, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08 ноября 2022 г. № Ф03-5521/2022 по делу № А51-16092/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 26 февраля 2025 г.).

[334] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 апреля 1998 г. № 33.

РФ. В дальнейшем данная позиция получила распространение в судебной практике[335]. Однако в науке критиковался подход о применении в отношении бездокументарных бумаг правил о виндикации[336]. Так, в соответствии со ст. 301 ГК РФ истребовать из чужого незаконного владения возможно лишь индивидуально-определенную вещь, в то время как бездокументарные ценные бумаги (в том числе акции) к числу таких вещей не относятся. Бездокументарные ценные бумаги в принципе не являются вещами, а являются лишь записями на определенном носителе об объеме прав правообладателя. В этой связи применение правил о виндикации к бездокументарным ценным бумагам представляется не совсем корректным, поскольку их невозможно истребовать в порядке ст. 301 ГК РФ. В 2013 г. ГК РФ был дополнен специальными правилами, касающимися защиты прав правообладателей бездокументарных ценных бумаг[337]. Однако на практике нередко данные требования приравниваются к виндикационным[338].

В соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 149.3 ГК РФ акционер, утративший акции, вправе требовать возврата у лица, которое неправомерно завладело ими, такого же количества соответствующих акций. В гражданском законодательстве акции рассматриваются как имущество, определяемое родовыми признаками, возврат акций осуществляется без их индивидуализации, необходимо лишь совпадение категории, типа, вида и количества утраченных и возвращенных акций. При истребовании акций, приобретенных на основании безвозмездной сделки у лица, которое не имело права их отчуждать, отсутствует необходимость доказывания недобросовестности приобретателя акций (абз. 3 п. 1 ст. 149.3 ГК РФ). В случае если акции были конвертированы (например, конвертация привилегированных акций в обычные), правообладатель вправе требовать возврата акций, в которые

---

[335] См.: постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 августа 2006 г. № 1877/06, от 05 сентября 2006 г. № 4375/06, от 14 июля 2009 г. № 5194/09, от 09 марта 2011 г. № 13815/10, от 20 марта 2012 г. № 14989/11, от 10 апреля 2012 г. № 15085/11 // СПС КонсультантПлюс.

[336] См., например: *Белов В. А.* К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. 2006. № 7. С. 86–93.

[337] Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

[338] См., например: определение Верховного Суда РФ от 28 марта 2022 г. № 303-ЭС22-1986 по делу № А59-7663/2018, постановление Арбитражного суда Московского округа от 03 августа 2018 г. № Ф05-11920/2018 по делу № А41-72972/17 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 27 февраля 2025 г.).

были конвертированы списанные с его счета акции (п. 2 ст. 149.3 ГК РФ). Также в абз. 2 п. 1 ст. 149.3 ГК РФ установлено специальное правило в части невозможности истребования акций, приобретенных на организованных торгах, у добросовестного приобретателя. Данное исключение направлено на усиление защиты добросовестных приобретателей и на повышение доверия к биржевым площадкам[339].

По результатам анализа ст. 149.3 ГК можно выделить следующие условия для удовлетворения иска о возврате акций:

1) доказанность факта обладания спорными акциями до их неправомерного списания;

2) отсутствие законных оснований для списания спорных акций;

3) обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности приобретателя (в случае заявления требования о возврате акций, приобретенных на организованных торгах).

Возврат акций правообладателю должен влечь за собой восстановление всего комплекса прав, связанных с членством в акционерном обществе. Особый интерес представляет проблема оспаривания корпоративных решений общества, которые были приняты в период, когда акционер был лишен прав участия в обществе. Права, закрепленные акцией, переходят к ее приобретателю с момента перехода прав на акцию, т.е. с момента внесения приходной записи по счету депо приобретателя или его лицевому счету в реестре акционеров[340]. Так, неуправомочное лицо с момента зачисления акций на его счет приобретает возможность осуществлять все права, предоставляемые акциями, в частности, участвовать в общих собраниях акционеров, а также получать дивиденды.

В законе предусмотрены специальные последствия удовлетворения требования о возврате акций. Так, правообладатель получает право:

---

[339] См.: *Русанова В. А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ в свете изменений Гражданского кодекса Российской Федерации / Корпоративное право: актуальные проблемы / Под ред. Д.В. Ломакина. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 185.

[340] См.: ч. 4 ст. 29 Федерального закона от 22 апреля 1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

- требовать всего полученного по ценной бумаге (п. 1 ст. 149.4, п. 5 ст. 147.1 ГК РФ), т.е. требовать возврата дивидендов правообладателю, которые были получены неуправомоченным лицом во время обладания акциями. Стоит отметить, что специальные положения ст. 149.4 ГК РФ обладают приоритетом над общими правилами о возврате неосновательного обогащения. Заявить подобные требования можно как к недобросовестному, так и к добросовестному приобретателю акций. От недобросовестного приобретателя возможно требовать всего полученного по акциям и возмещения убытков, а от добросовестного приобретателя – всего полученного по акциям со времени, когда он узнал или должен был узнать о неправомерности владения акциями или получил уведомление суда о предъявлении к нему иска об истребовании акций. Таким образом, решение вопроса о возврате дивидендов решается в зависимости от обстоятельств, свидетельствующих о добросовестности неправомочного лица. Данные положения закона представляют собой дополнительную гарантию защиты прав акционера;

- оспорить решение собрания, в котором принимало участие неправомочное лицо (п. 2 ст. 149.4 ГК РФ). Установление возможности оспаривания решений собраний в случае удовлетворения требований о возврате акций было обусловлено необходимостью предотвращения большого количества рейдерских захватов, в результате осуществления которых принимались решения о реорганизации или ликвидации акционерного общества.

Отметим, что заявление подобных требований возможно только в случае возврата акций в порядке ст. 149.3 ГК РФ, а не ст. 301 ГК РФ. Таким образом, данный способ защиты также направлен на восстановление корпоративного контроля.

По результатам анализа восстановления корпоративного контроля как способа защиты корпоративных прав можно сделать следующие выводы.

На основе существующих подходов в действующей правоприменительной практике и научной литературе предлагается рассматривать *восстановление корпоративного контроля* как специальный случай восстановления положения,

существовавшего до нарушения, целью которого является не только возврат утраченных акций (долей в уставных капиталах), но и восстановление утраченного в результате неправомерных действий корпоративного контроля посредством приведения сторон в положение, существовавшее до нарушения.

Диссертантом выделены следующие особенности восстановления корпоративного контроля как способа защиты: 1) требование о восстановлении корпоративного контроля может быть заявлено не только участником хозяйственного общества, но и иными лицами (например, супругом, в том числе бывшим); 2) невозможность применения в отрыве от иных способов защиты права, поименованных в ст. 12 ГК РФ, и комплексный характер, заключающийся в применении в рамках иска о восстановлении корпоративного контроля в различных комбинациях таких общих способов защиты права, как оспаривание сделок, решений общего собрания общества и др.; 3) возможность применения восстановления корпоративного контроля как способа защиты права исключительно в случаях, когда защита прав не может быть обеспечена иными способами.

Автором отмечено, что корпоративный контроль может быть утрачен вследствие как совершения одного деяния (например, недобросовестное увеличение уставного капитала), так и последовательно совершенных деяний (например, дополнительная эмиссия акций, перераспределение акций между другими участниками, проведение реорганизации общества).

Помимо этого, автором обоснована целесообразность применения восстановления корпоративного контроля в случаях недобросовестного увеличения уставного капитала (дополнительной эмиссии акций), а также отмечено, что допустимость использования восстановления корпоративного контроля как способа защиты в таких случаях должна оцениваться судами в каждом отдельном случае с учетом соответствующих обстоятельств (например, к ним можно отнести обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении сторонами правом, об отсутствии экономических предпосылок для увеличения уставного капитала (дополнительной эмиссии акций).

Закрепленная в ГК РФ возможность замены реституции корпоративного контроля на денежную компенсацию является инструментом гармонизации частных и публичных интересов. Отказ от жесткого следования принципу property rule в пользу liability rule позволяет правопорядку нивелировать риски дестабилизации деятельности общества, а также ущемления прав добросовестных третьих лиц, возникающие при возврате долей, сохраняя при этом имущественную ценность актива для пострадавшего участника.

§ 4. Защита прав и законных интересов миноритарных акционеров (участников) при смене корпоративного контроля

В условиях стремительно развивающегося рынка капитала важность защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров при переходе корпоративного контроля становится актуальной проблемой. Переход корпоративного контроля несет в себе риски для владельцев миноритарных долей, в связи с чем необходимо исследовать правовые механизмы, которые обеспечивают сохранение баланса интересов и защиту прав и законных интересов миноритариев.

Как было отмечено ранее, установление корпоративного контроля в хозяйственном обществе может спровоцировать возникновение конфликта интересов между контролирующим лицом и участниками подконтрольного общества. Это обусловлено тем, что лицо, обладающее контролем, пользуется возможностью определять решения общества, обладая большинством голосов, назначать руководящий менеджмент, тем самым преследовать свой собственный интерес, игнорируя интересы других участников. Так, миноритарий утрачивает возможность участвовать в управлении делами корпорации. Однако наличие в обществе контролирующего акционера само по себе не предполагает возникновения конфликта интересов между ними[341].

[341] См.: *Дедов Д. И.* Конфликт интересов. С. 117.

В данном контексте необходимо обратиться к позиции Конституционного Суда РФ, в которой был зафиксирован приоритет интересов контролирующих лиц[342]. В определении было отмечено, что федеральный законодатель обеспечивает права миноритарных акционеров, исключая при этом возможность злоупотребления ими своими правами. Так, в случае, когда есть контролирующее лицо, большинство управленческих прав не может быть реализовано миноритариями в своих интересах, голосование миноритарного участника на общем собрании в такой ситуации не влияет на формирование воли общества. Можно констатировать, что в практике Конституционного Суда РФ устоялся подход к приоритету интересов мажоритария в случае конкуренции интересов мажоритарного и миноритарного участников общества.

Таким образом, потенциальная возможность возникновения конфликта интересов, перерастающего в корпоративный конфликт, при переходе корпоративного контроля требует механизмов, направленных на защиту прав и законных интересов миноритарных участников хозяйственных обществ.

Защита прав миноритарных акционеров публичного акционерного общества при ненаправлении приобретателем контрольного пакета акций обязательного предложения

Защита прав акционеров от недобросовестных действий со стороны приобретателя крупного пакета акций (более 30, 50, 75% от общего количества акций), направленных на приобретение корпоративного контроля в обществе, является одной из наиболее актуальных и значимых проблем современного корпоративного права. Само по себе наличие контроля позволяет контролирующему участнику извлекать выгоду из деятельности общества[343], а указанные пороги – это частный случай приобретения корпоративного контроля в акционерном обществе[344]. Также необходимо отметить, что миноритарные

---

[342] См.: определение Конституционного Суда РФ от 02 ноября 2011 г. № 1486-О-О «По жалобе гражданина Саттарова Шавката на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 81 и пункта 1 статьи 84 Федерального закона “Об акционерных обществах”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01 марта 2025 г.).

[343] См.: *Manne H. G.* Mergers and the Market for Corporate Control. P. 112.

[344] См.: *Usher J.A., Pender R.* Penderand Usher's Cases& Materials on the Law of European Communities. Butterworths, 1993. P. 11.

участники de facto больше подвержены нарушению их прав и законных интересов, поскольку часто голос миноритария не влияет на принятие решений, фактически он не оказывает влияние на деятельность корпорации.

Защита интересов миноритарных акционеров направлена не нивелирование правовой неопределенности, которую влечет за собой смена контроля над обществом, в виде возможного изменения стратегии и основных направлений в деятельности общества. При этом направление обязательного предложения не ставится в зависимость от того, будут происходить в дальнейшем какие-либо изменения в обществе или нет (указанные изменения подразумеваются)[345].

Институт обязательного предложения направлен на защиту прав и законных интересов миноритарных акционеров. Так, в Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза «О предложениях по поглощению» от 21 апреля 2004 г. № 2004/25/ЕС[346] направление обязательного предложения определено как средство защиты миноритарных акционеров компании, акции которой приобретаются. Стоит отметить, что российский законодатель ориентировался на положения Директивы № 2004/25/ ЕС при разработке гл. XI.1 Закона об АО в 2006 г.

Конституционный Суд РФ, осуществляя проверку конституционности положений ст. 84.2 Закона об АО, отметил, что целями обязательного предложения является соблюдение баланса интересов приобретателя контрольного пакета и миноритарных акционеров, а также защита прав миноритарных акционеров путем предоставления им возможности возвратить сделанные ими инвестиции (посредством выкупа принадлежащих им акций по справедливой цене)[347].

Обязательное предложение направлено на снижение рисков миноритарных акционеров, связанных с переходом корпоративного контроля, а уплата

---

[345] Указанное толкование дано в определениях Верховного Суда РФ от 24 сентября 2015 г. № 309-КГ15-11571 (Верховный Суд РФ. URL: http://www.supcourt.ru) и от 28 сентября 2015 г. № 309-КГ15-11120 (Верховный Суд РФ. URL: http://www.supcourt.ru).

[346] Официальный сайт законодательства Европейского союза. URL: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/25/oj/ (дата обращения: 01 марта 2025 г.).

[347] См.: определение Конституционного Суда РФ от 06 июля 2010 г. № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Атлант-Эстейт” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 84.2 Федерального закона “Об акционерных обществах”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01 марта 2025 г.).

справедливой цены компенсирует утрату акций. Можно предположить, что баланс интересов приобретателя контроля и миноритария соблюдается, права и законные интересы последнего надлежащим образом защищены, однако в настоящее время в российском законодательстве остается ряд проблем, требующих разрешения.

Важно отметить, что проблематика защиты прав и законных интересов миноритарных участников корпораций не остается без внимания законодателя. Предпринимаются попытки разработать эффективную систему механизмов защиты прав и законных интересов миноритариев, в частности, неоднократно в Государственную Думу РФ вносились законодательные инициативы[348], направленные на закрепление права миноритария требовать направления обязательного предложения о выкупе акций при совершении сделок по приобретению крупных пакетов акций публичных акционерных обществ. В настоящее время регулирование сделок с крупными пакетами акций публичных компаний находится на стадии реформирования, большинство положений, предлагаемых Законопроектом № 519694-8 и находящихся на рассмотрении в Государственной Думе РФ, направлено на защиту прав миноритариев.

В первую очередь необходимо выделить проблему недобросовестного уклонения приобретателя крупного пакета акций от направления обязательного предложения. В действующий редакции Закона об АО не предусмотрено право миноритария принудить мажоритария направить обязательное предложение в случае, если последний не исполнил свою обязанность. Тем не менее законодательством предусмотрены санкции за нарушение мажоритарием обязанности направить оферту в предусмотренный законом срок: во-первых, ограничение количества акций, которыми мажоритарий может голосовать (п. 6 и 7 ст. 84.2 Закона об АО), во-вторых, наложение административного штрафа (ст. 15.28

[348] О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах», Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации (в части совершенствования порядка приобретения акций публичного общества): проект федерального закона № 519694-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/519694-8; О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования правового регулирования приобретения крупных пакетов акций публичных акционерных обществ): проект федерального закона № 1036047-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1036047-6. (дата обращения: 10 февраля 2025 г.).

КоАП РФ). Безусловно, обе меры, влекут неблагоприятные последствия для мажоритария, однако не понуждают приобретателя крупного пакета акций направить обязательное предложение. Такие меры не создают существенных ограничений для корпоративного контроля, а также не препятствуют покупке акций у миноритариев по заниженной цене. Кроме того, оплата штрафа за совершение административного нарушения часто экономически выгоднее для мажоритария чем покупка акций миноритариев по справедливой цене.

Пробелы в правовом регулировании последствий ненаправления обязательного предложения способствуют возникновению конфликта интересов миноритарных акционеров и инвесторов. Приобретатель крупного пакета акций, не направляя обязательное предложение, нарушает право миноритарных акционеров на компенсацию из вложений в компанию по справедливой цене. При этом у миноритариев отсутствует право требовать направления оферты, что создает условия для недобросовестного поведения со стороны мажоритария.

Стоит отметить, что ранее предпринимались попытки закрепить право миноритария требовать направления обязательного предложения о выкупе акций в случае ненаправления оферты в установленный законом срок. Однако Законопроект № 1036047-6 был отклонен во втором чтении. Новый Законопроект № 519694-8 также закрепляет в ст. 84.2 право миноритария требовать у приобретателя крупного пакета акций направить обязательное предложение, а также требовать возмещения убытков и (или) приобретения акций. Однако представители Министерства юстиции высказываются против закрепления такого права у миноритариев и признают его ухудшающим положение приобретателя акций, аргументируя это тем, что снижение прав голоса бенефициара является достаточной мерой ограничения корпоративного контроля, и тем, что у приобретателя крупного пакета акций могут отсутствовать финансовые ресурсы для выкупа акций по требованию акционеров[349]. С нашей точки зрения, представляется целесообразным закрепление в законодательстве об акционерных

[349] URL: https://www.rbc.ru/economics/20/12/2023/6580435f9a794761861fa1c6 (дата обращения: 10 февраля 2025 г.).

обществах права требования направления обязательно предложения, поскольку действующее правовое регулирование данного вопроса не предоставляет надлежащего способа защиты прав миноритарных акционеров. Создается ситуация, в которой миноритарию затруднительно реализовать свое право на справедливую компенсацию за свой вклад в общество.

Несмотря на то что в Законе об АО многие вопросы защиты прав миноритариев остались без внимания, судебная практика выработала подходы, позволяющие защитить права миноритарных акционеров. Ввиду отсутствия закрепления в законодательстве права миноритария требовать у приобретателя крупного пакета акций направления обязательного предложения, на практике широкое распространение получило взыскание убытков у мажоритария как способа защиты прав и законных интересов миноритария на получение справедливой компенсации при переходе корпоративного контроля.

Так, в случае если приобретатель крупного пакета акций не направляет обязательное предложение, а миноритарий продает свои акции на организованных торгах по цене ниже справедливой, последний может защитить свои нарушенные права и интересы посредством взыскания с мажоритария убытков в виде упущенной выгоды. В судебной практике упущенной выгодой признается разница между ценой акций по договору, на основании которого мажоритарий приобрел акции выше порогового значения, и ценой акций, по которой миноритарный акционер продал свои акции на бирже[350]. Также миноритарный акционер, осуществивший отчуждение принадлежащих ему акций в пользу третьих лиц на бирже, может заявить требование о взыскании убытков в виде упущенной выгоды с приобретателя крупного пакета акций в случае, если последний нарушил сроки направления оферты. Судебной защите подлежит в том числе право миноритарных акционеров получить в установленный законодательством срок справедливую цену за свои акции, реализуемое в строгом соответствии с процедурой,

[350] См.: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27 июля 2017 г. № Ф02-3457/2017 по делу № А19-17165/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 09 февраля 2025 г.).

установленной ст. 84.2 Закона об АО[351]. Суды признают право миноритарного акционера на взыскание упущенной выгоды в случае, если приобретатель крупного пакета акций занизил цену акций в обязательном предложении, а миноритарий, будучи несогласным со стратегией нового контролирующего акционера, акцептовал оферту по такой цене[352]. Аналогичная позиция встречается и в немецкой судебной практике. Так, Верховным судом ФРГ было установлено, что цена акций в обязательном предложении, направленном Deutsche Bank AG в Deutsche Postbank AG, в размере 25 евро за акцию не соответствовала закону в части определения справедливой цены, поскольку было установлено, что в дальнейшем Deutsche Bank AG заключил с другим крупным акционером договор о приобретении акций в несколько этапов, и в одном из наиболее поздних этапов цена составляла 57,25 евро[353].

Также в судебной практике был разрешен вопрос об определении цены акций. Суд указал, что последующее объективное изменение цены акций не должно учитываться при направлении обязательного предложения[354]. Цена акций должна быть зафиксирована на момент возникновения у приобретателя крупного пакета обязанности направить остальным участникам оферту, а не на дату фактического направления предложения. Таким образом права и законные интересы миноритария защищаются от недобросовестных действий мажоритария, который намеревается направить обязательное предложение, когда цена на акции снизится. Стоит отметить, что ранее суды придерживались противоположной позиции, определяя цену акций на момент фактического направления оферты.

Таким образом, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что выработался механизм защиты прав и законных интересов миноритарных

---

[351] См.: постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 25 февраля 2020 г. № 04АП-97/2020 по делу № А19-18624/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 09 февраля 2025 г.).

[352] См.: определение Верховного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 302-ЭС20-918 по делу № А19-21663/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 09 февраля 2025 г.).

[353] BGH, Urteil vom 13.12.2022 – II ZR 14/21 // URL: https://openjur.de/u/2462500.html (дата обращения: 09 февраля 2025 г.).

[354] См.: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18 марта 2020 г. № Ф02-1189/2020 по делу № А19-17443/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 09 февраля 2025 г.).

акционеров на получение справедливой компенсации при смене контролирующего акционера. Законопроект № 519694–8 прямо предусматривает право миноритарного акционера требовать возмещения причиненных убытков при нарушении мажоритарием обязанности направить обязательное предложение, а также право требовать приобретения всех или части принадлежащих владельцу ценных бумаг по цене, определенной в соответствии с требованиями закона. Представляется, что закрепление таких способов защиты для миноритариев будет способствовать предотвращению недобросовестного поведения со стороны приобретателей корпоративного контроля над акционерным обществом, действия которых направлены на покупку акций миноритариев по заниженной цене или на то, чтобы не выкупать акции вовсе.

В правовой доктрине можно встретить позицию, согласно которой в условиях отсутствия обязательного предложения продажа акционерами акций третьим лицам по цене ниже той, которая была бы указана в обязательном предложении, не свидетельствует о нарушении приобретателем контрольного пакета порядка приобретения акций, поскольку сделки по приобретению акций между ним и акционером не было[355]. Однако, на наш взгляд, данный подход противоречит самой цели установления обязанности приобретателя крупного пакета акций направить обязательное предложение другим акционерам, поскольку игнорирование этой обязанности нарушает права и законные интересы миноритариев на получение справедливой стоимости акций.

В контексте направления обязательного предложения при приобретении крупного пакета акций необходимо рассмотреть вопрос об определении лица, обязанного направить оферту в случае, если порог владения акциями был преодолен аффилированными обществами совместно. Буквальное толкование п. 1 ст. 84.2 Закона об АО позволяет сделать вывод о том, что обязанность направить оферту возлагается на лицо, которое посредством самостоятельного приобретения непосредственно преодолело порог в 30, 50, 75% от общего количества акций.

---

[355] См.: *Гутников О. В., Синицын С. А.* Убытки как мера ответственности за ненаправление обязательного предложения акционерам публичного общества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 60.

Однако если обратиться к судебной практике, можно встретить позицию, согласно которой не исключается обязанность иных аффилированных лиц по направлению обязательного предложения, в связи с чем к административной ответственности по ст. 15.28 КоАП РФ было привлечено аффилированное с непосредственным приобретателем лицо[356].

Сформированная судебной практикой позиция о возложении обязанности направить обязательное предложение не только на приобретателя акций, преодолевшего порог владения, но и на аффилированных лиц, несмотря на противоречие буквальному толкованию норме закона, на наш взгляд, способствует более эффективной защите прав миноритарных акционеров, поскольку предоставляет возможность для предъявления требований любому аффилированному с приобретаем лицу (например, к наиболее платежеспособному лицу).

В правовой литературе можно найти аналогичную позицию. Так, А. А. Кузнецов предлагал включение в Закон об АО права акционеров обратиться с требованием к любому из аффилированных лиц в случае неисполнения приобретателем крупного пакета акций обязанности направить обязательное предложение или в случае несогласия с ценой, указанной в предложении[357]. Закрепление подобной нормы в законодательстве предоставит миноритариям дополнительный механизм, который будет способствовать более эффективной защите прав и законных интересов миноритарных акционеров. Возложение обязанности направления обязательного предложения на лиц, аффилированных с непосредственным приобретателем акций, отвечает смыслу и целям института обязательного предложения.

Законопроект № 519694–8 также содержит изменения в части определения круга обязанных лиц делать обязательное предложение. Авторами законопроекта предлагается заменить понятие «аффилированность лица» на «связанные лица».

---

[356] См.: постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2019 г. № 12АП-9667/2019 по делу № А57-612/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 09 февраля 2025 г.).

[357] См. *Кузнецов А. А.* О реформировании правил приобретения крупных пакетов акций ПАО // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. С. 136.

Понятие «связанные лица» является более широким, чем понятие «аффилированные лица», включает в себя больше категорий лиц, имеющих общий экономический интерес и обладающих возможностью определять волю друг друга. Такое изменение обосновывается тем, что при поглощении компании должно учитываться приобретение не только прямого контроля, но и косвенного. В законопроекте № 519694–8 закрепляется положение о солидарной ответственности связанных лиц в случае ненаправления обязательного предложения.

По результатам анализа законопроекта № 519694–8 представляется возможным сделать вывод о том, что его положения закрепляют механизмы защиты прав миноритарных акционеров, сложившиеся на практике, а его принятие законопроекта № 519694–8 будет способствовать более эффективной защите прав миноритарных акционеров при поглощениях.

Выкуп акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества по требованию акционера (участника)

Требование выкупа акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества по требованию акционера (участника) является одним из способов защиты прав миноритарных акционеров (участников) при принятии контролирующими участниками общества решений, не отвечающих интересам миноритариев. Необходимо заметить, что в данном случае не имеется в виду незаконность принятых решений. Именно для таких случаев предусмотрен специальный способ защиты – выкуп акций (доли в уставном капитале) хозяйственного общества (ст. 75 Закона об АО и ст. 23 Закона об ООО).

К числу оснований для заявления акционерами (участниками) данного требования в контексте защиты прав миноритариев при смене (перераспределении) корпоративного контроля относятся, во-первых, принятие общим собранием акционеров (участников) общества решения о реорганизации акционерного общества, вследствие которой может быть перераспределен корпоративный контроль, во-вторых, принятие решения об увеличении уставного капитала, следствием которого также будет являться перераспределение корпоративного контроля, в-третьих, внесение изменений и дополнений в устав или утверждение

устава в новой редакции, ограничивающих их права, в-четвертых, изменение публичного статуса акционерного общества в случаях, если акционеры голосовали против принятия такого решения или не принимали участие в голосовании. Согласно сложившейся судебной практике право требовать выкупа не возникает у акционеров, выбравших при голосовании вариант «воздержался», поскольку они считаются принявшими участие в голосовании[358].

В Законе об АО и Законе об ООО по-разному сформулированы условия для заявления требования о выкупе акций (доли в уставном капитале). Например, при принятии решения об увеличении уставного капитала посредством дополнительной эмиссии акций и последующем внесении изменений в устав у акционера не всегда возникает право требовать выкупа акций в случае, если он голосовал против указанных решений или не участвовал голосовании. Для реализации права требовать выкупа акций акционеру необходимо будет доказать, что принятыми решениями ограничиваются его права. Примечательно, что принятие решения об увеличении уставного капитала автоматически не приводит к возникновению у акционера права требовать выкупа акций. Данное право возникает в случае, если с увеличением уставного капитала одновременно вносятся изменения в устав акционерного общества. Вместе с тем в обществах с ограниченной ответственностью данная проблема отсутствует, поскольку п. 2 ст. 23 Закона об ООО прямо предусмотрено, что право выкупа доли в уставном капитале возникает у участника при принятии общим собранием решения об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов участниками общества вне зависимости от каких-либо дополнительных факторов – ограничения прав участников или внесения изменений в устав.

Также в Законе об ООО предусмотрена специальная гарантия, препятствующая блокированию участника в обществе, в том числе при смене корпоративного контроля в обществе. Так, общество обязано приобрести по требованию участника принадлежащие ему долю в уставном капитале или часть

---

[358] См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01 июня 2004 г. № 1098/04 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 9.

доли в случае, если: 1) в уставе общества предусмотрен запрет на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам и другие участники общества отказались от приобретения доли в уставном капитале; 2) согласно уставу допускается отчуждение доли участнику или третьему лицу с согласия других участников, однако согласие на отчуждение доли в уставном капитале не получено (абз. 1 п. 2 ст. 23 Закона об ООО).

Вместе с тем в Законе об ООО не предусмотрена возможность права выкупа обществом доли в уставном капитале при принятии общим собранием решения о реорганизации общества и внесении изменений и дополнений в устав общества или принятии устава в новой редакции, ограничивающих права участника общества. Представляется, что отсутствие данных оснований для требования выкупа доли в уставном капитале обусловлено тем, что данные решения принимаются либо единогласно, либо при согласии участников, чьи права могут быть ограничены.

Добровольный выход участника из состава участников корпорации

Следующим способом защиты прав миноритарного участника общества при смене корпоративного контроля является выход участника из состава общества с ограниченной ответственностью. В доктрине корпоративного права проблематика добровольного выхода участника из состава участников корпорации неоднократно становилась предметом научного анализа. Юридической оценке подвергались заявления о выходе из общества, расчет и сроки выплаты, основания отказа в выплате, порядок перехода доли к обществу и другие вопросы[359].

Институт добровольного выхода участника из состава корпорации является специфическим инструментом, присущим правовой конструкции обществ с ограниченной ответственностью (закрытых корпораций). Его телеологическое назначение заключается в обеспечении баланса между intuitu personae природой

[359] Напр., см.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». В 2 т. / Под ред. И. С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 1. 622 с.; *Лаптев В. А.* Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3–36; *Илюшина М. Н.* Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: формы внешнего и внутреннего контроля // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 5. С. 20 - 25; *Тарасов К. А., Бруцкий А. В.* Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 181 – 212; и др.

объединения лиц, предполагающей высокую степень доверия, и необходимостью защиты имущественных интересов инвестора в условиях отсутствия публичного рынка обращения долей. Институт выхода служит механизмом преодоления ситуации, когда миноритарный участник оказывается фактически заперт в непубличной корпорации. Рассматриваемый механизм обеспечивает ликвидность инвестиций, гарантируя миноритарию право конвертировать свою корпоративную долю в денежный эквивалент (действительную стоимость) при утрате доверия к партнерам.

В ст. 26 Закона об ООО предусмотрено, что право на выход из общества реализуется участником независимо от получения от других участников согласия, однако такое право должно быть предусмотрено в уставе. Таким образом, в уставе возможно установить запрет на выход из общества. Однако установление запрета на выход не помешает участнику, желающему выйти и состава общества, воспользоваться правом требовать выкупа доли в уставном капитале при наличии обстоятельств, указанных в абз. 1 п. 2 ст. 23 Закона об ООО.

Основной и наиболее острой проблемой добровольного выхода участника из ООО является проблема справедливой оценки стоимости доли. Проблема заключается в фундаментальном разрыве между юридической формой (данные бухгалтерского учета) и экономическим содержанием (реальная рыночная цена бизнеса). В реальности бухгалтерский баланс может не отражать реальную стоимость бизнеса, а такие ценности как клиентская база, деловая репутация (гудвилл), налаженные бизнес-процессы, бренд часто вообще не отражаются в балансе или имеют нулевую стоимость.

Однако Федеральным законом от 28 декабря 2025 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[360] (далее – Закон № 514-ФЗ) внесены фундаментальные изменения в механизм определения действительной стоимости доли при выходе или исключении участника из ООО, а также в иных случаях перехода доли к обществу. Данная

[360] СЗ РФ. 2025. № 52 (часть I). Ст. 8301.

реформа стала законодательным ответом на многолетнюю дискуссию между «бухгалтерским» (балансовым) и «экономическим» (рыночным) подходами к оценке бизнеса, разрешив одну из самых острых проблем корпоративной практики – проблему разрыва между балансовой и рыночной стоимостью.

Общее правило о расчете действительной стоимости доли по данным бухгалтерского учета формально сохраняется, но оно перестало быть безусловным: закреплено право участника или самого общества заявить возражения относительно расчета по балансу и в случае наличия таких возражений стоимость чистых активов для целей выплаты должна определяться на основании рыночной стоимости активов и обязательств общества.

Таким образом, можно констатировать, что российский законодатель отказался от фикции абсолютной достоверности бухгалтерского баланса, признав приоритет экономической сущности над учетной формой. Кроме того, возможность закрепить в уставе обязательность рыночной оценки без прохождения процедуры возражений свидетельствует о повышении гибкости корпоративного законодательства. С процессуальной точки зрения данная новелла трансформирует предмет доказывания в корпоративных спорах. Если ранее ключевой правовой дилеммой являлась сама допустимость использования рыночного подхода вместо балансового, то теперь судебное разбирательство сосредоточится на оценке достоверности представленных отчетов об оценке и корректности примененной методологии расчета стоимости обязательств.

Изменение похода к регулированию вопроса определения действительной стоимости доли сближает российское регулирование с подходами западных правопорядков, повышая уровень защиты имущественных интересов миноритарных участников. Зарубежная доктрина исходит из того, что использование балансовой стоимости (book value) при расчетах с выходящим участником недопустимо, так как это ведет к неосновательному обогащению оставшихся участников. Как указывают Ф. Истербрук и Д. Фишел, право на выход по справедливой стоимости является заменой отсутствующего рыночного

механизма в закрытых корпорациях[361]. В судебной практике штата Делавэр данный подход выразился в отказе от применения скидок за миноритарный характер доли при определении «справедливой стоимости» (Fair Value)[362]. В Великобритании выход участника из частной компании (аналог ООО), построенной на личном доверии (quasi-partnerships), из-за конфликта рассматривается через призму «несправедливого ущемления» (unfair prejudice). В рамках защиты «несправедливого ущемления» суды Великобритании также придерживаются подхода, согласно которому выплата должна отражать стоимость доли в действующем бизнесе, а не ликвидационную стоимость активов[363]. Немецкое право исходит из принципа полной компенсации (Volle Abfindung). Верховный Суд ФРГ признает ничтожными условия уставов о выплате по балансовой стоимости при наличии существенного разрыва с рыночной ценой[364].

Можно сделать вывод, что при переходе корпоративного контроля право на выход выполняет компенсаторную функцию: оно предоставляет несогласному с новым мажоритарием участнику легальную возможность монетизировать свои инвестиции (получить действительную стоимость доли в уставном капитале) и прекратить корпоративную связь с обществом, управление которым перешло к нежелательным для него лицам. Вместе с тем реализация данного права сопряжена с рисками дестабилизации имущественного положения корпорации, что обуславливает необходимость жесткого законодательного регулирования порядка определения стоимости выплаты и условий её осуществления.

По результатам исследования способов защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров (участников) при смене корпоративного контроля можно сделать следующие выводы.

Механизмы защиты прав миноритарных акционеров при направлении приобретателем крупного пакета акций требует совершенствования, поскольку

---

[361] *Easterbrook F. H., Fischel D. R.* The Economic Structure of Corporate Law. Harvard University Press, 1991. P. 245.

[362] *Cavalier Oil Corp. v. Harnett*, 564 A.2d 1137 (Del. 1989) // Atlantic Reporter. 2d Ser. 1989. Vol. 564. P. 1137.

[363] *O'Neill v. Phillips* : [1999] 1 WLR 1092 // The Weekly Law Reports. 1999. Vol. 1. P. 1092.

[364] Bundesgerichtshof. Urteil vom 24.09.1984 II ZR 256/83 // Neue Juristische Wochenschrift (NJW). 1985. S. 192.

действующее правовое регулирование не обеспечивает эффективную защиту прав и законных интересов миноритариев. Представляется, что закрепление в законодательстве об акционерных обществах права требования направления обязательного предложения является необходимой мерой для оптимизации защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров при смене корпоративного контроля.

В настоящее время ведется активная работа по совершенствованию законодательства в области защиты прав миноритарных акционеров (участников) при переходе корпоративного контроля. Представляется, что принятие законопроекта № 519694-8, закрепляющего механизмы защиты прав миноритарных акционеров, в том числе выработанные судебной практикой, будет способствовать более эффективной защите прав миноритарных акционеров при поглощениях.

Добровольный выход из общества представляет собой специфический компенсационный механизм, призванный нивелировать риски миноритарных участников при смене корпоративного контроля. Закон № 514-ФЗ закрепил приоритет рыночной оценки над балансовой при наличии возражений сторон. Настоящее законодательное решение преодолевает фикцию «абсолютной достоверности баланса», повышает гибкость корпоративного регулирования и приближает институт выхода участника из общества к стандартам экономической справедливости, что безусловно способствует защите прав и законных интересов миноритарных участников.

Таким образом, для наиболее эффективной реализации корпоративных прав миноритарных участников хозяйственных обществ необходимо не только обеспечить их защиту в предусмотренном законом порядке, но и создать механизмы, которые препятствуют возникновению нарушений прав миноритариев. Защита и охрана прав миноритарных участников корпораций должна осуществляться исходя из реально существующих интересов всех участников общества и быть направлена на достижение баланса интересов миноритариев и мажоритариев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате произведенного исследования сформулированы следующие выводы и предложения.

В ходе анализа теоретических подходов к определению понятия «корпоративный контроль» автором отмечено, что корпоративный контроль является сложной экономико-правовой категорией и в правовой доктрине отсутствует универсальное понятие рассматриваемого термина, существуют различные позиции относительно того, что представляет данный феномен. Выявлено, что большинство теоретических подходов к пониманию сущности корпоративного контроля основано на том, что акции (доли в уставном капитале) предоставляют их владельцу комплекс управленческих и имущественных прав, связанных с членством в корпорации. Однако в данных подходах не учитываются иные основания (например, договор, фактическое влияние и др.) приобретения корпоративного контроля помимо обладания преобладающим участием в уставном капитале хозяйственного общества.

В этой связи автором предложено определение корпоративного контроля как объекта сделки, выявлены его особенности, а также проведено разграничение с понятиями «контроль за деятельностью общества» и «корпоративное управление». Отмечено, что контроль за деятельностью корпорации направлен на коррекцию деятельности подконтрольного субъекта, в то время как корпоративный контроль представляет собой влияние на формирование воли корпорации. Также автор пришел к выводу, что корпоративный контроль приобретает материально-правовое воплощение в рамках корпоративного управления, поскольку формирование воли корпорации происходит именно в рамках деятельности ее органов.

По мнению автора, исследование оснований возникновения корпоративного контроля снижает риски возникновения правовой неопределенности в вопросах управления обществом, защиты прав и законных интересов акционеров (участников) общества, а также привлечения контролирующих лиц к ответственности. По результатам проведенного анализа автором предложена

система оснований возникновения корпоративного контроля. Сформулированная автором система оснований возникновения корпоративного контроля также подтверждает тезис о его способности выступать в гражданском обороте в качестве самостоятельного объекта сделки.

Далее автором проанализированы возможные последствия установления корпоративного контроля как в отношениях между участниками (внутренние последствия), так и в отношениях с третьими лицами (внешние последствия) и сделан вывод о том, что преимущественно последствием установления корпоративного контроля является необходимость соблюдения специальных требований, призванных гарантировать соблюдение интересов кредиторов, акционеров (участников) дочерних хозяйственных обществ, а также иных лиц как наиболее слабых участников имущественного оборота.

По результатам анализа материалов судебной практики автор обратил внимание на расширение перечня лиц, которые могут быть признаны контролирующими, что влечет применение к ним положений о привлечении к ответственности. Представляется, что выработанные высшей судебной инстанцией подходы по вопросам привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности следует применять при привлечении фактически контролирующих лиц к ответственности ввиду отсутствия специальных разъяснений.

В рамках исследования сделок по отчуждению акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ отмечено, что в законодательстве отсутствует закрытый перечень сделок, на основании которых может осуществляться переход прав на акции (долю в уставном капитале), что, по мнению автора, представляется обоснованным ввиду постоянного развития схем и механизмов структурирования таких сделок, а также обусловлено принципом диспозитивности гражданского законодательства.

Анализ зарубежного законодательства в части момента перехода прав на акции (долю в уставном капитале) позволил автору сделать вывод о том, что принцип внесения записи в реестр более приспособлен к активному обороту долей,

поскольку момент перехода доли как для приобретателя, так и для общества и третьих лиц един, не требуется соблюдения дополнительных требований для начала осуществления прав, удостоверенных акциями (долей в уставном капитале).

Автором рассмотрена передача акций (долей в уставных капиталах) хозяйственных обществ в состав общего имущества ЗПИФ как основание приобретения корпоративного контроля. Исследуя правовую природу опционных соглашений, автор пришел к выводу о ее двойственном характере.

В ходе исследования договора дарения как сделки, на основании которой осуществляется переход корпоративного контроля, автором отмечено, что на практике мотивом заключения договора дарения доли в уставном капитале часто выступает не желание безвозмездно передать долю, а иной интерес – сокрытие активов общества в случае потенциального взыскания, обход требования о преимущественном праве, осуществление формальной передачи доли в уставном капитале при сохранении фактического контроля и др. Такие следки признаются судами мнимыми или притворными.

По результатам анализа действующего законодательства и правоприменительной практики автором сделан вывод об отнесении соглашения об отступном к сделкам по отчуждению акций (долей в уставных капиталах) и о применении в отношении данной сделки правила о преимущественной покупке (в отношении непубличных обществ) и, как следствие, о признании данной сделки основанием приобретения корпоративного контроля. Также в рамках исследования приобретения корпоративного контроля на основании сделок по отчуждению акций и долей в уставных капиталах автором установлен двойственный характер перехода корпоративного контроля пережившему супругу.

Приобретение корпоративного контроля также возможно в результате совершения сделок, не предполагающих отчуждение акций (доли в уставном) капитале хозяйственных обществ (залог акций (доли в уставном капитале), доверительное управление акциями (долями в уставных капиталах), корпоративный и «квазикорпоративный договор», кредитный договор и др.). Автором, отмечено, что указанные договорные конструкции предоставляют

возможность стороне договора, не являющейся акционером (участником) хозяйственного общества, при определенных условиях оказывать влияние на волеобразование корпорации.

В ходе исследования залога акций (доли в уставном капитале) как основания возникновения корпоративного контроля автором сделан вывод о том, что в российском правовом регулировании баланс интересов залогодателя и залогодержателя нарушен в пользу последнего, поскольку предоставленный ему комплекс корпоративных прав несоразмерен обеспечительному интересу.

По результатам анализа судебной практики автором сделан вывод о том, что существующее регулирование отношений, связанных с доверительным управлением акциями (долей в уставном капитале) хозяйственных обществ, не является совершенным. В действующем регулировании отсутствуют положения о том, что доверительный управляющий может осуществлять корпоративные права, вытекающие из переданных в доверительное управление доли в уставном капитале, в связи с чем данный вопрос каждый раз решается судами посредством толкования существующих норм, причем в некоторых случаях толкование может быть различным.

В рамках исследования вопросов защиты прав и законных интересов приобретателей корпоративного контроля автор, рассматривая защиту прав и законных интересов в широком смысле, пришел к выводу о возможности защиты прав и законных интересов приобретателей корпоративного контроля посредством следующих договорных средств: заверения об обстоятельствах, компенсация имущественных потерь, опционное соглашение.

Анализ основных способов защиты прав и законных интересов участников (акционеров) при совершении сделок по приобретению корпоративного контроля позволил диссертанту сделать вывод о том, что целесообразно закрепление в законодательстве положения, в соответствии с которым голоса участника общества, который приобрел долю с нарушением уставного запрета, не учитываются при подсчете голосов на общем собрании. При этом необходимость в ограничении имущественных корпоративных прав такого участника отсутствует.

По вопросу перевода прав и обязанностей покупателя в случае продажи доли с нарушением преимущественного права автор пришел к выводу о том, что конструкция преимущественного права покупки доли в уставном капитале, предусмотренная в законодательстве, и позиции, выработанные судебной практикой, направлены на защиту прав и законных интересов не только участников непубличного общества, но и лица, намеренного продать свою долю в уставном капитале и выйти из состава участников общества.

Автором отмечено, что установление безвиновной ответственности эмитента и регистратора за неправомерное списание акций при взыскании с них убытков в пользу утратившего акции лица способствует наиболее эффективной защите прав и законных интересов акционера. Также констатировано, что восстановление утраченного реестра является дополнительной гарантией прав акционера, поскольку позволяет восстановить право акционера на акцию другими заинтересованными лицами.

В рамках исследования восстановления корпоративного контроля автором отмечено, что нормативное закрепление возможности выплаты компенсации вместо возврата корпоративного контроля свидетельствует о переходе правопорядка к гибкой модели liability rule. Это позволяет предотвратить дестабилизацию деятельности общества и защитить права третьих лиц, сохраняя за пострадавшим участником экономический эквивалент его владения и обеспечивая баланс между защитой права собственности и стабильностью гражданского оборота.

В ходе исследования защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров (участников) при смене корпоративного контроля автор пришел к выводу о необходимости совершенствования законодательства в данной области. Для наиболее эффективной реализации корпоративных прав миноритарных участников хозяйственных обществ необходимо не только обеспечить их защиту в предусмотренном законом порядке, но и создать механизмы, которые препятствуют возникновению нарушений прав миноритариев. Защита и охрана прав миноритарных участников корпораций должна осуществляться исходя из

реально существующих интересов всех участников общества и быть направлена на достижение баланса интересов миноритариев и мажоритариев.

Таким образом, по результатам проведенного анализа нормативных правовых актов, правоприменительной практики, отечественной и зарубежной правовой доктрины можно констатировать, что многие вопросы, связанные с правовым регулированием совершения сделок с акциями (долями в уставных капиталах), на основании которых осуществляется приобретение корпоративного контроля в хозяйственных обществах, находятся в стадии развития. Существуют проблемы и пробелы в законодательстве, требующие дальнейшего совершенствования правовой регламентации, особенно в части разработки эффективных механизмов защиты прав акционеров (участников) и приобретателей корпоративного контроля, что, безусловно, свидетельствует об актуальности и значимости данного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 4 июля 2020 г.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. ст. 3824.

6. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

8. Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2025. – № 52 (часть I). – Ст. 8301.

9. Федеральный закон от 04 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» // СЗ РФ. – 2023. – № 32 (ч. 1). – Ст. 6202.

10. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О приватизации государственного и муниципального

имущества", отдельные законодательные акты Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений» // СЗ РФ. – 2022. – № 29 (ч. 3). – Ст. 5287.

11. Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 211-ФЗ «О внесении изменения в статью 358.17 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 24 (ч. 1). – Ст. 4229.

12. Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 32 (ч. 1). – Ст. 5095.

13. Федеральный закон от 08 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.

14. Федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – № 101.

15. Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.

16. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

17. Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 44.

18. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

19. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215

20. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

21. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

22. Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4562.

23. Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ст. 3) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (ч. 1). – Ст. 3418.

24. Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

25. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

26. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

27. Указ Президента РФ от 15 октября 2022 г. № 737 «О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций)» // СЗ РФ. –2022. – № 42. – Ст. 7159.

28. Указ Президента РФ от 08 сентября 2022 г. № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами» // СЗ РФ. – 2022. – № 37. – Ст. 6316.

29. Постановление Правительства РФ от 06 марта 2022 г. № 295 «Об утверждении Правил выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и иных разрешений, предусмотренных отдельными указами Президента Российской Федерации, а также реализации иных полномочий в указанных целях и внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1689.

30. Распоряжение Правительства РФ от 21 июля 2008 г. № 1049-р «Об

официальном издании, осуществляющем опубликование сведений, предусмотренных Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве)”» // СЗ РФ. – 2008. – № 30 (ч. 2). – Ст. 3674.

2. ПРОЕКТЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

31. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах», Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации (в части совершенствования порядка приобретения акций публичного общества): проект федерального закона № 519694-8 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/519694-8.

32. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования правового регулирования приобретения крупных пакетов акций публичных акционерных обществ): проект федерального закона № 1036047-6 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1036047-6.

3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ИНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

33. Директива № 2004/25/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 21 апреля 2004 г. о предложениях по поглощению (Directive 2004/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on takeover bids) [Электронный ресурс] // Официальный сайт законодательства Европейского союза. – 2004. – L 142. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/25/oj.

34. Принципы корпоративного управления ОЭСР [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития

(ОЭСР). – URL: https://www.oecd.org/corporate/ca/corporategovernanceprinciples/32159669.pdf.

4. АКТЫ ИНОСТРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

35. Code de commerce (France) [Электронный ресурс] // Légifrance : le service public de la diffusion du droit. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/.

36. Code des obligations (Suisse) du 30 mars 1911 [Электронный ресурс] // Fedlex: La plateforme de publication du droit fédéral. – URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/fr.

37. Companies Act (Cap. 386 of the Laws of Malta) [Электронный ресурс] // Malta Service Bureau – URL: https://legislation.mt/eli/cap/386/eng.

38. Zákon o obchodních korporacích č. 90/2012 Sb. (ZOK) [Электронный ресурс] // Zákony pro lidi – URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2012-90.

5. ИНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

39. Кодекс корпоративного управления утв. письмом Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. – 2014 – № 40.

40. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19 [Электронный ресурс] – СПС КонсультантПлюс.

6. АКТЫ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

41. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2010 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с жалобами открытых акционерных обществ “Газпром”, “Газпром нефть”,

“Оренбургнефть“ и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)» // СЗ РФ. – 2010. – № 6. – Ст. 700.

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 2

43. Определение Конституционного Суда РФ от 02 ноября 2011 г. № 1486-О-О «По жалобе гражданина Саттарова Шавката на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 81 и пункта 1 статьи 84 Федерального закона “Об акционерных обществах”» // СПС «КонсультантПлюс»

44. Определение Конституционного Суда РФ от 06 июля 2010 г. № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Атлант-Эстейт” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 84.2 Федерального закона “Об акционерных обществах” // СПС «КонсультантПлюс».

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 5.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. – 2020. – № 136.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53

«О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.

50. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

51. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2013. – № 10.

52. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 09 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 3.

53. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 1.

54. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 14467/13 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

55. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01 октября 2013 г. № 4960/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 2.

56. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01 октября 2013 г. № 4958/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 2.

57. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 сентября 2013 г. № 3330/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2013. – № 12.

58. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 сентября 2012 г. № 3116/12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 12.

59. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2012 г. № 15085/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 7.

60. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 марта 2012 г. № 14989/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 8.

61. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 10107/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 4.

62. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 марта 2011 г. № 13815/10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2011. – № 6.

63. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06 апреля 2010 г. № 17536/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – № 7.

64. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 февраля 2010 г. № 13944/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – № 5.

65. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2009 г. № 11458/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – № 2.

66. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 июля 2009 г. № 5194/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 10.

67. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05 сентября 2006 г. № 4375/06 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2006. – № 12.

68. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 августа 2006 г. № 1877/06 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2006. – № 11.

69. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2006 г. № 12591/05 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

70. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01 июня 2004 г. № 1098/04 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2004. – № 9.

71. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 марта 2002 г. № 1824/01 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2002. – № 7.

72. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 декабря 1999 г. № 1293/99 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2000. – № 4.

73. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 июля 2009 г. № 5194/09 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 10.

74. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июня 2009 г. № 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 9.

75. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1998. – № 6.

76. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 марта 1998 г. № 32 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1998. – № 5.

77. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 июля 2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 11.

78. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 10.

79. Определение Верховного Суда РФ от 01 февраля 2024 г. № 306-ЭС23-11144 по делу № А57-4383/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

80. Определение Верховного Суда РФ от 05 октября 2023 г. № 305-ЭС20-8363(8-12) по делу № А40-206341/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

81. Определение Верховного Суда РФ от 06 июня 2023 г. № 310-ЭС23-663 по делу № А83-18084/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

82. Определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 301-ЭС23-7494 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

83. Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-26611 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

84. Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-24465 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

85. Определение Верховного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

86. Определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

87. Определение Верховного Суда РФ от 23 января 2023 г. № 305-ЭС21-18249(2,3) по делу № А40-303933/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

88. Определение Верховного Суда РФ от 25 октября 2022 г. № 305-ЭС22-12747 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

89. Определение Верховного Суда РФ от 7 апреля 2022 г. № 310-ЭС21-28271 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

90. Определение Верховного Суда РФ от 28 марта 2022 г. № 303-ЭС22-1986 по делу № А59-7663/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

91. Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 305-ЭС20-22249 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

92. Определение Верховного Суда РФ от 3 сентября 2020 г. № 307-ЭС20-209 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

93. Определение Верховного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 302-ЭС20-918 по делу № А19-21663/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

94. Определение Верховного Суда РФ от 26 апреля 2019 г. № 305-ЭС19-5828 по делу А40-94983/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

95. Определение Верховного Суда РФ от 09 июля 2018 г. № 305-ЭС18-9335 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

96. Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2018 г. № 307-ЭС17-20721 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

97. Определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. № 309-ЭС17-5399 по делу № А07-21705/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

98. Определение Верховного Суда РФ от 07 апреля 2017 г. № 309-ЭС14-923 по делу № А07-12937/2012 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

99. Определение Верховного Суда РФ от 07 марта 2017 г. № 308-ЭС16-15069 по делу № А61-1579/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

100. Определение Верховного Суда РФ от 08 ноября 2016 г. № 18-КГ16-124 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ. – URL: http://www.supcourt.ru.

101. Определение Верховного Суда РФ от 28 сентября 2015 г. № 309-КГ15-11120 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ. – URL: http://www.supcourt.ru.

102. Определение Верховного Суда РФ от 24 сентября 2015 г. № 309-КГ15-11571 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ. – URL: http://www.supcourt.ru.

103. Определение Верховного Суда РФ от 25 августа 2015 г. по делу № 309-ЭС15-9427 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

104. Определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2015 г. № 305-ЭС15-1030 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

105. Определение Верховного Суда РФ от 3 июня 2014 г. № 5-КГ14-9 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ – URL: http://www.supcourt.ru.

106. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 апреля 2012 г. № ВАС-4459/12 по делу № А65-5850/2011 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

107. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 мая 2025 г. № Ф05-5085/2025 по делу № А41-92770/2023 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

108. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 ноября 2024 г. № Ф04-4/2024 по делу № А45-16626/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

109. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 сентября 2024 г. № Ф05-16445/2024 по делу № А40-193484/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

110. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 июля 2024 г. № Ф05-12994/2024 по делу № А40-153877/2023 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

111. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 7 июня 2024 г. № Ф02-7544/2023 по делу № А19-4871/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

112. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2024 г. № Ф05-9991/2023 по делу № А41-30116/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

113. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 февраля 2024 г. № Ф10-5692/2023 по делу № А83-12142/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

114. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 февраля 2024 г. № Ф04-7486/2023 по делу № А45-10786/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

115. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 января 2024 г. № Ф05-33928/2023 по делу № А40-165975/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

116. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05 декабря 2023 г. № Ф09-7202/23 по делу № А60-14808/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

117. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 октября 2023 г. № Ф09-4328/22 по делу № А76-33985/2021[Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

118. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 июля 2023 г. № Ф09-4552/21 по делу № А50-16046/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

119. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27 апреля 2023 г. № Ф02-1248/2023 по делу № А33-31660/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

120. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 марта 2023 г. № Ф08-1780/2023 по делу № А32-14186/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

121. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18 января 2023 г. № Ф02-6205/2022 по делу № А74-82/2022 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

122. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16 января 2023 г. по делу № А83-17837/2021 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

123. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 декабря 2022 г. Ф07-16007/2022 по делу № А56-58564/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

124. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 ноября 2022 г. № Ф03-5521/2022 по делу № А51-16092/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

125. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 октября 2022 г. № Ф06-22813/2022 по делу № А65-17215/2021 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

126. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 сентября 2022 г. № Ф07-12883/2022 по делу № А21-8356/202 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

127. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 1 июля 2022 г. по делу № А59-728/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

128. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 марта 2022 г. № Ф04-756/2020 по делу № А03-8445/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

129. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 января 2022 г. № Ф07-17993/2021 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

130. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 4 августа 2021 г. по делу № А72-5361/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

131. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 июля 2021 г. № Ф05-17589/2021 по делу № А40-334126/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

132. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 февраля 2021 г. № Ф07-161/2021по делу № А05-2014/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

133. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24 февраля 2021 г. № Ф04-6479/2019 по делу № А03-16721/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

134. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 октября 2020 г. по делу № А05-2467/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

135. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2020 г. № Ф05-14596/2020 по делу № А40-126394/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

136. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 сентября 2020 г. № Ф09-5695/20 по делу № А60-28984/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

137. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18 сентября 2020 г. № Ф03-3743/2020 по делу № А73-10895/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

138. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07 сентября 2020 г. № Ф04-6479/2019 по делу № А03-16721/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

139. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 августа 2020 г. № Ф05-19213/2017 по делу № А40-104660/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

140. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 июля 2020 г. № Ф09-3972/17 по делу № А60-23030/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

141. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 июля 2020 г. № Ф08-5129/2020 по делу № А32-35774/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

142. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08 июня 2020 г. по делу № А83-12197/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

143. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 мая 2020 г. № Ф08-2962/2020 по делу № А53-17178/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

144. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 мая 2020 г. № Ф06-60690/2020 по делу № А57-7692/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

145. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18 марта 2020 г. № Ф02-1189/2020 по делу № А19-17443/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

146. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 ноября 2019 г. по делу № А56-71620/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

147. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 сентября 2019 г. № Ф09-2450/18 по делу № А07-40381/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

148. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 сентября 2019 г. № Ф03-3721/2019 по делу № А73-22636/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

149. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 8 августа 2019 № Ф10-2819/2019 по делу № А08-10376/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

150. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 июля 2019 г. № Ф05-958/2018 по делу № А41-98154/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

151. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 мая 2019 г. № Ф05-6638/2019 по делу № А40-125869/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

152. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 апреля 2019 г. № Ф05-371/2019 по делу № А46-9620/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

153. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2019 г. № Ф05-292/2019 по делу № А40-207820/17 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

154. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08 ноября 2018 г. № Ф07-13401/2018 по делу № А56-118187/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

155. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03 августа 2018 г. № Ф05-11920/2018 по делу № А41-72972/17 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

156. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 июня 2018 г. № Ф07-6535/2018 по делу № А56-22166/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

157. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06 июня 2018 г. по делу № А41-60107/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

158. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 апреля 2018 г. по делу № А41-12005/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

159. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05 апреля 2018 г. № Ф05-2933/2018 по делу № А41-23439/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

160. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 марта 2018 г. по делу № А41-61651/17 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

161. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06 марта 2018 г. по делу № А40-45135/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

162. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 декабря 2017 г. № Ф05-17838/2017 по делу № А40-138148/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

163. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02 октября 2017 г. по делу № А05-111/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

164. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 августа 2017 г. № Ф05-11409/2017 по делу № А41-60107/16 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

165. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 августа 2017 г. № Ф05-11409/2017 по делу № А41-60107/16 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

166. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08 августа 2017 г. № Ф09-3590/17 по делу № А71-725/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

167. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27 июля 2017 г. № Ф02-3457/2017 по делу № А19-17165/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

168. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05 июня 2017 г. № Ф08-2428/2017 по делу № А53-22858/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

169. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03 мая 2017 г. № Ф09-1111/17 по делу № А76-16187/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

170. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05 апреля 2017 г. № Ф07-1700/2017 по делу № А56-22247/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

171. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2017 г. № Ф05-60/2017 по делу № А40-220474/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

172. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02 февраля 2017 г. по делу № А53-25178/2013 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

173. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 мая 2016 г. по делу № А44-5791/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

174. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21 марта 2016 г. № Ф10-446/2016 по делу № А62-3430/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

175. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02 марта 2016 г. № Ф03-249/2016 по делу № А37-559/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

176. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 декабря 2015 г. № Ф04-26388/2015 по делу № А75-13369/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

177. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17 ноября 2015 г. по делу № А38-4858/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

178. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23 сентября 2015 г. по делу № А31-7898/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

179. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 июля 2015 г. № Ф05-7908/2015 по делу № А40-140220/14 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

180. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03 июня 2015 г. № Ф09-1883/14 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

181. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 апреля 2015 г. по делу № А40-117718/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

182. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 февраля 2015 г. № А59-4543/2013 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

183. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08 октября 2014 г. № Ф03-4173/2014 по делу № А51-3065/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

184. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01 августа 2013 г. по делу № А32-12010/2012 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

185. Постановление ФАС Московского округа от 27 февраля 2013 г. по делу № А40-108191/2012 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

186. Постановление ФАС Московского округа от 14 февраля 2013 г. по делу № А41-20269/2012 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

187. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 14 января 2013 г. по делу № А13-2369/2012 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

188. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31 октября 2012 г. по делу № А56-57687/2011 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

189. Постановление ФАС Уральского округа от 22 октября 2012 г. № Ф09-6352/10 по делу № А71-1258/2010 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

190. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 31 августа 2010 г. по делу № А29-10522/2009 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

191. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06 мая 2010 г. по делу № А74-1567/2009 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

192. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 26 апреля 2010 г. по делу № А74-1566/2009 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

193. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 26 апреля 2010 г. по делу № А74-1565/2009 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

194. Постановление ФАС Уральского округа от 27 октября 2009 г. № Ф09-8133/09-С4 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

195. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 09 октября 2009 г. по делу № А52-311/2009 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

196. Постановление ФАС Уральского округа от 26 марта 2008 г. № Ф09-10203/07-С4 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

197. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 января 2025 г. № 19АП-5822/2022 по делу № А14-5525/2021 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

198. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 марта 2023 г. по делу № А81-4887/2021 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

199. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 01 июня 2021 г. по делу № А19-19470/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

200. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2020 г. по делу № А45-24770/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

201. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 25 февраля 2020 г. № 04АП-97/2020 по делу № А19-18624/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

202. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 ноября 2019 г. № 20АП-6613/2019 по делу № А23-5213/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

203. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2019 г. № 12АП-9667/2019 по делу № А57-612/2019 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

204. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08 февраля 2018 г. № 10АП-20407/2017 по делу № А41-16332/16 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

205. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03 октября 2017 г. № 16АП-3716/2017 по делу № А63-1976/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

206. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 29 августа 2016 г. № 05АП-5688/2016 по делу № А51-8932/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

207. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 июня 2015 г. по делу № А55-17740/2013 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

208. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 16 декабря 2008 г. по делу № А78-3725/08 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

209. Решение Арбитражного суда Орловской области от 16 марта 2016 г. по делу № А48-7048/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru.

7. АКТЫ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

210. Bundesgerichtshof (BGH). Urteil vom 13.12.2022 – II ZR 14/21 [Электронный ресурс] // Bundesgerichtshof : [официальный сайт]. – URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/.

211. Bundesgerichtshof (BGH). Urteil vom 24.09.1984 — II ZR 256/83 // Neue Juristische Wochenschrift (NJW). — 1985. — S. 192.

212. *Cavalier Oil Corp. v. Harnett*, 564 A.2d 1137 (Del. 1989) // Atlantic Reporter. 2d Ser. – 1989. – Vol. 564. – P. 1137.

213. *Laya v. Erin Homes Inc*., 352 S.E.2d 93 (W. Va. 1985) // South Eastern Reporter. 2d Ser. – 1985. – Vol. 352. – P. 93.

214. *O'Neill v. Phillips* : [1999] 1 WLR 1092 // The Weekly Law Reports. – 1999. – Vol. 1. – P. 1092–1108.

8. ЛИТЕРАТУРА

Монографии, книги, учебники и учебные пособия

215. *Агарков, М. М.* Учение о ценных бумагах / М. М. Агарков. – Москва : Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927. – 165 с.

216. Актуальные проблемы гражданского права и процесса: матер. всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. А. Резина, Е. Ф. Рашидов. – Омск : Омская юридическая акад. , 2017. – 124 с.

217. *Алексеев, С. С.* Общая теория социалистического права. / С. С. Алексеев – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. Вып. 2. – 226 с.

218. *Батищев, А. О.* Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. О. Батищев, А. А. Громов, А. Г. Карапетов и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2022. – 1126 с.

219. *Бевзенко, Р. С.* Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции. / Р. С. Бевзенко. – Санкт-Петербург : НП-Принт , 2022. – 554 с.

220. *Брагинский, М. И., Витрянский, В. В.* Договорное право: Общие положения. / М. И. Брагинский, В. В Витрянский. – Москва : Статут, 1997. – 683 с.

221. *Витрянский, В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. / В. В Витрянский. – Москва : Статут, 2018. – 528 с.

222. *Габов, А. В.* Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. / А. В. Габов – Москва : Статут, – 2011. – 1104 с.

223. *Глухов, Е. В.* Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. / Е. В. Глухов. – Москва : Статут, 2017. – 670 с.

224. *Глухов, Е. В.* Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация. / Е. В. Глухов. – Москва : Статут, 2019. – 1208 с.

225. *Глушецкий, А. А.* Коммерческие корпорации: виды и организационное устройство. / А. А. Глушецкий. – Москва : Статут, 2023. – 294 с.

226. *Грибанов, В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – Москва : Статут, 1972. – 207 с.

227. *Гутников, О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. / О. В. Гутников. – Москва : ИЗиСП, Контракт, 2019. – 488 с.

228. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. – Москва : Статут, 2021. – 414 с.

229. *Дедов, Д. И.* Конфликт интересов / Д. И. Дедов. – Москва : Волтерс Клувер, 2004. – 272 с.

230. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2017. – 1120 с.

231. *Долинская, В. В.* Акционерное право: основные положения и тенденции / В. В. Долинская. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 736 с.

232. *Ефимов, А. В.* Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц : монография / А. В. Ефимов. – Москва : Проспект, 2024. – 376 с.

233. *Иоффе, О. С.* Избранные труды: Правоотношение по советскому гражданскому праву. В 4-х томах. Т. 1. / О. С. Иоффе. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 574 с.

234. *Иоффе, О. С.* Гражданско-правовая охрана интересов личности / под ред. Б. Б. Черепахина. М.: Юрид. лит., 1969. – 256 с.

235. *Иоффе, О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. / О. С. Иоффе. – Ленинград : Издательство Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета им. А. А. Жданова , 1949. – 143 с.

236. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. – Москва : Статут, 2018. – 976 с.

237. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 2. – Москва : Статут, 2018. – 990 с.

238. Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина. Москва : Статут, 2019. – 735 с.

239. Корпоративное право: актуальные проблемы / под ред. Д. В. Ломакина. – Москва : Инфотропик Медиа, 2015. – 256 с.

240. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – Москва : Издательство Юрайт, 2015. – 552 с.

241. Корпоративное право: проблемы и решения. Вып. 2 / под ред. И. С. Чупрунова. Москва: АВ РШЧП, 2023. – 297 с.

242. *Лаптев, В. А., Фейзрахманова, Д. Р.* Предпринимательские объединения: опыт России и зарубежных стран: монография / В. А. Лаптев, Д. Р. Фейзрахманова. – Москва : Проспект, 2025. – 240 с.

243. *Ломакин, Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. / Д. В. Ломакин. – Москва : Статут, 2008. – 511 с.

244. *Ломакин, Д. В.* Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. / Д. В. Ломакин. – Москва : Статут, 2005. – 218 с.

245. *Ломакин, Д. В.* Акционерное правоотношение. / Д. В. Ломакин. – Москва : Спарк, 1997. – 156 с.

246. *Макарова, О. А.* Акционерные общества с государственным участием. Проблемы корпоративного управления: монография. / О. А. Макарова – М.: Юрайт, 2022. – 211 с.

247. *Максуров, А. А.* Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ: монография / А. А. Максуров. – Москва : Юстицинформ, 2021. – 176 с.

248. Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2010. – 413 с.

249. *Могилевский, С. Д.* Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения / С. Д. Могилевский. – Москва : Статут, 2010. – 421 с.

250. *Мурзин, Д. В.* Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг / Д. В. Мурзин. – Москва : Статут, 1998. – 171 с.

251. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». В 2 т. / Под ред. И.С. Шиткиной. – Москва : Статут, 2021. Т. 1. – 622 с

252. *Паращук, С. А.* Конкурентное право / С. А. Паращук. – Москва : Городец, 2002. – 416 с.

253. *Садиков, О. Н.* Убытки в гражданском праве Российской Федерации / О. Н. Садиков. – Москва : Статут, 2009. – 221 с.

254. *Сергеев, А. П.* Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – Москва.: Проспект, 2011. – 1066 с.

255. *Синицын, С.А.* Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы : монография / С.А. Синицын. – Москва : Инфотропик Медиа, 2023. – 596 с.

256. *Суханов, Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. / Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2017. – 560 с.

257. *Суханов, Е. А.* Сравнительное корпоративное право. / Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2014. – 456 с.

258. Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2006. – 622 с.

259. *Филиппова, С. Ю., Шиткина, И. С.* Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография / С. Ю. Филиппова, И. С. Шиткина. – Москва : Статут, 2019. – 191 с.

260. *Чупрунов, И. С.* Преимущественное право покупки доли (акций): монография / И. С. Чупрунов. – Москва : Статут, 2022. – 410 с.

261. *Шершеневич, Г. Ф.* Курс торгового права / Г. Ф. Шершеневич. – Санкт-Петербург: Издание Бр. Башмаковых, 1908. Т. 1. – 515 с.

262. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах / отв. ред. А. В. Габов, О. В. Гутников, С. А. Синицын. – Москва : ИНФРА-М, 2015. — 384 с.

Диссертации и авторефераты

263. *Гурьянов, А. В.* Правовое регулирование отношений корпоративного контроля и управления в холдингах: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. / Гурьянов Андрей Владимирович. – Москва, 2024. – 291 с.

264. *Зотова Е. В.* Сохранение корпоративного контроля в акционерном обществе в праве Германии и России: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Зотова Елизавета Валентиновна. – Москва, 2019. – 269 с.

265. *Назимов, И. А.* Восстановление положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Назимов Игорь Александрович. – Екатеринбург, 2014. – 26 с.

266. *Оборов, А. С.* Понятие, содержание и правовое обеспечение корпоративного контроля в коммерческих корпорациях: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. / Оборов Александр Сергеевич – Москва, 2024. – 262 с.

267. *Русанова, В. А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Русанова Вероника Александровна. – Москва, 2012. – 222 с.

268. *Севеева, К. В.* Опционные соглашения в корпоративном праве: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. / Севеева Кристина Владимировна – Москва, 2024. – 235 с.

269. *Шиткин, А. О.* Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения: дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.03 / Шиткин Андрей Олегович – Москва, 2020. – 245 с.

Статьи в периодических изданиях

270. *Агашева, И. П., Бекирова, Э. П.* Доктрина «снятия корпоративной вуали»: сущность и практическое применение в условиях экономической и правовой систем в Российской Федерации / И. П. Агашева, Э. П. Бекирова // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 2(16). – С. 4–7.

271. *Андреев, В. К.* Природа корпоративного соглашения / В. К. Андреев // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2014. – № 2. – С. 2–6.

272. *Арнаутов, Д. Р.* Формы участия кредитора в корпоративном управлении корпорацией-должником / Д. Р. Арнаутов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 7. – С. 81–120.

273. *Асосков, А. В.* Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов / А. В. Асосков // Вестник гражданского права. – 2013. – № 5. – С. 120–144.

274. *Барышев, М. А.* Оценка исполнимости в России стандартных условий корпоративного договора, характерных для английского правопорядка / М. А. Барышев // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2016. – № 3. – С. 54–69.

275. *Бевзенко, Р. С.* Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника / Р. С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2018. – № 1. – С. 10–22.

276. *Белов, В. А.* К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг / В. А. Белов // Закон. – 2006. – № 7. – С. 86–93.

277. *Беляков, В. Г.* Корпоративный контроль участников общества с ограниченной ответственностью: экономико-правовой подход / В. Г. Беляков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. –2014. – № 1. – С. 57–80.

278. *Бирюков, Д. О.* Договорные механизмы регулирования корпоративных отношений / Д.О. Бирюков // Хозяйство и право. – 2016. – № 12. – С. 3–21.

279. *Бирюков, Д.О.* Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства / Д. О. Бирюков // Хозяйство и право. – 2015. – № 5. – С. 28–44.

280. *Бутакова, Я. С.* Правовые способы защиты прав акционеров в условиях санкционных ограничений / Я. С. Бутакова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 1. – С. 77–91.

281. *Вайпан, В. А.* Возможность возникновения права на долю в уставном капитале общества при отсутствии правоустанавливающих документов: пределы судебного усмотрения / В. А. Вайпан // Вестник арбитражной практики. – 2017. – № 3. – С. 3–15.

282. *Валеева, А. А.* К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении / А. А. Валеева // Юрист. – 2015. – № 14. – С. 39–46.

283. *Василевская, Л. Ю.* Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия / Л. Ю. Василевская // Гражданское право. – 2018. – № 1. – С. 3–6.

284. *Васильев, А. В.* Правовая природа опционного договора США/ А. В. Васильев // Закон. – 2007. – № 3. – С. 189–194.

285. *Васильева, Н. Н.* Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты гражданских прав / Н. Н. Васильева // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 3. – С. 18–21.

286. *Габов, А. В.* Антисанкционные меры в российском праве / А. В. Габов

// Труды Института государства и права РАН. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 96–141.

287. *Габов, А. В., Лаптев, В. А.* Решения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации в системе источников регулирования экономических отношений / А. В. Габов, В. А. Лаптев // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 32–70.

288. *Галушкин, Ф. В.* Залог «корпоративных прав»: на пути к сбалансированному регулированию (начало) / Ф. В. Галушкин // Вестник гражданского права. – 2023. – № 3. – С. 99–130.

289. *Галушкин, Ф. В.* Залог «корпоративных прав»: на пути к сбалансированному регулированию (окончание) / Ф.В. Галушкин // Вестник гражданского права». – 2023. – № 4. – С. 55–90.

290. *Глушецкий, А. А.* Ответственность за неиспользование обязанности направить публичную оферту о приобретении ценных бумаг акционерного общества / А. А. Глушецкий // Хозяйство и право. – 2009. – № 6. – С. 73–80.

291. *Глушецкий, А. А.* Преимущественное право покупки доли в уставном капитале ООО – варианты реализации / А. А. Глушецкий // Право и экономика. – 2017. – № 3. – С. 32–43.

292. *Григорьев, М. И.* Взыскание убытков с эмитента и регистратора за ненадлежащее списание акций / М. И. Григорьев // Акционерное право. – 2016. – № 12. – С. 73–81.

293. *Гутников, О. В.* Юридическая ответственность в корпоративных отношениях / О. В. Гутников // Вестник гражданского права. – 2014. – № 6. – С. 51–117.

294. *Гутников, О. В., Синицын, С. А*. Убытки как мера ответственности за ненаправление обязательного предложения акционерам публичного общества / О. В. Гутников, С. А. Синицын // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 1. – С. 55–61.

295. *Дедов, Д. И.* Проблемы эффективности института сделок с заинтересованностью / Д. И. Дедов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. –

2011. – № 9. – С. 11.

296. *Демьянова, М. В.* Функции принципа добросовестности в корпоративном праве / М. В. Демьянова // Право и экономика. – 2021. – № 9. – С. 54–59.

297. *Егоров, А. В., Усачева, К. А.* Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота / А. В. Егоров, К. А. Усачева // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 31–73.

298. *Егорова, М. А.* Категория «контроль юридического лица» как основной критерий формирования группы лиц / М. А. Егорова // Конкурентное право. − 2014. − № 1. − С. 8−13.

299. *Ефимов, А. В.* Стейкхолдерская концепция управления юридическим лицом / А. В. Ефимов // Актуальные проблемы российского права. − 2019. − № 5. − С. 129−136.

300. *Жариков, А. А.* Правовое регулирование группы лиц в условиях цифровой экономики / А. А. Жариков // Юрист. − 2021. − № 7. − С. 67−73.

301. *Илюшина, М. Н.* Переход прав на долю в ООО: современное состояние системы оснований и опосредующих механизмов / М. Н. Илюшина // Предпринимательское право. – 2023. – № 4. – С. 23–28.

302. *Илюшина М. Н.* Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: формы внешнего и внутреннего контроля / М. Н. Илюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 5. – С. 20–25.

303. *Илюшина, М. Н., Чашкова, С. Ю.* Особенности договорных форм раздела общего имущества супругов предпринимательского назначения / М. Н. Илюшина, С. Ю. Чашкова // Законы России: опыт, анализ, практика. − 2010. − № 3. − С. 25–33.

304. *Карапетов, А. Г.* Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ / А. Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 49–72.

305. *Карапетов, А. Г.* Заверения об обстоятельствах и условия о

возмещении потерь в новой редакции ГК РФ / А. Г. Карапетов // Закон. – 2015. – № 6. – С. 43–56.

306. *Козлова, Н. В., Филиппова, С. Ю.* О праве участия в обществе с ограниченной ответственностью лица, состоящего в браке / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова // Вестник экономического правосудия РФ. – 2023. – № 7. – С. 4–20.

307. *Красников, Н.* О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву / Н. Красников // Юрист. – 2009. – № 12. – С. 25–30.

308. *Кривцов, А. С.* Общее учение об убытках (часть первая) / А. С. Кривцов // Вестник гражданского права. – 2015. – № 5. – С. 157–203.

309. *Кривцов, А. С.* Общее учение об убытках (часть вторая) / А. С. Кривцов // Вестник гражданского права. – 2015. – № 6. – С. 139–184.

310. *Кривцов, А. С.* Общее учение об убытках (часть третья) / А. С. Кривцов // Вестник гражданского права. 2016. – № 1. – С. 175–221.

311. *Кузнецов, А. А.* О реформировании правил приобретения крупных пакетов акций ПАО / А. А. Кузнецов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 9. – С. 117–137.

312. *Кузнецов, А. А.* Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы / А. А. Кузнецов // Вестник гражданского права. – 2023. – № 3. – С. 62–98.

313. *Кузнецов, А. А.* Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы / А. А. Кузнецов // Вестник гражданского права. –2023. – № 4. – С. 7–54.

314. *Лаптев, В. А.* Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / В. А. Лаптев // Хозяйство и право. – 2024. – № 4. – С. 3–36.

315. *Лаптев, В. А.* Экономически значимые организации: новая правовая категория и особенности правового статуса / В. А. Лаптев // Предпринимательское право. – 2023. – № 4. – С. 10–16. DOI: 10.18572/1999-4788-2023-4-10-16.

316. *Лаптев, В. А.* Рецессия правовой конструкции «ограниченная ответственность» членов коммерческих корпораций / В. А. Лаптев // Государство и право. – 2020. – № 9. – С. 63–72.

317. *Лаптев, В. А.* Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений / В. А. Лаптев // Предпринимательское право. – 2016. – № 1. – С. 23–31.

318. *Леонтьев, Н. В.* Проблемы применения статьи 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации в контексте восстановления корпоративного контроля / Н. В. Леонтьев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 1. – С. 65–70.

319. *Ломакин, Д. В.* Доли участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как особые объекты гражданского оборота / Д. В. Ломакин // Хозяйство и право. – 2008. – № 2. – С. 44–57.

320. *Ломакин, Д. В.* Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ / Д. В. Ломакин // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. –2012. – № 9. – С. 6–33.

321. *Ломакин, Д. В.* Корпоративный интерес и осуществление права на участие в управлении хозяйственным обществом / Д. В. Ломакин // Хозяйство и право. – 2014. – № 4. – С. 3–17.

322. *Мамагеишвили, В. З.* Заверения об обстоятельствах как средство устранения информационной асимметрии в сделках купли-продажи / В. З. Мамагеишвили // Современное корпоративное право: времен связующая нить: сборник статей / сост. и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И.С. Шиткина. –Москва: Статут, 2024. – С. 94–114.

323. *Маковская, А. А.* Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты корпоративных прав / А. А. Маковская // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – №1. – С. 106–121.

324. *Маковская, А. А.* Осуществление корпоративных прав залогодержателем при залоге акций или долей в уставном капитале /

А. А. Маковская // Цивилистика. – 2021. – № 2. – С. 212–214.

325. *Мельничук, Г. В.* Сделки на срочных рынках / Г. В. Мельничук // Законодательство. – 1999. – № 10. – С. 23–25.

326. *Меньшенин, П. А.* Опционный договор / П. А. Меньшенин // Право и экономика. – 2008. – № 5. – С. 19–25.

327. *Микрюков, В. А.* Пробел и аналогия в правовом регулировании посмертного выдела супружеской части в праве на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / В. А. Микрюков // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – № 8. – 50–58.

328. *Мурзин, Д. В.* Бестелесные вещи / Д. В. Мурзин // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 3. – Москва : Статут; Ин-т частного права, 2004. – С. 319–350.

329. *Мухамадеева, Р. А*. Залог прав участников юридического лица: особенности осуществления корпоративных прав залогодержателем / Р. А. Мухамадеева // Гражданское право. – 2019. – № 3. – С. 36–38.

330. *Назимов, И. А.* Восстановление корпоративного контроля / И. А. Назимов // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 95–106.

331. *Науменко, О. В.* Права пережившего супруга при оформлении наследства на долю уставного капитала общества с ограниченной ответственностью / О. В. Науменко // Наследственное право. – 2012. – № 1. – С. 29–32.

332. *Новак, Д.* Приобретение ООО долей в своем уставном капитале в новых законодательных условиях / Д. Новак // Корпоративный юрист. – 2009. – № 6. – С. 20–27.

333. *Новиков, К. А.* Правила о залоге отдельных видов имущества в новой редакции Гражданского кодекса / К. А. Новиков // Вестник экономического правосудия РФ. – 2016. – № 10. – С. 55–68.

334. *Новоселова, Л. А.* Наследование доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. –2010. – № 11. – С. 26–47.

335. *Новоселова, Л. А.* Преимущественное право приобретения акций в закрытом акционерном обществе / Л. А. Новоселова // Арбитражная практика. – 2004. – № 4. – С. 168–170.

336. *Паншенский, И.* Определение группы лиц по Закону о защите конкуренции / И. Паншенский // Корпоративный юрист. – 2007. – № 7. – С. 38–42.

337. *Попондопуло, В. Ф.* О субъекте ответственности за необоснованное списание акций / В. Ф. Попондопуло // Арбитражные споры. – 2009. – № 1. – С. 93–106.

338. *Рыбалов, А. О.* Эмитент и регистратор: кто виноват или кто отвечает? / А. О. Рыбалов // Арбитражные споры. – 2010. – № 4. – С. 129–136.

339. *Сарбаш, С. В.* Восстановление корпоративного контроля / С. В. Сарбаш // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4. – С. 70–79.

340. *Севеева, К. В.* Опционные соглашения как способ обратного выкупа бизнеса в условиях нестабильности экономики / К. В. Севеева // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 5. – С. 41–46.

341. *Севеева, К. В.* Правовая природа опционных соглашений в корпоративном праве / К. В. Севеева // Хозяйство и право. – 2023. – № 4. – С. 23–41.

342. *Старовойтова, А. С.* Восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав участников юридических лиц / А. С. Старовойтова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 155–163.

343. *Степанов, Д. И.* Ответственность эмитента и регистратора за необоснованное списание акций / Д. И. Степанов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2007. – № 3. – С. 11–31.

344. *Степанов, Д. И.* Феномен корпоративного контроля / Д. И. Степанов // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3. – С. 167–171.

345. *Суханов, Е. А*. Комментарий к ст. 65.1 - 65.3 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 107–130.

346. *Тарасов, К. А., Бруцкий, А. В.* Обзор практики применения норм

законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 1) / К. А. Тарасов, А. В. Бруцкий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 1. – С. 181–212;

347. *Терехова, В. А.* Об отдельных изменениях в законодательных актах Российской Федерации и их взаимосвязь с финансовыми показателями / В. А. Терехова // Все для бухгалтера. – 2011. – № 12. – С. 12–14.

348. *Ткачев, А., Богомолов, Ю.* Понятие «группа лиц» / А. Ткачев и Ю. Богомолов // Журнал для акционеров. – 2000. – № 4. – С. 24–27.

349. *Тужилова-Орданская, Е. М.* Корпоративный контроль: основные теоретические подходы / Е. М. Тужилова-Орданская // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 19–25.

350. *Фейзрахманова, Д. Р.* Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов / Д. Р. Фейзрахманова // Российская юстиция. – 2020. – № 12. – С. 12–15.

351. *Фейзрахманова, Е. Р.* Залог доли (акций) в хозяйственном обществе как основание приобретения корпоративного контроля / Е. Р. Фейзрахманова // Юрист. – 2025. – № 5. – С. 14–29.

352. *Фейзрахманова, Е.Р.* Основания возникновения корпоративного контроля в хозяйственных обществах: теоретические и практические аспекты / Е. Р. Фейзрахманова //Хозяйство и право – 2025. – № 8. – С. 111–122.

353. *Фейзрахманова, Е. Р.* Понятие корпоративного контроля: основные теоретические подходы / Е. Р. Фейзрахманова // Юрист. – 2025. – № 1. – С. 15–20.

354. *Филиппова, С. Ю.* Договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / С. Ю. Филиппова // Хозяйство и право. – 2016. – № 2. С. 23–40.

355. *Филиппова, С. Ю.* Изменение состава участников корпорации: тенденции и актуальные проблемы законодательства и практики / С. Ю. Филиппова // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 2. – С. 46–54.

356. *Фрадкин, К. Б.* Возмещение убытков акционера, связанных с хищением

у него акций регистратором и эмитентом / К. Б. Фрадкин // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 11. – С. 147–159.

357. *Харитонова, Ю. С.* Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО / Ю. С. Харитонова // Нотариальный вестник. – 2023. – № 11. – С. 5–14.

358. *Харитонова Ю. С.* Корпоративное управление и дуализм права / Ю. С. Харитонова // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2014. – № 2. – С. 54–59.

359. *Харитонова, Ю. С.* Заверения об обстоятельствах в российской предпринимательской практике / Ю. С. Харитонова // Законы России: анализ, опыт, практика. – 2016. – № 2. – С. 30–35.

360. *Цепов, Г. В*. Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка / Г. В. Цепов // Закон. – 2015. – № 12. – С. 159–178.

361. *Чашкова, С. Ю.* Переход к пережившему супругу доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как общего имущества супругов / С. Ю. Чашкова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 4. – С. 30–36.

362. *Чупрунов, И. С.* Вопросы сферы действия и обхода преимущественного права покупки доли (акций) / И. С. Чупрунов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 021. – № 4. – С. 24–97.

363. *Чупрунов, И. С.* Отступное и преимущественное право покупки акций (доли) / И. С. Чупрунов // Закон. – 2022. – № 2. – С. 50–62.

364. *Широкова, А. Д., Ерахтина, О. С.* Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью / А. Д. Широкова, О. С. Ерахтина // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2015. – № 11. – С. 80–87.

365. *Шиткина, И. С.* Доля участия в уставном капитале ООО: отчуждение, наследование, раздел / И. С. Шиткина // Юрист спешит на помощь. – 2013. – № 2. – С. 42–44.

366. *Шиткина, И. С.* О проблеме обязательных указаний основного

общества дочернему / И. С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2006. – № 7. – С. 44–47.

367. *Шиткина, И. С.* Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве / И. С. Шиткина // Закон. – 2018. – № 7. – С. 114–133.

368. *Шиткина, И. С.* Парадигма и парадоксы корпоративного права / И. С. Шиткина // Предпринимательское право. – 2010. – № 1. – С. 4–12.

369. *Шиткина, И. С.* Уйти, чтобы вернуться: о правовых механизмах передачи контроля над бизнесом в России / И. С. Шиткина // Закон. – 2023. – № 7. – С. 86–91.

Иностранная литература

370. *Bayne, D. C.* A Philosophy of Corporate Control / D. C. Bayne // University of Pennsylvania Law Review. – 1963. – Vol. 112. – No. 1. – P. 22–67.

371. *Bayne, D. C.* The Definition of Corporate Control / D. C. Bayne // Saint Louis University Law Journal. – 1965. – Vol. 9. – P. 445–463.

372. *Beale, H., Bridg,e M., Gullifer, L., Lomnicka, E.* The Law of Security and Title-Based Financing. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. [Электронный ресурс] // Oxford Academic – URL: https://doi.org/10.1093/law/9780198795568.001.0001

373. *Berle, A. A. Jr.* “Control” in corporate law / A. A. Berle // Columbia Law Review. – 1958. – Vol. 58. – P. 1212–1215.

374. *Berle, A. A., Means, G. C.* The Modern Corporation and Private Property / A. A. Berle, G. C. Means. The Macmillan Company. 1932. – 395 p.

375. *Calabresi, G., Melamed, D. A.* Property Rules, Liability Rules, and Inalienability: One View of the Cathedral / G. Calabresi and D. A. Melamed // Harvard Law Review. – 1972. – Vol. 85. – No. 6. – pp. 1089-1128.

376. Code des obligations II – Commentaire romand / Ed. by P. Tercier, M. Amstutz, R. Trigo Trindade. 2e ed. Basel: Helbing Lichtenhahn, 2017. – 3621 p.

377. *Dondero, Br., Le Cannu, P.* Droit des sociétés. / *Br. Dondero* and *P. Le Cannu* – 8e éd. Paris: LGDJ, 2019. – 1151 p.

378. *Drobnig, U., Boger, O.* Proprietary Security in Movable Assets / U. Drobnig, O. Boger. Munich : Sellier European Law Publishers, 2015. – 934 p.

379. *Easterbrook, F. H., Fischel, D. R.* The Economic Structure of Corporate Law / F. H. Easterbrook and D. R. Fischel – Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 370 p.

380. *Freeman, R. E.* Strategic Management: A Stakeholder Approach / *R. E. Freeman* – Boston : Pitman Publishing, 1984. 276 p.

381. *Manne, H. G*. Mergers and the Market for Corporate Control / H. G. Manne // Journal of Political Economy. – 1965. – Vol. 73. – No. 2. – P. 110–120.

382. *Minasi, M.* Liber Amicorum Commission Droit et Vie des Affaires. / M. Minasi – Bruxelles: Bruylant, 1998. – 783 p.

383. *Montavon, P.* Droit Suisse de la SÀRL. / *P. Montavon* – Lausanne: Editions Juridiques AMC, 2008. – 713 p.

384. *O'Neal, F. H*. Oppression of Minority Shareholders: Protecting Minority Rights / F. H. O'Neal // Cleveland State Law Review. – 1987. – Vol. 35. – Iss. 1. – P. 121–146.

385. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) : Outline Edition / prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) ; ed. by Ch. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke [et al.]. – Munich : Sellier. European Law Publ., 2009. – 651 p.

386. Stakeholder Theory: The State of the Art / R. E. Freeman [et al.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 356 p.

387. *Thompson, R.B.* Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study / R. B. Thompson // Cornell Law Review. – 1990–1991. – Vol. 76. – P. 1036–1074.

388. *Usher, J .A., Pender, R.* Penderand Usher's Cases& Materials on the Law of European Communities. – London : Butterworths, 1993. – 521 p.

389. *Wood, Ph.R.* Comparative Law of Security Interests and Title Finance / Ph. R. Wood. 2nd ed. – London : Sweet & Maxwell, 2007. – 933 p.

9. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

390. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] – URL: http://www.pravo.gov.ru.

391. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс] – URL: https://www.cbr.ru

392. Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] – URL: http://www.supcourt.ru.

393. Официальный сайт законодательства Европейского союза [Электронный ресурс] – URL: http://eur-lex.europa.eu/.

394. Официальный сайт Картотеки арбитражных дел [Электронный ресурс] – URL: https://kad.arbitr.ru.

395. Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] – URL: https://sozd.duma.gov.ru.